

21.2. Англ-1

Институт иностранных языков

С.В. ВОРОНИН

5508
АНГЛИЙСКИЕ ОНОМАТОПЫ

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

Издание 2-е

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2004

ББК 81.2. Англ — 1

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Института иностранных языков, Санкт-Петербург.

Под редакцией профессора О.И. Бродович

В книге излагается *впервые* разработанная автором объективная *фоносемантическая классификация ониматопов* (звукоподражательных слов), которая, как показали исследования, носит принципиально *универсальный* характер. Используя материал английской ониматопеи (а также обширный материал из многих других языков мира) и широко привлекая данные акустики и психоакустики, автор предлагает классификацию английских ониматопов, основывающуюся на соотносимости с обозначаемыми ими звучаниями. В работе обсуждаются: типы и структура (модели) ониматопов; предсказуемость их структуры; отражение элементов психоакустической структуры денотата в ониматопее; изобразительные функции звуков в их составе. Устанавливается, что эти слова образуют в языке не неопределенный конгломерат, а весьма четко очерченную *систему*. Монография входит в цикл работ автора по общей фоносемантике, по типологической и этимологической фоносемантике, по теории языкового знака.

Книга рассчитана на широкие круги лексикологов-англистов и специалистов по общему языкознанию, психолингвистике, семиотике, на аспирантов, студентов старших курсов филологических факультетов университетов, институтов иностранных языков и педагогических институтов, а также на всех интересующихся проблемами таксономии и мотивированности языкового знака.

Воронин С.В. Английские ониматопы: Фоносемантическая классификация / Издание 2-е / Под ред. проф. О.И. Бродович — СПб.; «Геликон Плюс», 2004 — 192 с.

ISBN 5—93658—003—2

ББК 81.2. Англ — 1

© Воронин С.В., 2004

© Бродович О.И., редактор, 2004

© Институт иностранных языков, 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.....	7
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	8
ACKNOWLEDGEMENTS.....	12
ВВЕДЕНИЕ.....	13
ГЛАВА I. КЛАССИФИКАЦИЯ ЗВУЧАНИЙ	
§ 1. Общие замечания.....	18
§ 2. Параметры звучаний.....	19
2.1. Параметр I: Высота.....	19
2.2. Параметр II: Громкость.....	23
2.3. Параметр III: Время.....	24
2.4. Параметр IV: Регулярность.....	26
2.5. Параметр V: Диссонантность.....	28
§ 3. Типы звучаний.....	35
§ 4. (Психо)акустическая структура звучаний.....	38
§ 5. Выводы по Главе I.....	40
ГЛАВА II. ФОНОСЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ АНГЛИЙСКИХ ОНОМАТОПОВ	
§ 6. Общие замечания.....	47
§ 7. Класс "А": Инстанты.....	48
7.1. Тип I: Инстанты.....	48
7.2. Выводы по классу инстантов.....	56
§ 8. Класс "Б": Континуанты.....	57
8.1. Общие замечания.....	57
8.2. Тип II: Тоновые континуанты.....	57
8.3. Тип III: Чисто шумовые континуанты.....	58
8.4. Тип IV: Тonoшумовые континуанты.....	67
8.5. Выводы по классу континуантов.....	73

§ 9. Класс "В": Фреквентативы.....	74
9.1. Общие замечания.....	74
9.2. Тип V: Фреквентативы квазиинстанты.....	79
9.3. Тип VI: "Чистые" фреквентативы.....	86
9.4. Тип VII: Фреквентативы тоновые квазиконтинуанты.....	88
9.5. Тип VIII: Фреквентативы чисто шумовые квазиконтинуанты.....	90
9.6. Тип IX: Фреквентативы тоношумовые квазиконтинуанты.....	93
9.7. Выводы по классу фреквентативов.....	96
§ 10. Класс "АБ": Инстанты-континуанты.....	97
10.1. Общие замечания.....	97
10.2. Тип X: Тоновые "послеударные" инстанты-континуанты.....	97
10.3. Тип XI: Чисто шумовые "послеударные" инстанты-континуанты.....	105
10.4. Тип XII: Чисто шумовые "предударные" инстанты-континуанты.....	109
10.5. Тип XIII: Тоношумовые "предударные" инстанты-континуанты.....	111
10.6. Тип XIV: Чисто шумовые-тоновые "предударно-послеударные" инстанты-континуанты.....	113
10.7. Тип XV: Тоношумовые-тоновые "предударно-послеударные" инстанты-континуанты.....	116
10.8. Выводы по классу инстантов-континуантов.....	118
§ 11. Класс "ВAB": Фреквентативы квазиинстанты-континуанты.....	119
11.1. Общие замечания.....	119
11.2. Тип XVI: Тоновые "послеударные" квазиинстанты-континуанты.....	119
11.3. Тип XVII: Чисто шумовые "послеударные" квазиинстанты-континуанты.....	122
11.4. Тип XVIII: Чисто шумовые "предударные" квазиинстанты-континуанты.....	124

11.5. Выводы по классу фреквентативов квазиинстантов-континуантов.....	124
§ 12. Выводы по Главе II.....	125
ГЛАВА III. СООТНОШЕНИЕ “ОНОМАТОП/ДЕНОТАТ”	
§ 13. Общие замечания.....	135
§ 14. Отражение денотата.....	135
§ 15. Звукоизобразительные функции (ЗИФ) фонотипов.....	140
§ 16. Выводы по Главе III.....	151
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	157
ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА.....	162
ДОПОЛНЕНИЯ К ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	176
ПРИЛОЖЕНИЕ	
I. Символы.....	184
II. Сокращения (Научная и справочная литература).....	185
III. Таблицы	
1. Звучания и сочетания звучаний: психоакустическая классификация	
2. Английские ономотопы: фоносемантическая классификация	
SUMMARY	186

АНГЛИЙСКИЕ ОНОМАТОПЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Книга трагически погибшего в 2001 г. профессора С.В. Воронина “Английские ономапоты. Фоносемантическая классификация” была впервые издана Институтом иностранных языков (Санкт-Петербург) в 1998 г. небольшим тиражом — и сразу же стала библиографической редкостью. Автор планировал переиздание книги под своей редакцией. Этому не суждено было случиться. Многочисленные обращения филологической общественности в ИИЯ с просьбой подарить/продать новые экземпляры этой книги побудили редакционный отдел ИИЯ осуществить повторное издание монографии С.В. Воронина, но, конечно, теперь уже без каких-либо принципиальных изменений. Исключение составляют: незначительная редакторская правка замеченных опечаток, дополнения в дополнительный список литературы, внесенные редактором и включающие ряд важнейших публикаций по теме книги, вышедших из печати уже после первого издания, а также публикации автора последних лет его жизни, последние защищенные под руководством автора диссертации по проблемам ономотопеи, а также новое макетирование. Хочется надеяться, что автор одобрил бы предлагаемый текст.

Редактор — О.И. Бродович

ПРЕДИСЛОВИЕ

I. Об этой книге

Бросая взгляд на не столь давнюю историю фоносемантических идей, А.П. Журавлев пишет: “И не передашь тому, кто этого не испытал, какой охватывает трепет, когда после утомительного суммирования многих и многих ответов выстраиваются средние оценки, указывающие на непреложные закономерности... Расположив в семантическом кубе измеренные звуки, мы (с Ю.М. Орловым, — С В.) впервые получили русское фонетико-семантическое пространство. (...) Сомнения отпали — звуки речи содержательны! Получив ошеломившие нас результаты, мы написали статью и направили ее в столичный лингвистический журнал (...) Статью, как легко догадаться, не приняли. Тогда было огорчительно, а теперь понятно, что и не могли принять — слишком дискуссионна проблематика, необычен подход, непонятен метод, невероятны результаты. Редколлегиям и рецензентам трудно работать с таким материалом. Ведь новое — значит не известное никому, в том числе и рецензентам. Правда, в то же время к той же цели шли, хотя и разными путями, другие исследователи — В. Галунов, В. Левицкий, И. Горелов, С. Воронин. Но их статьи, видимо, тоже отклонялись рецензентами, а сами они в редколлегии, увы, не входили. Это теперь по фоносемантике защищаются диссертации, публикуются статьи и книги. Она поднялась до ранга самостоятельной теории, и практические приложения ее значительны и разнообразны” [Журавлев, 1987: 62—64].

Предлагаемая здесь книга должна была выйти почти [теперь было бы точнее сказать “более, чем” — прим. ред.] **четверть века назад**. Не так просто, однако, оказалось преодолевать героическое неприятие фоносемантических идей официальной лингвистикой и околлингвистикой.

В 1969 г. автором была защищена написанная под руководством профессора Н.Н. Амосовой кандидатская диссертация “Английские ономотопы. (Типы и строение)” [20].

Основные идеи диссертации в том же году докладывались в Мичиганском университете (США). Проф. Дж. Кэтфордом и проф. Г.У. Дьюи были даны положительные отзывы. Г.У. Дьюи писал: "This lecture... was... the highpoint of the summer, in my opinion, and was received enthusiastically. To many persons in the audience the extremely high level of the paper was a first revelation of the superior linguistic research now conducted at the University of Leningrad". В ЛГУ диссертация была рекомендована к опубликованию (в значительно сокращенном виде). Однако в 1974 г. рукопись книги, уже прошедшую начальную стадию редакционной обработки, тогдашний главный редактор издательства Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова тов. Н.А. Захарова вернула автору: "Тематика узка, тематика неактуальна".

Тематика была настолько "узкая", что дала новую языковедческую науку — *фоносемантику* и новую теорию происхождения языка — *иконическую*.

Тематика была настолько "неактуальна", что дала основания для *смены научной парадигмы*: исследования последних десятилетий (см., в частности, "Дополнения к основной литературе" в конце этой книги) настоятельно требуют *замены* фундаментального унитарного *принципа Ф. де Соссюра* "языковой знак произволен" *новым* — *бинарным* — *принципом*: "языковой знак одновременно не-произволен и произволен" [см. Voronin, 1989]. XX век был веком господства унитарного принципа; век XXI будет веком принципа бинарного [Voronin, 1997].

II. О литературе и отсылках

Работы в "Основной литературе" (имевшиеся в рукописи 1974 г.) даются в списке под номерами; отсылки к ним в тексте — также под номерами (в скобках). Работы в "Дополнениях к основной литературе" (т.е. основные относящиеся к нашей теме публикации 1975—1997 гг.) даем в списке без номеров; имеющиеся в тексте книги отсылки к ним — также без номеров, с указанием фамилий авторов (в квадратных скобках).

III. Терминологические уточнения

I. *Классы*. Исследования последних лет [см. Voronin,

1994] позволяют рассматривать **инстанты-континуанты** и **фреквентативы квазиинстанты-континуанты** не как гиперклассы, а как **классы**: классы “АВ” и “ВАВ” (наряду с классами “А” Инстанты, “Б” Континуанты, “В” Фреквентативы). Вместо схемы “три класса и два гиперкласса ономагопов” предлагается, таким образом, схема “**пять классов ономагонов**” [см. ниже, §§ 7—11].

2. *Фонотип*. Последовательно рационализируя терминологию фоносемантики, я предлагаю вместо более раннего термина “фонемотип” (см. Воронин 20) применять термин “*фонотип*” как более точно отражающий сущность категории.

IV. Определения категории *фонотип*

Для категории (понятия) *фонотип* предлагаю следующие определения:

Фонотип — тип звука речи, содержащего фонетический признак типа, гомоморфного с полагаемым в основу звукоизобразительной (звукоподражательной либо звукосимволической) номинации типом признака денотата.

Фонотип — тип звука речи, содержащий фонетический признакотип, гомоморфный с мотивотипом.

Релевантный для звукоподражания (ономатопеи) *акустический фонотип* — это тип звука речи, содержащий акустический признакотип, гомоморфный со звуковым мотивотипом.

Соответственно, имеющий отношение к звукосимволизму *артикуляторный фонотип* — это тип звука речи, содержащий артикуляторный признакотип, гомоморфный с незвуковым мотивотипом.

V. Закон структуры изобразительного знака

Фонотип и мотивотип — гомоморфны; фонотип гомоморфен с мотивотипом. В более строгой формулировке: фонотип есть функция мотивотипа. Поскольку фонотип — стержневой компонент структурной модели (непроизводного) ономатопа, можно утверждать, что структура звукоподражательного слова (как и структура типа такого слова) есть функция структуры акустического мотивотипа; к

ПРЕДИСЛОВИЕ

тому же выводу приводит рассмотрение в книге фоносемантической классификации онomatопов.

Предлагаю здесь также Закон структуры изобразительного (иконического) знака:

Изобразительный (иконический) знак есть функция мотивотипа.

С. Воронин
Санкт-Петербург,
декабрь 1997 г.

Acknowledgements

Автор хотел бы благодарно упомянуть тех, кто так или иначе способствовал появлению этой книги. Первые и самые горячие слова признательности — моему учителю, профессору Наталии Николаевне Амосовой, без чьей щедрой помощи не было бы этой работы. Моя глубокая благодарность — профессору Ирине Петровне Ивановой. Предложившей (вместе с Наталией Николаевной Амосовой) тему настоящего исследования; высокий научный пример Ирины Петровны Ивановой — постоянно предо мною. Я глубоко признателен профессору Т.В. Строевой и профессору Л.Р. Зиндеру — их научная эрудиция всегда служила для меня образцом; высокая оценка ими исследования вселяла уверенность в правильности и перспективности избранного неортодоксального пути. Я очень признателен доктору биологических наук Л.А. Чистович, доценту И.А. Потаповой и особенно кандидату филологических наук А.М. Газову-Гинзбергу за ценные замечания по работе, а профессорам Мичиганского университета (США) Дж. Кэтфорду (J.C. Catford) и Г.У. Дьюи (H.W. Dewey) — за поддержку выдвинутых таксономических идей. Моя благодарность — кандидату филологических наук Г.А. Паку за любезно предоставленную им обширную картотеку корейских изобразительных слов. Моя благодарность также — М.И. Алексееву, основателю и директору Института иностранных языков (Санкт-Петербург): благодаря ему публикация книги стала возможной.

И заключительные слова сердечной признательности за веру, за помощь, за поддержку — доктору филологических наук, профессору Ольге Игоревне Бродович.

ВВЕДЕНИЕ

Подводя итоги IX Международного конгресса лингвистов, Р. Якобсон подчеркивал тот “интенсивный интерес”, который языковеды проявляют к изучению “периферийных” явлений языка — ономатопеи, символики звука, экспрессивных слов, междометий и т.д. [64, 582].

Ономатопея (звукоподражание) занимает видное место среди пограничных явлений языка, и отнюдь не случайным является интерес языковедов к ономатопее и к тому, по выражению Б. Мальмберга [152, 174], “драгоценному языковому материалу”¹, какой представляют собою звукоподражательные слова — ономатопы².

Вопреки распространенному мнению сторонников принципиальной произвольности, немотивированности языкового знака, проблема ономатопеи (как и звуко-символизма) — не мелка и не тривиальна, — напротив, она теснейшим образом связана с самыми фундаментальными проблемами науки о языке (происхождение языка и его сущность, природа языкового знака, семиогенез, характер мотивированности, онтогенез языка, экспрессивность и др.).

При исследовании ономатопеи значительный интерес представляет типологическое изучение звукоподражательных слов различных языков, особенно тех, которые обычно считаются неродственными; при этом создаются необходимые предпосылки для построения *ономатопеической типологии языков мира*. Последняя явилась бы вкладом в разработку общей лексической типологии языков мира³.

Прежде чем, однако, станет возможным широкое типологическое — изучение ономатопеической лексики на большом языковом материале⁴, предстоит провести *системное* исследование ономатопов конкретных индоевропейских и неиндоевропейских языков под углом зрения фоносемантической классификации.

Попыткой такого системного исследования на материале одного из языков индоевропейской семьи — английского языка — и является предлагаемая работа.

То *положительное*, что было сделано к концу 60-х годов XX века в плане изучения английской ономотопеи⁵, принципиально сводится к следующему:

- Собран обширнейший фактический материал.
- Имеются попытки разработки классификации ономотопов.
- Установлены отдельные закономерности в характере соотношения между ономотопом и его денотатом.
- Установлен сложный (в структурно-семантическом отношении) характер ономотопеического корня.
- Введено понятие фонестемы.
- Поставлен вопрос о словообразовательном статусе фонестемы.
- Обращено внимание на применимость понятия модели к словообразованию ономотопов.

Наряду с тем ценным и положительным, что уже сделано в отношении изучения звукоподражательных слов, следует обратить внимание также на те неизбежные *минусы*, которые имели место при исследовании ономотопеи:

— Для раннего этапа изучения ономотопеи характерны были работы низкого теоретического уровня, чрезвычайно упрощавшие вопрос и делавшие поспешные и неоправданно далеко идущие обобщения на основе весьма ограниченного материала.

— Ономотопея чаще всего обсуждалась лишь в связи с различными другими, хотя и очень важными, проблемами (проблемы сущности языка и его происхождения, проблема языкового знака, вопросы экспрессивной речи, детского языка, стилистики, психологии); лишь в редких случаях ономотопея рассматривалась *per se*, как самостоятельный объект исследования.

— Изучение объекта не было достаточно строгим, что проявлялось, в частности, в том, что собственно ономотопея (как имеющая отношение к подражанию звуковым явлениям) и звуковой символизм (как имеющий отношение к подражанию незвуковым явлениям) рассматривались недифференцированно.

— Рассматриваемые факты и устанавливаемые закономерности были разрозненными — ономотопея не рассматривалась в системе.

— Известный тезис М. Граммона [111, 97] о том, что “ономотопея — это аппроксимация, но никак не точное воспроизведение (обозначаемого звучания, — С.В.)”, никак не уточнялся позднейшими исследователями; по существу, не было попыток прояснить важнейший вопрос о том, “насколько приблизительной” является ономотопеическая аппроксимация, в каких пределах она действует, какими рамками она ограничена.

— Совершенно недостаточно учитывался тот факт, что ономотопея — “стыковое”, пограничное языковое явление, что в любом языке она имеет своей объективной основой внеязыковое звучание и что образование ономотопов определяется двумя факторами — экстралингвистическим и лингвистическим.

— Указанные моменты обуславливали то, что малоудачными были попытки выявления объективно существующих в языке типов звукоподражательных слов, установления структуры ономотопов, их моделей, а также выявления точного характера соотношения “ономотоп/денотат”.

Цель предлагаемой книги — изложение разработанной ранее [20] фоносемантической классификации английских ономотопов, основанной на (психо)акустической классификации обозначаемых звучаний.

Задачи работы: рассмотрение типов и фонетической структуры (моделей) ономотопов; рассмотрение соотношения “ономотоп/денотат” (как в плане отражения элементов структуры денотата в структуре ономотопа, так и в плане звукоизобразительных функций звуков корня ономотопа).

Под *ономотопами* мы понимаем звукоподражательные по своему происхождению слова — слова, в которых находит отражение подражание звукам (звучаниям) окружающей действительности⁶.

Имея в виду сформулированную выше цель, а также принимая во внимание все сказанное о работах в области английской ономотопеи, сформулируем некоторые основные **принципы**, которыми мы руководствовались, проводя наше исследование.

— *Материал* работы брался с наибольшей возможной полнотой⁷.

— Ономатопея рассматривалась *per se*, как самостоятельный объект исследования.

— Особое внимание обращалось на *строгость делимитации* объекта исследования, который был ограничен собственно (и строго) ономатопеей (случаи звукового символизма не подлежали специальному рассмотрению)⁸.

— Ономатопея рассматривалась *в системе* — как единое целое и во всем многообразии типов.

— Были сделаны необходимые методологические выводы из того факта, что ономатопея представляет собою междисциплинарный объект, “стыковое”, пограничное явление, что в любом языке она имеет свою объективной основой внеязыковое звучание и что *образование (корневых) ономатопонов* определяется *двумя факторами* — экстралингвистическим (“универсальным”, не зависящим от каждого данного языка) и лингвистическим (проявляющимся различным образом в зависимости от конкретного языка). В работе делается упор на привлечение как данных (*психо*)акустики, так и материала *других языков*, особенно тех, которые обычно считаются *неродственными*⁹ (около 640 примеров из более 70 языков различных семей).

Работа построена в соответствии с сформулированными выше целью и принципами.

Материалом исследования послужили 700 употребляющихся в современном английском языке *корневых ономатопонов* (а также ономатопонов с формантами -er, -le). Определения значений лексем даются в основном по Большому Оксфордскому Словарю (Oxford English Dictionary), с учетом разработки соответствующих словарных статей в словарях Уэбстера (Webster's New International Dictionary of the English Language, 2nd. ed; Webster's Third New International Dictionary) и некоторых других; в целом ряде случаев определения значений были уточнены, исходя из контекстных примеров.

⁷ Разумеется, далеко не все языковеды так оценивают звукоподражательные слова. А.И. Смирницкий [58, 146], например, считает, что это “особые, частные случаи”, которые “не заслуживают

того, чтобы задерживать на них внимание". С этим последним нельзя согласиться: анализ показывает, что, напротив, ономотопы заслуживают того, чтобы на них обратили самое пристальное, самое серьезное внимание.

² В настоящей работе вместо громоздкого двухкомпонентного термина "звукоподражательное слово" преимущественно употребляется более краткий и удобный термин "ономотоп" (ср. также термин "ономотопеический", т.е. относящийся к ономотопам).

³ Относительно "лексической типологии языков мира" см. Т. Милевский [47, 22].

⁴ Исследование ономотопеической и звукосимволической лексики на до некоторой степени ограниченном языковом материале мы имеем, например, в фундаментальной и новаторской работе А.М. Газова-Гинзберга [25].

⁵ Мы опускаем здесь подробный обзор; его можно найти в книгах: Воронин, 1982. — С. 9—17; Воронин, 1990 — С. 8—15 — см. ниже "Дополнения к Основной литературе".

⁶ Сообразуясь с требованиями объема книги, мы были вынуждены оставить за пределами рассмотрения ономотопы, обозначающие голоса птиц и зверей (около 150 образований; подробно о них см. [20]). Впрочем, отличия этих последних от других ономотопов в целом незначительны — за исключением частного случая "интенсивов" (обозначений громких голосов животных), характеризующихся особой структурой с интенсивным гласным в качестве определяющего элемента (модель 30 в нашей системе); об "интенсивах" см. (20).

⁷ Привлекались ономотопы как британского, так и американского варианта английского языка — нормативные образования, диалектизмы и слэнгизмы. Помимо узувальных образований был привлечен также ряд окказионализмов, встреченных в произведениях писателей и на страницах газет и журналов.

⁸ Это, разумеется, не исключало признание факта органической связи ономотопеи со звуковым символизмом.

⁹ По понятным причинам, сопоставления ономотопов (близко)родственных языков чаще всего малоубедительны, между тем именно такого рода сопоставлениями нередко злоупотребляют.

ГЛАВА I. КЛАССИФИКАЦИЯ ЗВУЧАНИЙ

§ 1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Проблема ономотопеи есть часть проблемы связи звука и значения. В ономотопее связь звука и значения проявляется наиболее отчетливым и непосредственным образом. На дихотомию “звук — значение” указывают часто — и вполне справедливо. При этом, однако, ограничиваются исследованием связи звука и значения на чисто лингвистическом уровне, забывая, что за звуковым обликом и лексическим значением ономотопа всегда стоят реальное звучание денотата (означаемого) и значимость этого звучания для слушающего. Между тем, целый ряд проблем такого “междисциплинарного”, “стыкового” явления, как ономотопея, не может быть решен с помощью одних лишь лингвистических методов, и потому совершенно необходимым представляется привлечение экстралингвистических данных¹. К числу таких проблем относится вопрос о типах и фонетической структуре ономотопов. “Физически слово языка — такой же акустический сигнал, как грохот грома...”, — пишет В.А. Артемов [7, 292]. И вполне понятно, что подтверждаются слова Р.Якобсона, С.Карцевского и Н.Трубецкого [стр. 238, 31], высказанные еще в 1928 г.: “лингвистика все чаще и чаще будет вынуждена трактовать... (фонетические) явления с точки зрения акустики, так как именно акустический образ является целью говорящего, и именно акустический образ представляет собой социальное явление”². Попытки связать фонетический облик английского ономотопа с характером звучания обозначаемого мы находим у целого ряда авторов. Однако вопрос заключается не в том, чтобы просто установить связь между звучанием ономотопа и его денотата (эта связь достаточно очевидна), а в том, чтобы проследить, какими в первую очередь акустическими характеристиками денотата обуславливается выбор того или

инного типа звуков речи³, входящих в состав ономатопа, при учете того, каким образом преломляются эти акустические характеристики на уровне ощущений реципиента, т.е. на психоакустическом (психофизиологическом) уровне⁴. Любая классификация ономатопов, построенная без учета (психо) акустических характеристик различных типов денотатов, неизбежно оказывается субъективной и неполной. Отсутствие же объективной классификации ономатопов создает значительные трудности при изучении их фонетической структуры и словообразовательных особенностей. Естественно поэтому, что мы с неизбежностью должны обратиться за помощью к данным акустики и психоакустики. Однако никакой сколько-нибудь подробно разработанной "готовой" схемы типов звучаний (акустических сигналов) мы не находим (кроме самого общего деления звуков на тоны и шумы). Необходимо, следовательно, детально рассмотреть основные акустические параметры звучаний с целью выделить на этой объективной основе важнейшие типы реальных звучаний и — далее — отражающих их в языке ономатопов, а также с целью выявить акустическую и психоакустическую структуру звучаний и — далее — фонетическую структуру обозначающих их ономатопов.

§ 2. ПАРАМЕТРЫ ЗВУЧАНИЙ⁵

2.1. ПАРАМЕТР I: ВЫСОТА

Акустический и психоакустический уровни

Специфические особенности звуковых ощущений обусловлены, как известно, различными свойствами колебаний физических тел, являющихся источников звука или же передающих звук. Одно из таких свойств — частота колебаний, которая находится в обратной зависимости по отношению к массе тела и в прямой зависимости по отношению к коэффициенту упругости. Акустическому параметру частоты соответствует на психоакустическом уровне параметр (собственно) высоты звука. Частота звуковых колебаний определяет своеобразие данного звука в звуковом ряду. В целом, высокие звуки (в частности, тоны) оказывают на слух намного более раздражающее действие, чем такой же силы низкие звуки (см., например, [150, 20; 43, 618]). Очень высокие звуки могут производить впечатление пронзительных (piercing) и очень резких (shrill) [105, 320].

Прежде чем перейти к рассмотрению параметра высоты звука на уровне лингвистическом, необходимо остановиться на характеристике спектра частот. Спектр представляет собою сложную характеристику звука, выражающую его частотный состав, т.е. показывающую, какой частоты и какой интенсивности обертоны входят в состав звука (ср. [48, 218]). Эта акустическая характеристика имеет своим соответствием на психоакустическом уровне тембр (окраску) звука. Тембр зависит, в основном, от спектра звука (ср. [40, 375; 36, 315]). В тембре наиболее непосредственным образом выражается предметный характер звука, его изменение в зависимости от вещества звучащего тела [4, 228]. Тембровую характеристику звука можно, по-видимому, рассматривать (наряду с “собственно высотой”) как компонент высоты в широком смысле. В шумовом и речевом слышании эти два компонента высоты не дифференцируются [54, 219]. Имеется, правда, мнение, согласно которому ядром речевого слуха является ощущение тембра, отдифференцированное от высоты звука [3, 27]. Были, однако, проведены опыты, показавшие, что у большинства людей в едином параметре высоты звука отражается, по крайней мере, две объективных характеристики: основная частота и спектр звукового колебания [30, 18]. Исследования А.И.Леонтьева и его сотрудников также показали, что испытуемые (носители русского и немецкого языков), которым предъявлялись два одинаковых по высоте (основной частоте), но разных по тембру, тона (один звучал как /i/, другой — как /u/ и которым предлагалось определить, одинаковы ли эти тоны по высоте, в подавляющем большинстве случаев утверждали, что “i-тон” выше, а “u-тон” ниже (см. [44, лекция 11]). На тот факт, что низкие (низкочастотные) тоны воспринимаются на слух как /u/, а высокие (высокочастотные) — как /i/, указывают и другие исследователи. Х.Виссеман в ходе многочисленных опытов экспериментально доказал (на материале немецкого языка), что качество гласного в звукоподражательных словах отражает высоту соответствующего звука реальной действительности⁷: /i/ отражает высокий звук⁸, /u/ — низкий [230, 238]; иными словами, высокочастотный акустический сигнал звукоизобразительно отражается высокочастотным гласным (с высокой F_2); низкочастотный сигнал — низкочастотным гласным (с низкой F_2).

По параметру 1 выделимы низкие и высокие звучания.

Лингвистический уровень

Какую роль играет тембр на лингвистическом уровне и насколько оправданным было бы выделение тембра в качестве необходимой объективной характеристики звукоподражательных слов (ономатопов)? Известно, что гласные звуки различаются по своему качеству, или тембру, т.е. по присущей только каждой данной гласной специфической окраске⁹. Однако что имеется в виду под этим чисто описательным, “качественным” определением? В терминах количественных факторов (именно такие факторы и важны при рассмотрении параметров) это означает, что данный гласный (или согласный) звук речи имеет форманты в совершенно определенной — низкочастотной либо высокочастотной — области акустического спектра¹⁰. Тембр, следовательно, может быть описан с помощью звуковысотной (частотной) характеристики. Не случайно в фонетических описаниях мы находим противопоставление по высоте: /u/ — grave, /i/ — acute (объективное основание этого заключается в том, что при одинаковой частоте основного тона F_2 , /u/ намного ниже, чем /i/). Сводимость тембра к количественному фактору возможна не только теоретически; свидетельством тому служат опыты по синтезированию звуков речи: /u/, например, может синтезироваться на основе одной лишь “промежуточной” форманты F_2 в районе 600 Гц¹¹, /i/ — на основе F_2 в районе 2500 Гц [152, 170]. Роль, которую играет тембр, вряд ли имеет отношение к категории звукоподражательных слов. Эти слова тем и отличаются от простой имитации звуков (звучаний реальной действительности)¹², что в них нехотелось точного воспроизведения всех оттенков данного конкретного звучания, его качества, т.е. тембра. Для звуковой имитации (категории неязыковой) в первую очередь важен тембр (resp. спектр) как наиболее полный представитель “вещественного” звучания, для создания же звукоподражательного слова (категории собственно языковой) в общем достаточна, по-видимому, перцепция одной наиболее выраженной форманты акустического сигнала¹³. Ввиду изложенного представляется целесообразным на лингвистическом уровне описания ономатопов не выделять тембр в качестве самостоятельной характеристики, рассматривая его в составе параметра высоты (“высоты в широком смысле”)¹⁴.

По параметру высоты звука мы можем различать низкие и высокие звуки речи¹².

Гласные

К наиболее *низким* английским гласным принадлежат /u:/, /ʊ/, /ɔ/, к наиболее *высоким* — /i:/, /i/; см., в частности, [104, 158; 122, 197]. Значения формант F₁ и F₂ для /u:/, например, равны 400 и 800 Гц, для /i:/ — 375 и 2400 Гц. Заметим, что данные по немецким, французским и русским гласным обнаруживают значительное сходство [215, Tab. 7; 144, 132; 32, 39].

Согласные

Обратимся к имеющим значение для звукоподражания данным по высотной характеристике ряда типов согласных.

Взрывные. Из взрывных согласных наиболее высокие — /t/, /d/; наиболее низкие — /p/, /b/. Для характеристики согласных важное значение имеют не столько форманты, сколько временные соотношения (см., напр., [103, 459; 107, 28]); это относится не в последнюю очередь к взрывным, в восприятии которых большую роль играют формантные переходы гласных, следующих непосредственно за взрывными согласными [35, 108; 17, 14].

Аффрикаты. Аффрикаты составляют “промежуточную” категорию между взрывными и фрикативными согласными. Аффрикатизация, как известно, ведет к усилению высокочастотных составляющих в спектре согласного, и аффрикаты (в английском — /tʃ/ и /dʒ/) отличаются высоким характером звучания (см. [61, рис. 62]).

Фрикативные свистящие. Апикулярный альвеолярный глухой круглощелевой свистящий /s/ является одним из наиболее высоких звуков: максимальная энергия его сосредоточена в высокочастотной области [17, 14]. Высокая (“свистящая”) окраска круглощелевого артикуляторно обусловлена тем, что при его произнесении язык прижат к зубам (либо альвеолам) и твердому небу так, что для прохода струи воздуха остается узкая, тянущаяся вдоль середины языка щель (именно более высокое звучание отличает круглощелевые, например, от межзубных плоскощелевых /θ/, /ð/ и апикулярных двухфокусных /ʃ/ и /ʒ/ [35, 143, 160]. Звонкие фрикативные вообще сочетают более слабый, как правило, шумовой спектр со спектром гармонической составляющей [103, 459]. Так же обстоит дело и со звонким круглощелевым /z/ [17, 14]; [14, 105].

Фрикативные шипящие. Эти согласные ниже круглощелевых однофокусных /s/, /z/. Следует обратить внимание на то, что формантная область шипящих чрезвычайно широка. Мы имеем здесь пример звука, близкого к так называемому белому шуму, который не случайно сравнивают со звучанием /ʃ/; белый шум не имеет определенной высоты, энергия его распределена равномерно в очень широком диапазоне частот.

2.2. ПАРАМЕТР II: ГРОМКОСТЬ

Акустический и психоакустический уровни

На психоакустическом уровне акустической характеристике интенсивностью, или силы, соответствует параметр громкости звука. Громкость определяется прежде всего интенсивностью звуковых колебаний, хотя она зависит также от высоты звука и от некоторых других факторов. Более интенсивные звуки (звуки, имеющие большую амплитуду) при прочих равных условиях ощущаются как более громкие. По степени интенсивности (громкости) звуки можно подразделить на акустическом уровне — на *неинтенсивные* и *интенсивные*, на психоакустическом уровне — на *тихие* и *громкие*. Раздражающее действие звука увеличивается по мере увеличения громкости (см., напр., [43, 618]).

Лингвистический уровень

Любой звук речи или же любой комплекс звуков речи может быть произнесен с различной степенью громкости. Однако по самой своей акустической природе одни звуки речи более интенсивны, другие менее. Так, гласные обладают значительно большей интенсивностью, чем согласные [201, 216]. Интенсивность гласного связана с его качеством: *открытые* гласные, как правило, более *интенсивны*, чем *закрытые* (ср. [33, 174; 35, 185]). Согласные обладают намного меньшей интенсивностью, чем гласные. Впрочем, интенсивность согласного играет незначительную (во всяком случае, для английского языка) роль в звукоподражании.

2.3. ПАРАМЕТР III: ВРЕМЯ

Акустический и психоакустический уровни

Если различие между звуком низкой и высокой частоты (resp. высоты) или между звуком малой и большой интенсивности есть различие количественное, то между крайними представителями звуков, соотносимых по параметру времени, психоакустически пролегает *качественный* водораздел. Соответственно временной характеристике звуки можно подразделить на *мгновенные* (или импульсные) и *немгновенные*¹⁶. Немгновенные, далее, подразделимы по своей длительности на краткие (кратковременные) и длительные (различие чисто количественное). Для обозначения мгновенных звуков широко употребим термин “удары”. Немгновенные звуки можно было бы назвать *неударами*. Параметр высоты в неударах был рассмотрен выше. Здесь же необходимо отметить, что характеристика высоты в ударах, собственно в глухих ударах, не имеет столь большого значения: ввиду чрезвычайно малой длительности (“мгновенности”) ударов человеческое ухо либо вообще не успевает оценить звук по высоте, либо делает это с трудом; тем не менее можно говорить о высоте различных разновидностей ударов. Частотный анализ требует времени, и очень короткие импульсы (порядка 2-3 мсек) воспринимаются как лишенные высоты [200а, 100]; минимальное время, необходимое для отчетливого ощущения высоты звука тона, составляет 4-5 мсек [62, 174].

Выше было отмечено, что между ударами и неударами пролегает качественный водораздел. Это, впрочем, *не* предполагает наличия *непроходимой грани* между этими двумя категориями звучаний. Оценки минимального интервала между ударами (импульсами шума), при котором они еще не сливаются в одно непрерывное звучание (неудар) колеблются от 0,5 мсек [62, 31]¹⁷, что соответствует частоте прерывания неудара 1000 раз в сек, до 2—3 мсек [49а, 89].

Часто прерываемый шум (в более общем случае — достаточно интенсивно модулируемый неудар) или, что то же самое, очень быстрая последовательность ударов, воспринимается как диссонанс¹⁸.

Удар, как механический (например, удар одного предмета о другой), так и акустический (например, интенсивные звуковые колебания от взрыва), может вызвать

вибрацию резонатора с результирующим появлением неудара — резонаторного тона¹⁹. В зависимости от характера резонатора, звучание этого резонаторного тона будет либо *длительным* и медленно затухающим, либо *кратким* (кратковременным) и затухающим быстро²⁰. Пример первого — высокий негромкий звенящий звук, образующийся при ударе чего-либо твердого по небольшому металлическому или стеклянному предмету с большим резонансом (звон колокольчика и т.п.): ср. англ. *ting*, русск. “звен(еть)”, “дзинь”. Пример второго — высокий негромкий звенящий отрывистый звук, образующийся при ударе чего-либо твердого по небольшому металлическому или стеклянному предмету с небольшим резонансом (звук треснувшего колокольчика или стакана, звяканье монет, брелание струны²¹ и т.д.): ср. англ. *tink*, русск. “звяк”²².

Лингвистический уровень

На лингвистическом уровне по параметру времени выделяемы взрывные и невзрывные звуки.

Аффрикаты, хотя и тяготеют больше к взрывным, составляют как бы промежуточную категорию, обладая отчасти признаками взрывных (акустически — наличие элементов сходства со спектром удара²³; артикуляторно — смыкание в фазе экскурсии и смычка в фазе выдержки) и отчасти признаками невзрывных фрикативных согласных (акустически — наличие спектра неударного шума²⁴ сравнительно высокой частоты; артикуляторно — приоткрытие, в фазе рекурсии, артикуляторов с результирующим образованием очень узкой щели и прохождением воздушной струи с характерным для фрикативных шумом трения).

Взрывные согласные представляют собою частный случай (психо)акустического класса мгновенных звучаний — ударов; невзрывные согласные суть частный случай класса неударов. Это обстоятельство давно известно в акустике; К. Штумпф [204, 273], например, рассматривал взрывные и невзрывные согласные непосредственно как (resp.) “*Augenblicksgerausche*” и “*Dauergerausche*”. Позднейшие исследования дали новые доказательства общности акустической сущности ударов и взрывных согласных, а также неударов и невзрывных согласных. Так, было экспериментально установлено [147а; 93], что искусственно

воспроизводимые на синтезаторе взрывно-шумовые эффекты, или импульсы (*bursts of noise*), воспринимаются — в зависимости от меняющихся условий опыта — как взрывные согласные /t/, /k/ или /p/. И. Схоутен ([189, 204]; см. там же [205, fig. 10]) отмечает: "...резкие изменения временной характеристики могут вызывать дополнительные, при этом четко различимые, изменения в характере ощущения. Это относится равным образом как к периодическим звучаниям, так и к шуму. Последнее можно наглядно проиллюстрировать примером из области фонетики. Согласный (s) в основном характеризуется наличием шума определенного спектрального состава. Если этот шум возникает внезапно и резко и убывает постепенно, то мы слышим звук /ts/... если воспроизводится лишь короткий импульс или взрыв такого шума, мы идентифицируем его как взрывной согласный /t/"; ср. [(163a, fig. 1—9a, 1—10a; 170a, fig. 306; 143a, fig. 38, 39].

По своей длительности *невзрывные* звуки могут быть *краткими* либо *долгими*. В системе современного английского языка противопоставление согласных по признаку краткости/долготы, негеминированности/геминированности фонематически нерелевантно; в *экспрессивной* же речи геминация согласного используется как эффективное средство повышения выразительности высказывания: "фрикативные, носовые и свистящие... как и l и r, могут удлиняться; это обычно и происходит с ними, когда эмоциональная напряженность (*emotional tension*) заставляет говорящего делать большее мускульное усилие, чем обычно, при произнесении начального согласного этого рода... Такие слова, как fool "дурак", fathead "болван", rotter "дрянь (о человеке)", swine "свинья" и т.п., часто употребляемые в эмоциональной речи, могут произноситься с удлинённым начальным звуком" [89, 37]²⁵. Подчеркнем, что в *сфере ономатопеи* (которая, как известно, тоже принадлежит к области экспрессивной лексики) также возможна экспрессивная геминация: она вызывается стремлением к более точной передаче звучания-денотата²⁶. Этот вопрос изучен мало; примеры, однако, весьма показательны. Ср. ономатопы: sh, /ʃ:/ "подражание длительному шипению пара; "z-z-z "подражание жужжанию"; brnnnnnnnnng "подражание резкому, очень продолжительному звону"; rffffff "подражание звуку внезапно и с длительным шипением вырывающегося (из лопнувшей камеры) воздуха".

2.4. ПАРАМЕТР IV: РЕГУЛЯРНОСТЬ

Акустический и психоакустический уровни

Колебания звучащего тела могут быть периодическими либо непериодическими. Соответственно этому, на психоакустическом уровне по параметру регулярности (периодичности) звучания необходимо различать тоны (тоновые неудары) и шумы (шумовые неудары). В природе фактически существуют только шумы и сложные тоны, простые же тоны получают искусственно; чистые тоны встречаются редко.

Тоны обычно определяются как звуки с линейчатым спектром, соответствующие совокупности периодических колебаний с дискретными частотами (см., напр., [6, 32]). Будем различать резонаторный тон, возникающий при вибрации резонатора, вызванной ударом (ср. звон при ударе колокола), и нерезонаторный тон, не связанный с предшествующим ударом: (ср. гудение рожка)²⁷.

Шумы представляют собою беспорядочные непериодические колебания; энергия колебаний в сплошном спектре шумов непрерывно распределена в более или менее широкой области частот. Хорошо известным представителем шумов является уже упоминавшийся белый шум: (его звучание подобно шипению или шуму водопада и сходно со звучанием согласного /ʃ/, формантная область которого, как отмечалось, лежит в очень широких пределах. Сплошной спектр шума может быть очень различен по своему характеру. Энергия колебаний может быть сосредоточена в области низких частот (шум движущегося транспорта²⁸, жужжание насекомых²⁹) или же в области высоких частот (свист пара, скрежет напильника), и если спектр шума ограничен сравнительно узкой областью частот, то он приобретает даже тональный характер. В этом смысле можно говорить о шумах (шумовых неударах) высоких и низких (см., напр., [46, 7; 48, 211; 183, 235]). Не менее общепризнанным, чем деление звуков на качественно противопоставленные классы — тоны и шумы — является тот факт, что провести между ними строгую и резкую границу весьма затруднительно; в повседневном слушании орган слуха человека имеет дело со сложными звуковыми комплексами, в применении к которым можно говорить, как правило, лишь о преобладании соответственно тоновых либо шумовых черт. Например, даже “чистый шум”, или чисто шумовой удар,

может содержать неощутимые на слух элементы тона. Если же элементы тона в шуме весьма ощутимы, можно говорить о “тоношумовом” характере звучания, выделяя промежуточную психоакустическую категорию, которую мы обозначаем как тоношумовой неудар, или тоношум (характерный пример --- жужжание).

Лингвистический уровень

На лингвистическом уровне параметр периодичности — регулярности можно назвать параметром тоновости, так как именно по признаку преобладания тона (либо шума) проводится деление звуков речи на гласные и согласные. В гласных звуках доминируют тоновые черты. В сонорных согласных, или сонантах (т.е. в носовых смычных /m/, /n/, /ŋ/, в латеральном щелевом “плавном” /l/³⁰ и в “полугласных” — медиальном /j/ и билабиальном /w/) тон также преобладает над шумом. Важная особенность носовых сонантов состоит также в том, что в их образовании принимает участие носовая полость — резонатор, не участвующий в образовании других звуков речи. В шумных согласных (“несонантах”) шум является либо преобладающей (как в звонких согласных), либо единственной основной характеристикой (как в глухих). Впрочем, шум может преобладать и во встречающихся иногда так называемых глухих сонорных и глухих гласных (например, в шепотной речи: ср. также глухой сонорный /m/ на стадии первичной имитации — как звукоизображение дуновения ртом). В акустике иногда объединяют звуки речи, произносимые с участием голоса (тона), в группу “жужжащих” звуков (buzzing sounds), оставляя за звуками, произносимыми без участия голоса (т.е. за глухими согласными), наименование “шипящих” или “свистящих” (hiss sounds) [109, 1659].

2.5. ПАРАМЕТР V: ДИССОНАНТНОСТЬ

Акустический и психоакустический уровни

Ввиду недостаточной разработанности вопроса остановимся на параметре V подробнее.

Известно, что форма огибающей сложного звукового сигнала играет важную роль в восприятии: в зависимости от формы огибающей звук воспринимается либо как резкий,

шероховатый (rough), либо как ровный, "гладкий" (smooth). Степень шероховатости (harshness) звука при этом связана с глубиной модуляции; резкость, неровность, "диссонантность" воспринимаемого человеческим ухом звука тем больше, чем значительнее перепады амплитуды колебаний. Модуляция лучше всего обнаруживается при низких частотах; при более высоких частотах в слуховой системе происходит "сглаживание" огибающей, и звук ощущается как ровный, слитный, приятный, нерезкий.

Коррелятом акустического параметра формы огибающей на психоакустическом уровне явится параметр диссонантности, на лингвистическом уровне — параметр вибрантности. Выделение параметра V. представляется необходимым, так как именно по этой характеристике конституируются класс модулированных колебаний на акустическом уровне, класс диссонансов на психоакустическом уровне и класс вибрантов на уровне лингвистическом; класс вибрантов же играет (хотя на это не обращалось внимания) значительную и очень своеобразную роль в образовании онома톱ов.

В опытах с низкочастотной амплитудной модуляцией человек обнаруживает ее как определенное качество, свойство сигнала; это свойство — хриплость, шероховатость звука (см. [62, 36]). Наиболее полно восприятие амплитудной модуляции исследовано для биений.

Биения представляют собою негармонические колебания, являющиеся результатом сложения двух гармонических колебаний, частоты которых настолько близки, что слуховой анализатор, на который они одновременно воздействуют, не может воспринять их как два различных колебания (см., напр., [237, т.V, 161]). Характер биений при различной их частоте неодинаков. Медленные биения (примерно до 6 биен./сек.) [200а, 242; 108, 130] воспринимаются как приятное плавное чередование нарастаний и спадов в силе звука. Далее, однако, характер биений становится совершенно иным. С увеличением числа биений от 6-7 до 20-30 в сек [200а, 242; 43, 613] плавные переходы сменяются дрожанием, резкими интермиттирующими толчками, пульсациями (если интенсивность биений невелика, то они могут производить еще достаточно приятное акустическое впечатление; при более значительной интенсивности биений ощущение их оказывается весьма неприятным). Начиная от 20-30 биен./сек. [108, 130; 43, 613] отличительными признаками созвучия

являются хрипкость и шероховатость [53, 111, 157; ср. 43, 613]³¹, неприятный треск, дребезжание³². Дрожание, хрипкость и т.д. представляют собой наиболее характерное звучание биений — биений в их наиболее чистом виде. С дальнейшим увеличением частоты биений звучание постепенно теряет резкость, биения перестают восприниматься нашим органом слуха, и слуховое ощущение становится более приятным, а затем и вовсе неотличимым от ощущения непрерывного удара. Говоря о перцепции биений, акустики и психологи отмечают “раздражающий”, “неспокойный” характер звучаний этого класса и указывают на то, что они ощущаются как “дрожащие”, “резкие”, “хриплые”, “дребезжащие”, “трескучие” и т.п. (ср. также определения, употребляемые английскими и американскими исследователями: *vibratory, throbbing, fluttering, chirruping, rough, sharp, harsh, rattling, jarring, grating, hoarse, raucous, strident* и т.п.); указывают также на порождаемое биениями неприятное ощущение какой-то несогласованности, неустойчивости, незавершенности (см., напр., [150, 21; 45, 358; 160, 50; 175, 560]). Такое ощущение биений имеет своей объективной основой, по-видимому, следующее: поскольку, во-первых, биения следуют друг за другом чрезвычайно быстро и поскольку, во-вторых, колебания, вызывающие биения, настолько близки по своим частотам, что не могут восприниматься как два различных колебания, и имеет место суперпозиция колебаний и образование комбинационных тонов, — все это вызывает повышенное раздражение слуха, т.е. отрицательную психофизиологическую реакцию.

На психоакустическом уровне коррелируют биений (частного случая модулированных колебаний) — это, как известно, диссонансы³³; коррелируют небиеаний — недиссонансы, или консонансы (к недиссонансам относятся удары и неудары). Различие между диссонансами и недиссонансами — качественное. Акустически диссонансы могут, в принципе, рассматриваться либо как очень быстрые серии (последовательности) ударов (импульсов)³⁴, либо как прерывистые удары; специфический характер звучания диссонансов заставляет, однако, выделять их в самостоятельный класс звуков — промежуточный между ударами и неударами.

Психоакустический коррелят акустического параметра формы огибающей можно обозначить термином

“диссонантность”, так как именно по этой характеристике производится выделение класса звучаний-диссонансов³⁵.

Параметры звучаний, как уже отмечалось, могут взаимодействовать. Здесь необходимо обратить внимание на зависимость, существующую между диссонансами, с одной стороны, и частотой (resp. высотой) и интенсивностью (resp. громкостью) порождающих тонов, с другой: при более высокой частоте (см. [176а, 276]) и/или интенсивности (ср. [148, 40]) порождающих тонов (или тоновых компонентов шума) диссонанс оказывается более раздражающим и резким³⁶ (при меньшей интенсивности и/или частоте диссонанс менее резок). Известный пример — свисток, имеющий два канала и дающий две высокие ноты: при сильном продувании струи воздуха образуется комбинационный тон — биение, дающее характерный пронзительный (“свиристящий”) звук³⁷.

Диссонансы, порождаемые биениями двух чистых тонов, представляют собою наиболее элементарный, “идеальный” случай. Между тем, в природе, как уже отмечалось, фактически существуют только сложные звучания — сложные тоны и (чаще) шумы.

Возникновение диссонансов при взаимодействии сложных тонов представить легко: какая-то часть частот одного сложного тона может, например, оказаться в таком соотношении с определенной частью частот другого сложного тона, при котором возникают биения (таковы сложные музыкальные диссонансы)³⁸.

В несколько иной плоскости лежит объяснение того факта, что ощущение определенных разновидностей шума вполне сходно с ощущением диссонансов, вызываемых модуляцией (и в частности биениями) простых и сложных тонов. Известно, что часто прерываемый шум может приобретать на слух характер биений. Г. Миллер и У. Тэйлор [162, 181] приводят результат такого эксперимента: “Если шум прерывается одним электронным выключателем 100 раз в сек. и другим — 101 раз, и эти два звука подводятся к одному и тому же органу слуха, каждую секунду слышны попеременно стационарный шум и шум резкий (rough), прерывистый... впечатление от этого вполне сходно с тем, которое мы получаем от биения чистых тонов”. В опытах по восприятию двух следующих друг за другом импульсов (щелчков)³⁹ было установлено, что при быстром их следовании — при очень малых (менее 1,5 мсек) интервалах — невозможно различить два импульса от одного [18, 523];

при некотором увеличении интервала (до 10 мсек) звучание еще ощущается как единый импульс, но уже как импульс, имеющий тенденцию к расщеплению на два, как “распухший”, “двугорбый”, “хриплый” (резкий, диссонантный) импульс (при этом хриплость психоакустически является косвенным признаком наличия второго импульса) (ср. [62, 12—14, 44, рис. 28]), при дальнейшем увеличении интервала (свыше 10 мсек) перцепторно наступает отчетливое разделение импульсов [18, 523]. Известно, далее, что очень быстрые серии щелчков (“ударов”), издаваемые животными (особенно насекомыми) или птицами в количестве от 1-8 до 30 в сек., ощущаются как дрожащий звук, трель (trill)⁴⁰ — или, что в сущности то же самое — как колебания с весьма медленной модуляцией. Некоторые авторы (см. [211, 95—96]) говорят о “резком” (harsh) и “дребезжащем” характере звучания (rattle) при 31 щелчке в сек.⁴¹ Все это повторяет, в целом, картину, детально рассмотренную выше для частного случая модулированных колебаний — биений. Это и понятно, ибо, как показали исследования Л.А. Чистович, в основе различения серии импульсов (или прерывистого шума) и амплитудной модуляции лежит один и тот же физиологический механизм (см. [62, 100, 229]).

Поскольку, как мы видели, нет существенных различий в характере перцепции модулированного тонального сигнала и прерывистого шума (и то, и другое звучание воспринимается как хриплое, шероховатое, диссонирующее), оба случая представляется возможным обозначить единым термином “диссонансы”.

Итак, то, что (психоакустически) наш слух воспринимает как один удар, в ряде случаев может акустически представлять собою не один удар (импульс), а небольшую серию ударов (минимум, два), интервал между которыми предельно мал. При увеличении интервала такая небольшая серия ударов еще ощущается как один удар, но уже не как “обычный” удар, а как хриплый, диссонирующий удар, как диссонанс, носящий характер удара; такое звучание удобно для краткости обозначить термином “квазиудар”. Если серия ударов достаточно велика, чтобы ощущаться как длящееся звучание, и если частота следования ударов достаточно высока для того, чтобы каждый удар уже не ощущался обособленно, но в то же время эта частота не столь велика, чтобы удары слились в единый непрерывный слитный неудар, — в этом случае мы имеем дрожание, собственно

серию ударов, ощущающуюся как таковую; звучание подобного рода представляет собой “чистый” диссонанс, диссонанс в его наиболее “чистом” виде⁴². При увеличении частоты следования ударов (в достаточно длительной серии) звучание постепенно теряет диссонирующий характер, и серия ударов сливается в единый слитный непрерывный неудар, или недиссонирующий неудар. Звучание нередко носит также смешанный характер: наряду с серией ударов, ощущающейся как таковой (“чистый” диссонанс), наличествуют ощутимые элементы неудара; такое звучание удобно обозначить термином “квазинеудар”. Как и неудар, квазинеудар может быть шумовым либо тоновым, а также кратким либо длительным. Шумовой квазинеудар — это либо чисто шумовой, либо тоношумовой квазинеудар. Тоновый квазинеудар может быть нерезонаторным или резонаторным⁴³.

Таким образом, выделимы три важнейших, наиболее крупных разновидности диссонансов (серий ударов): I) Квазиудары; II) “Чистые” диссонансы (собственно серии ударов); III) Квазинеудары.

**Фреквентативы (ономатопы-диссонансы)
в различных языках⁴⁹**

Языки	И н д о е в р о п е й с к и е			Тюркские	Австро-незийские	Афразийские
Денотат	Русский	Английский	Таджикский	Якутский	Малайский	Семитские ⁵⁰
Грохот ⁴⁷	грох(от)	crash ⁴⁸ rumble	гурс! гудир-г! тарак- такар	ньир, (-илээ) бар (-чалаа)	guroh guntur deram	RGS
Треск ⁵¹	треск/щ крак! хруст-	rattle crack crunch	шарг- чирик-ч. карс-к. касарк!	курк/т! харк- курк!	rak rok kereket kerepak	PRR PRC KRKR
Скрип ⁵²	скрип ⁴⁴ скреж(ет) скреб- царап- шар(п)- шар(к)-	creak grind scrape scratch	гарч! шикир-ш. гйж-г! ⁴⁵	кыкыр! хаачыр кыч- кик- кыы-	kikir gores	SRSR (SRR) SRSR (SRT) HRK

Примечания:

Знаком “!” отмечены неизменяемые звукоизображения междометного типа.

По поводу /г/ в английских ономатапах см. ниже, 9.1.

В повторах вторая часть приводится в сокращении (“чирик-ч.!” — “чирик-чирик!”).

Тадж. “гиз-г.!” и якут “кыч-” “кик-”, “кыы-” — немногочисленные примеры без /г/.

Все это — обозначения скрипа. Скрип же из всех приводимых звучаний наиболее близок к простому звуку трения.

Лингвистический уровень

Рассмотренные данные проливают свет на ощущение человеческим ухом таких быстрых ударов, как скрип, треск, скрежет, хруст и т.п.

Ощущение этих звучаний реальной действительности именно как диссонансов, т.е. моделированных колебаний (либо серии ударов), объясняет наличие звука /г/ в обозначающих их ономатапах.

Наличие модуляции в вибрантах — факт, хорошо известный в акустике речи. Рассматривая характерные признаки вибрантов, М.А. Сапожников [55, 77], в частности, отмечает: “сравнивая шипящие и плавные, например, неозвученные “р” с “ж”... по стационарным спектрам, получаем, что с акустической точки зрения между ними нет существенного различия, кроме как в наличии временной модуляции у звука “р”, по которой, собственно, и производится опознавание этого звука.” О модуляции интенсивности говорит Г. Фант [61, 165]; для /г/ эта модуляция обуславливается одним или несколькими колебаниями кончика языка с частотой 25 Гц. Наличие модуляции именно в дрожащем /г/ подтверждается и данными, полученными при синтезировании звуков речи: так, для воспроизведения русского /г/ нужна полоса 200-1500 Гц при генераторе пилообразных импульсов с модуляцией напряжения генератора частотой 20 Гц [17, 14].

По наличию или отсутствию в них модуляции звуки речи можно, таким образом, разделить на вибранты и невибранты: параметр же лингвистического уровня, соответствующий акустическому параметру формы огибающей и психоакустическому параметру диссонантности, можно назвать параметром вибрантности.

Вибранты определяются как звуки речи, образуемые в результате прерывания выходящей струи напряженным, ритмически колеблющимся (вибрирующим, дрожащим) речевым органом; шум образующейся при этом серии ударов и образует вибранты [237, т. XV, ср. 242, 69].

Еще К. Штумпф [204, 272], рассматривая прерывистые шумы (*Unterbrechungsgerausche*), которые охватывают звуковые явления “от сильнейшего грохота... до едва заметной шероховатости звука, слышимой при проведении ногтя по какой-либо шершавой поверхности”, непосредственно связывал обозначение их в языке с согласным /г/ в его нескольких разновидностях.

Вполне закономерным предстает поэтому тот факт, что в самых различных языках (в том числе и тех, что обычно считаются неродственными) слова, обозначающие грохот, треск, скрип и т.п., чаще всего имеют /г/ в качестве постоянного элемента своей структуры; ср. в списке [стр. 33].

Вибрант /г/, таким образом, является отражением — на лингвистическом уровне — акустического класса модулированных колебаний и (*resp.*) психоакустического класса диссонансов (как тоновых, так и шумовых). Слова же, обозначающие различные виды резких (неприятных, раздражающих, дрожащих) звучаний реальной действительности и содержащие в качестве стержневого элемента своей фонетической структуры вибрант /г/, образуют особую разновидность звукоподражательных слов — ономотопы-диссонансы, или фреквентативы (см. ниже, § 9).

§ 3. ТИПЫ ЗВУЧАНИЙ

Выше (§ 2) мы рассмотрели те пять основных акустических параметров, которые характеризуют звучания реальной действительности. Поскольку звучание (звук) представляет собой не только акустическую (физическую) сущность, но и сигнал, воспринимаемый органом слуха человека, параметры звучаний рассматривались не только на акустическом уровне, но и на уровне психоакустическом. В терминах этого уровня параметры таковы: I) Высота; II) Громкость; III) Время; IV) Регулярность; V) Диссонантность. Эти пять основных параметров служат основой для объективной характеристики звучаний и выявления типов (и классов) звучаний, находящихся отражение в ономотопее.

По параметру I (Высота) звучание любого типа характеризуется в количественном отношении — как “низкое” либо “высокое”. По параметру II (Громкость) звучание любого типа характеризуется также в количественном отношении — как “громкое” либо “тихое”. По параметру III (Время) выделяются два качественно различных класса звучаний:

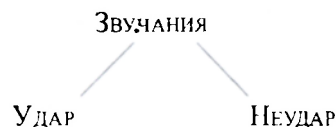

Рис. 1

Этот же параметр в применении к классу неударов дает разделение звучаний на краткие и длительные (характеристика длительности). По параметру IV (Регулярность) среди неударов выделяются два качественно противопоставленных класса — шум и тон, или шумовой и тоновый неудары. Шумовой неудар — либо чисто шумовой, либо тоношумовой:

Рис. 2

При рассмотрении звучаний в плане временной характеристики выделялись прежде всего два больших, наиболее четко противопоставленных друг другу класса — удар и неудар. Однако удар — это, в сущности, “сверхкраткий” неудар (настолько краткий, что человеческое ухо не успевает оценить его по временной протяженности и ощущает как

отдельный импульс); неудар же можно в принципе рассматривать как “сверхбыструю” серию ударов — настолько быструю, что наш орган слуха не успевает регистрировать отдельные импульсы, и они сливаются для нас в единое звучание. Между этими двумя крайними полюсами необходимо выделить еще один класс звучаний: это — прерывистый неудар, или, что в принципе то же самое, быстрая серия ударов, в которой каждый удар уже не ощущается обособленно, но полного слияния последовательности ударов в единое звучание еще нет, и быстрое чередование ударов вызывает повышенное раздражение слуха; такая серия ударов ощущается как диссонанс. Диссонанс (как и качественно противоположный ему недиссонанс) выделим по параметру V (Диссонантность):

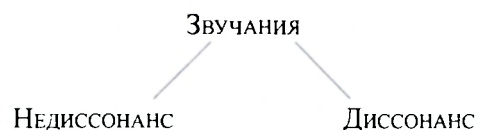

Рис. 3

Принимая во внимание, что к недиссонансам относятся как удары, так и неудары, а диссонансы представляют собою серию ударов, представим данную схему следующим образом:

Рис. 4

Мы можем теперь выделить *три класса звучаний*: А. Удар (недиссонанс); Б. Неудар (недиссонанс); В. Серия ударов (диссонанс). Или, что то же самое: А. Удар; Б. Неудар; В. Диссонанс. Необходимо, как уже отмечалось, различать три разновидности диссонансов (серий ударов): диссонирующие удары (квазиудары), “чистые” диссонансы

(собственно серии ударов) и диссонирующие неудары (квазинеудары): последние могут быть шумовыми либо тоновыми, шумовые же — чисто шумовыми либо тоношумовыми. Принимая во внимание указанные моменты, а также имея в виду, что к недиссонансам относятся удары и неудары, и последние разделяются на шумовые и тоновые (шумовые же на чисто шумовые и тоношумовые) — разворачиваем схему так, как показано в табл. I приложения, и получаем *девять типов звучаний*: I. Удар; II. Тоновый неудар; III. Чисто шумовой неудар; IV. Тоношумовой неудар; V. Квазиудар; VI. “Чистый” диссонанс; VII. Тоновый квазинеудар; VIII. Чисто шумовой квазинеудар; IX. Тоношумовой квазинеудар. В пределах этих типов и различных их сукцессивных сочетаний (т.е. сочетаний во временной последовательности) и пребывает отражаемое в ономотопее многообразие звучаний реальной действительности.

§ 4. (ПСИХО)АКУСТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЗВУЧАНИЙ

Звучание, относящееся к любому из девяти типов, психоакустически воспринимается как неразложимое, простое звучание. Акустически, однако, эти девять типов звучаний структурно неоднородны. Так, тоношумовой неудар (тип IV) представляет собой симультанное (одновременное) сочетание чисто шумового неудара и тонового неудара; квазиудар (тип V) — симультанное сочетание “чистого” диссонанса и удара; в тоновом квазинеударе (тип VII) сочетаются в одновременности “чистый” диссонанс и тоновый неудар; чисто шумовой квазинеудар (тип VIII) — симультанное сочетание “чистого” диссонанса и чисто шумового неудара; в тоношумовом квазинеударе (тип IX) — “чистый” диссонанс, чисто шумовой неудар и тоновый неудар. Следовательно, тоношумовой неудар, квазиудар, тоновый квазинеудар, чисто шумовой квазинеудар и тоношумовой квазинеудар, будучи психоакустически простыми звучаниями, акустически представляют собой звучания сложные, разложимые на более элементарные, простые, качественно противоположные типы (ср., например, жужжание: ощущается как неразложимое, простое звучание; между тем, акустически это сложный тип — тоношумовой неудар, т.е. чисто шумовой неудар, содержащий ощутимые элементы тонового неудара).

Напротив, удар (тип I), тоновый неудар (тип II), чисто шумовой неудар (тип III), “чистый” диссонанс (тип VI) представляют собою простые звучания как психоакустически, так и акустически, будучи не разложимы на более элементарные, простые, качественно противоположные подразделения. Следует заметить, что термин “акустически простой денотат” несколько условен в том смысле, что имеется в виду неразложимость денотата на более простые, качественно противопоставленные подразделения. И тоновый неудар (тип II), и чисто шумовой неудар (тип III), и “чистый” диссонанс (тип VI) мыслимо представить как серии отдельных ударов (удар — тип I), следующих с различной частотой. Да и то, что психоакустически наш слух воспринимает как один удар, может акустически представлять собою и один удар (импульс), и серию ударов (минимум — два), интервал между которыми чрезвычайно мал³³. Во всех этих случаях, однако, мы имеем серии (совокупности) качественно идентичных, но отнюдь не качественно противоположных элементов. В плане структурном, 1) Удар; 2) Тоновый неудар; 3) Чисто шумовой неудар; 4) “Чистый” диссонанс — это качественные элементы звучания, т.е. структурные элементы, являющиеся минимальными единицами качественной характеристики звучания как (психо)акустической сущности.

Звучание, однако, может быть охарактеризовано не только со стороны качественной, но и со стороны количественной. Квантитативными элементами звучания, т.е. структурными элементами, являющими собою минимальные единицы количественной характеристики звучания, являются: 1) Высота; 2) Громкость; 3) Длительность. В терминах высоты и громкости может быть охарактеризовано любое звучание. Длительность же как квантитативный элемент звучания имеет более ограниченное распространение, она не релевантна для звучания, представляющего собою удар (либо квазиудар); удар (как и квазиудар) не может быть охарактеризован как “краткий” либо “длительный”.

Квалитативные элементы звучания — это основные единицы его (психо)акустической структуры, квантитативные же элементы представляют собой дополнительные единицы атрибутивного характера. Любое звучание есть совокупность (но, разумеется, не механическая сумма) квалитативных и квантитативных элементов.

§ 5. ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Рассмотрение параметров, типов и (психо)акустической структуры звучаний приводит нас к следующим основным выводам.

1. Основой для объективной характеристики звучаний и выделения типов и классов звучаний, находящихся отражение в ономотопее, служат пять акустических параметров, которые в терминах психоакустического уровня именуются: I) Высота; II) Громкость; III) Время; IV) Регулярность; V) Диссонантность.

2. Выделимы три класса звучаний реальной действительности: "А". Удар; "Б". Неудар; "В". Диссонанс, которые распадаются на девять типов звучаний.

3. Типы звучаний различны по своей (психо)акустической структуре. Тоношумовой неудар, квазиудар, тоновый квазинеудар, чисто шумовой квазинеудар, тоношумовой квазинеудар — психоакустически простые, но акустически сложные звучания. Напротив, удар, тоновый неудар, чисто шумовой неудар, "чистый" диссонанс — звучания простые, как психоакустически, так и акустически.

4. В плане структурном удар, тоновый неудар, чисто шумовой неудар, "чистый" диссонанс суть *качественные* элементы звучания. К *количественным* элементам звучания относятся высота, громкость, длительность.

5. Поскольку акустические сигналы, воспринимаемые органом слуха человека, интересовали нас не сами по себе, а как сущности, находящие отражение в обозначающих их звукоподражательных словах, был введен — наряду с психоакустическим и акустическим уровнями — также третий уровень описания: лингвистический, что позволило рассматривать различные типы звуков речи в их соотносительности с коррелирующими типами внеязыковых звучаний. При этом для дальнейшего анализа ономотопов важнейшими представляются следующие моменты: 1) по параметру I: на лингвистическом уровне коррелируют низкого (низкочастотного) звучаний — низкий гласный, коррелируют высокого (высокочастотного) звучания — высокий гласный; 2) по параметру II: на лингвистическом уровне коррелируют неинтенсивного (тихого) звучания — неинтенсивный гласный, коррелируют интенсивного (громкого) звучания — интенсивный гласный; 3) по параметру III: на лингвистическом уровне коррелируют акустического удара (импульса) — взрывной согласный; 4) по параметру IV: на лингвистическом уровне

коррелят чисто шумового неудар — глухой фрикативный, тоношумового — звонкий фрикативный, коррелят тонового неудар — (долгий) гласный либо сонорный согласный; 5) по параметру V: на лингвистическом уровне коррелят диссонанса (модулированного сигнала) — звук /r/.

6. Рассмотрение классификации звучаний дает основания для выработки объективной фоносемантической классификации и изучения типов и фонетической структуры ониматопов.

¹ В не столь давнее время профессор Н.Н. Амосова (в своем докладе “Слово как элемент речевой цепи”), возражая против попыток объяснения всех без исключения языковых явлений внутриязыковыми факторами, подчеркивала, что далеко не все в языке объяснимо без выхода в экстралингвистику. Ср. также высказывания Л.Р. Зиндера [34, 111—116], О.С. Ахмановой [8, 35] и В.М. Павлова [51, 51—55] о важности тесного сотрудничества лингвистов с инженерами связи, акустиками, психологами, физиологами и о роли междисциплинарных разысканий. Думается, здесь следует сделать одно добавление. Язык необходимо, в принципе, исследовать языковыми же методами — это бесспорно. Но язык — явление многоаспектное, многогранное, и некоторые области его непосредственно соприкасаются с различными неязыковыми сферами. Хотя языковые и внеязыковые явления качественно различны, между ними нет непреодолимой стены, и они могут выступать в тесном переплетении (это обстоятельство, в частности, и приводит исследователей к мысли о необходимости выделения наряду с собственно лингвистикой также паралингвистики). Все это говорит о том, что при изучении “стыковых” языковых явлений важно учитывать данные экстралингвистики.

² С физической стороны звуковая материя языка характеризуется теми же признаками, что и любое другое звуковое явление: см. В.А. Артемов [6, 35].

³ Выбор именно типа звуков речи (взрывные, глухие фрикативные, звонкие фрикативные и т.д.), но не самих звуков /p, b, t, d, s, z и т.д./.

⁴ При исследовании речевого сигнала (который с точки зрения теории связи есть частный случай акустического сигнала, т.е. звука как физической сущности) методика анализа по трем уровням (“ступеням”, “пространствам находит, в той или иной форме, достаточно широкое применение: см. напр. D. Fry (106a, 169—173); B. Malmberg (152, 122).

⁵ Наименования параметров в заголовках приводим в терминах психоакустического уровня.

⁶ Гласные, как известно, различаются по тембру, т.е. по характерным для каждого гласного формантам; высота голосового тона не имеет существенного значения.

⁷ Это явление, давно известное в лингвистике, нередко, однако, оспаривается лингвистами, скептически относящимися к ономотопее и символике звука; строго документированные свидетельства со стороны экспериментальной психологии имеют, поэтому, важное значение.

⁸ Ср. у Ж. Дюма [198, 135], который считает общепризнанным тот факт, что очень высокий звук напоминает собою гласный /i/.

⁹ Применительно к согласным также можно говорить о тембре [35, 133].

¹⁰ Г. Фант [101, 109—119] показал, что для того, чтобы охарактеризовать тот или иной гласный звук, в принципе, достаточно указать лишь его форманты.

¹¹ Интересно, что формантная область так называемого “воющего тона” лежит в пределах 400-700 Гц [46, 95], т.е. совпадает с F_2 гласного (u) либо же близка ей. Поэтому не случаен выбор гласного, например, в английском ономотопе howl “выть” (ср. англ. h(o)ulen), (ср. русск. “у-у-у” — о вое ветра); несомненное сходство обнаруживают между собою записи воя собаки и звука /u:/ [187, 465, Tab. XLI]. Аналогичное положение мы наблюдаем также в англ. hoot “ухать (о сове); кричать; гудеть” (ср. англ. huten) и owl “сова” (др. англ. ðle): форманты крика совы лежат в области низких частот — до 600 Гц [66, 31].

¹² Имеются в виду случаи вроде имитации охотником голоса птицы на охоте или артистически точного подражания музыкальным эксцентриком игре на трубе и т.д.

¹³ Следует подчеркнуть, что эта первичная аппроксимация на лингвистическом (фонетическом) уровне имеет большое значение.

¹⁴ В противном случае при описании звучаний пришлось бы ограничиться эпитетами, вроде “бархатистый”, “холодный”, “густой” и т.п. — широкоупотребительными, но мало что дающими для объективной классификации ономотопов.

¹⁵ Термин “низкие” (resp. высокие) звуки речи несколько условен: он означает лишь то, что вторая форманта (F_2) гласного — или спектральный максимум согласного — находится в области низких (либо, соответственно, высоких) частот.

¹⁶ Термин “мгновенные звучания” следует, разумеется, понимать не в абсолютном смысле, а лишь в плане резкой качественной противопоставленности слухового ощущения ударов, взрывов и т.п. акустическому впечатлению от шипения, протяжной мелодии и под. Ср. у Дж. Ликлайдера [43, 588 фиг. 4А], где t удара принимается равным нулю.

¹⁷ Называют также интервал “менее 1,5 мсек” [18, 523].

¹⁸ См. ниже, 2.5.

¹⁹ Ср. [231]. См. [214, 89]: осциллографическая запись звука камертона.

²⁰ При этом следует отметить, что собственная частота колебаний резонатора (резонирующей полости) уменьшается с увеличением объема резонатора [199, 163].

²¹ В последнем случае имеется в виду внезапное прерывание рукой звучания струны через небольшие промежутки времени (сама струна, естественно, способна давать длительный резонанс).

²² Интересно сравнить отражение на лингвистическом уровне, т.е. в звуковом составе звукоподражательных слов, приведенных выше звучаний — англ. *ting*, русск. “звенеть”, “дзинь” и англ. *tink*, русск. “звяк” /<*zvʲɐnkʲ/ — со звуковым составом англ. *tick*, русск. “тик(ать)” о часах и т.п.: ср. “тик-тик”, которые, как и первые примеры, обозначают высокий негромкий звук, но, в отличие от них, отрывистый “незвенящий” (глухой) звук, образующийся при ударе чего-либо по небольшому предмету с нерезонирующей (либо в данных условиях, либо вообще) поверхностью. Ср. также *twang*. “подражание звуку натянутой струны”, и диал. *twank*, которое Oxford English Dictionary определяет следующим образом: “передает звук, который начинается подобно звуку натянутой струны (*twang*), но который резко обрывается, как, например, звук, получающийся при ударе о тело с малым резонансом”.

²³ Ср. напр. Malmberg [152, 56]. Ср. также: “Аффрикаты... представляют собой, в сущности, сочетания соответствующих взрывных с соответствующими фрикативными. Длительность непериодического... сегмента здесь, как правило, меньше, нежели его длительность во фрикативных... Непериодический сегмент следует почти тотчас же за сегментом импульсного типа” — W. Jassem [128, 345]. Но ср. у Л.Р. Зиндера: “аффриката содержит два элемента — смычный (но не взрывной) и щелевой” [35, 142].

²⁴ Ср.: “аффрикаты отличаются от взрывных в основном тем, что спектр непериодической части кривой сходен со спектром фрикативных...” — W. Jassem (127).

²⁵ Ср.: “Начальное /v/ слова *vicious* “порочный; злой, злобный, грязный” часто удлиняется (чего не происходит в /v/, например, в *velvet* “бархат”) с соответствующим звуковым жестом, представляющим собой злобное ворчание — D. Bolinger [79, 124]. Ср. также *grtreat!* (вместо *great!*) — K. Pike [174, 97].

²⁶ Ср. у Smithers [194, 85] — о да. *ruffan* “дуть”; экспрессивная геминация /-f-/ рассматривается автором в плане символики звука. Ср. также Т.М. Николаева, Б.А. Успенский [49].

²⁷ В дальнейшем изложении под тоном имеется в виду (если это не оговаривается особо) именно нерезонаторный тон — не связанный с предшествующим ударом.

²⁸ Городские виды транспорта имеют по преимуществу низкочастотный и отчасти среднечастотный характер [37, 84]. Ср.

употребление в английском окказиональном ономатопе *vroom* низкого гласного /u:/ для передачи шума проезжающего транспорта: "...you will be intimidated by cars, blown at with poison fumes, outshouted by the vroom of buses" (Reader's Digest July 1965, p. 71).

²⁹ Если бы маятник часов мог качаться с частотой 20 двойных колебаний в секунду, то мы улышались бы низкий басовый звук, напоминающий гудение или жужжание шмеля [1,5]; частота 20 колеб./сек представляет собой нижний порог слухового ощущения человека.

³⁰ Относительно вибранта /r/ и его специфики см. ниже, 2.5. и 9.1.

³¹ Ликлайдер [43, 613] сравнивает перцепцию биений на этой стадии с ощущением на слух "резкого и раскатистого шотландского r" ("the rough quality of a Scotsman's burr").

³² Титченер [213, 104] сравнивает звучание этой характерной фазы биений с дребезжанием литавров (rattle of a kettle-drum) и серийей ударов молота о наковальню.

³³ Хотя явление диссонанса изучено еще далеко не достаточно и "полно загадок" [Rohracher, 183, 219], теория Гельмгольца, ставящая явление диссонанса в непосредственную связь с биениями, считается признанной.

³⁴ Именно так рассматривает диссонансы, например, Скучик [56, т. II. 20]: "...звук с сильным и высоким спектром обертонов в широких пределах соответствует спектру частичных тонов последовательности взрывов и поэтому должен вызывать грубое и неприятное впечатление... Музыкальные диссонансы также соответствуют таким последовательностям взрывов". Анализ проводится на основе музыкальных диссонансов, которые ближе к "идеальным" физическим (акустическим) сущностям и более "элементарны", нежели, например, различные виды скрежета, грохота и т.п. (о которых см. ниже), и потому легче поддаются исследованию.

³⁵ Те исследователи, которые выделяют указанную характеристику, обычно терминируют ее как "благозвучность" (sweetness) или как "резкость", "хриплость" (Rauhigkeit; roughness, harshness): см., напр., A. Bain [69, 213], C. Stumpf [202, 452], G. von Békésy [70, 276], C. Mathes, H. Miller [159, 780], Л.А. Чистович [62, 36, 51]. Более удачным, однако, представляется термин "диссонантность": он лишен элементов субъективной оценки, которые наличествуют в термине "благозвучность", и, по-видимому, не ассоциируется с терминами из других областей знания, что характерно для терминов "резкость" и "хриплость".

³⁶ Ср.: "Пронзительные крики (screeching) попугая; резкий, на высокой ноте (shrill) лай маленькой собаки... крики (screaming) младенца — все это примеры болезненной остроты, с которой звук воздействует на наш слух. Когда затачивают (sharpening) пилу или царапают (scratching) чем-либо по стеклу, то при этом возникает

сильный, резкий и высокий звук (*intense shrill note*). В большинстве подобных случаев следует предположить наличие элементов диссонанса, а также значительной интенсивности звука, доходящей почти до болевого ощущения" [Bain 69, 215]. Спектрографическая запись подтверждает наличие очень высоких частотных компонентов, например, в криках младенца: см. W. Koenig et al. [138, fig. 24a, b]; запись визгливого и скрежещущего звука, производимого напильником при его движении по металлической пластине (ср. заточку пилы), дает, наряду с высокочастотной тональной областью также характерную картину биений либо быстрой серии ударов [138, fig. 23E].

³⁷ Ср. Koenig et al. [138, fig. 34D]: в записи звука полицейского свистка отчетливо видны биения.

³⁸ Ср. Randall [177, 228]. Ср. также у Бэна, который, основываясь на классических работах Гельмгольца, определяет резкий скрежещущий музыкальный звук как "сочетание диссонирующих тонов" [Bain 69, 214].

³⁹ Два предъявляемых непосредственно один за другим импульса — это наименьший возможный отрезок прерывистого шума, или минимальная серия импульсов (ударов).

⁴⁰ См. D. Borror [81, 27]; ср. Thorpe [211, 63, fig. 30c]. Такое же слуховое ощущение, как от очень быстрых последовательностей ударов, мы получаем и от достаточно частой модуляции непрерывного звучания (неудара) по высоте: Borror [81, 27].

⁴¹ При частоте щелчка более 30 в сек., обычно отмечается, что звук меняет свое качество и воспринимается уже как жужжание, т.е. как "неудар" [81, 27; 211, 95]. На лингвистическом уровне звукоизображением сравнительно медленного стрекота насекомых является, например, ономагон *chirr*; ономагон же *chizz* следует, без сомнения, считать возникшим из подражания более быстрому стрекоту (по существу, уже жужжанию).

⁴² Ср. выше, о биениях в их наиболее "чистом" виде.

⁴³ О разновидностях шумового и и тонового неудара, (которым аналогичны указанные разновидности шумового и тонового квазинеудара) см. выше 2.2. и 2.4.

⁴⁴ Отметим здесь, что, например, стрекотание большинства насекомых, собственно, и являет собою скрип (трение одной жесткой части тела о другую: сверчки, кузнечики) либо треск (вибрация особой перепонки: цикады).

⁴⁵ Различие между звуками речи "р" и "ж" (а также "з") параллельно различию между диссонансом и жужжанием.

⁴⁶ Специфика артикуляции вибрантов (дрожащих) приводит Л.Р. Зиндера [35, 146] к выводу о возможности выделения их в особый вид согласных (наравне со смычными и щелевыми). Думается, что

специфика вибрантов как акустических и психоакустических сущностей дает основания для такого же вывода.

⁴⁷ Ср. у К. Пайка [174, 125]: "Дрожащие могут рассматриваться как автоматические повторения ударной артикуляции".

⁴⁸ О разновидностях /t/ см. напр.: Л.Р. Зиндер [35, 156, 157, 158, 161, 167].

⁴⁹ Материал списка заимствован в основном у А.М. Газова-Гинзберга [25], за исключением английских примеров, а также якутских и малайских обозначений грохота.

⁵⁰ Семитские формы приводятся (здесь и далее) по А.М. Газову-Гинзбергу [25]; так: G — заднеязычный глоточный звонкий щелевой, S, S, — переднеязычные двухфокусные глухие щелевые, C — зубно-зубной напряженный щелевой, K — заднеязычный язычковый напряженный смычный, S — переднеязычный зазубный напряженный щелевой, T — переднеязычный зазубный напряженный смычный, H — заднеязычный глоточный глухой щелевой.

⁵¹ Сюда входят также звукоизображения хруста (звука ломанья).

⁵² Сюда входят также звукоизображения скрежета и звука царапанья.

⁵³ Как уже отмечалось, в опытах по восприятию двух следующих друг за другом импульсов было установлено, что при интервале менее 1,5 мсек невозможно отличить два импульса от одного [18, 523].

ГЛАВА II. ФОНОСЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ АНГЛИЙСКИХ ОНОМАТОПОВ

§ 6. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В Главе I была рассмотрена классификация звучаний. Это позволило выявить основания для объективной фоносемантической классификации и изучения типов и фонетической структуры онomatопов. Были установлены 9 типов звучаний и было отмечено, что все многообразие звуков реальной внеязыковой действительности складывается: а) из этих девяти типов звучаний; б) из различных (сукцессивных) сочетаний этих типов, т.е., в сущности, из различных типов (сукцессивных) сочетаний звучаний. Число последних теоретически весьма велико, однако анализ всех психоакустически возможных типов сочетаний звучаний действительности не входит в нашу задачу. Мы ограничимся тем, что укажем лишь на те типы сочетаний звучаний, которые находят звукоизобразительное отражение в онomatопеях английского языка. Как показывает материал английской онomatопеи, таких типов также девять. В звукоподражательной системе английского языка, следовательно, находят отражение 18 типов денотатов — 9 типов звучаний и 9 типов сочетаний звучаний.

Девять типов звучаний группируются в три класса: “А” — Удары; “Б” — Неудары; “В” — Диссонансы (серии ударов), из которых первые два полярно противоположны, третий же представляет собою класс, “промежуточный” между ударами и неударами. Девять типов сочетаний звучаний, в свою очередь, образуют два класса: “АБ” — Удары-неудары, “ВАБ” — Диссонансы квазиудары-неудары, из которых первые совмещают черты класса ударов и класса неударов (и тяготеют к ударам), вторые же — черты всех трех классов: ударов, неударов и диссонансов (и тяготеют к диссонансам квазиударам). Три класса английских акустических онomatопов, соответствующие каждому из

классов звучаний-денотатов, мы термилируем, соответственно, как: “А” — Инстанты, “Б” — Континуанты, “В” — Фреквентативы. Два класса английских ономапопов, соответствующие каждому из двух классов сочетаний звучаний, в работе обозначаются, соответственно, как: “АБ” — Инстанты-континуанты; “ВАБ” — Фреквентативы квазиинстанты-континуанты. Типы и классы звучаний представлены в Таблице 1 (“Звучания: психоакустическая классификация”), типы и классы сочетаний звучаний-денотатов, отражаемых английской ономапопеей, — в Таблице 2 (“Сочетания звучаний: психоакустическая классификация”). В Таблице 3 (“Английские ономапопы: фоносемантическая классификация”) приведены типы — всего 18 типов — английских ономапопов.

Перейдем к фоносемантической классификации; рассмотрим типы (а также классы) английских ономапопов и особенности их фонетической структуры, их моделей.

§ 7. КЛАСС “А”: ИНСТАНТЫ

7.1. Тип I: Инстанты

Инстанты как класс и одновременно как тип ономапопов обозначают удар, т.е. “сверхкраткий” (“мгновенный”) шум или тон, одинаково воспринимаемый человеческим ухом как акустический удар. Частотный анализ требует времени, удары же имеют чрезвычайно малую (“мгновенную”) длительность, и потому слуховой анализатор человека зачастую не успевает определить высоту звучания — удара. Поэтому параметр высоты звука в ударах играет меньшую роль, и на первое место по значимости выдвигается параметр интенсивности/громкости. Инстанты английской ономапопеи удобно рассмотреть в связи с их двумя структурными разновидностями: I) — инстанты без SON неабс. нач¹ и II) — инстанты с SON неабс. нач

I). Инстанты без SON неабс. нач.

Сюда относятся обозначения стука, шелканья, хлопанья, шлепанья, бульканья, а также отрывистого (“мгновенного”) тона, носящего характер акустического удара:

- tap**
“стучать, постукивать”;
- tack**
редк. “звук сильного удара (напр. молотком)”;
- tick**
уст. “прикасаться; почти бесшумно постукивать, хлопать”,
“тикать”;
- tat**
диал. “прикасаться, постукивать, хлопать”;
- tit**
ныне *диал.* “прикасаться, постукивать, хлопать” (слабее,
чем *tat*);
- dod**
диал. “бить, стучать”;
- pat**
“похлопывание (по спине); хлопок, шлепок”;
- pit**
“подражание тихому звуку падения чего-либо мелкого (напр.
капель дождя)”;
- pop**
уст. “ударять с хлопком”; “чмокать (губами); хлопать (о выстреле,
о хлопушке); выстреливать (о пробке); лопаться”;
- pip**
“пробивать яичную скорлупу (о цыплятах)”;
- bubble**
“пузыриться, кипеть; булькать; бить ключом”;
- guggle**
“булькать (о жидкости, вытекающей из бутылки с узким
горлышком); издавать сдавленный горловой звук (напр. при
смехе)”;
- chop**
“рубить; нарезать; крошить”;
- chack**
шотл. “сжимать, сдавливать, стискивать ч.-л. (челюстями, а также
закрываемым окном, дверью и т.п.); стучать, щелкать”;
- pip**
“высокий, отрывистый звук радиосигнала”.

Заметим, что /l/ в *bubble* и *guggle*, являясь особым формантом, не входит в структуру корня ономотона. См об этом [Бартко 2002, Voronin 2004].

Гласный корня в инстантах без SON неабс. нач. — краткий, интенсивный (в случае, если обозначаемое звучание более громкое), либо неинтенсивный (в случае, если звучание менее громкое). В исходе слова — любой взрывной

согласный. В анлауте — любой взрывной; в отдельных случаях анлаут представлен аффрикатой (глухой). Приведем в этой связи замечание Марчанда [156, 314]: “В словах, обозначающих звук, имитационный принцип играет большую роль в развитии начальных символов, как в /b/ и /p/, которые демонстрируют взрыв при помощи внезапного разделения губ, и поэтому являются, видимо, наиболее естественной передачей того, что ухо воспринимает как взрыв вовне. Мы имитируем в инстинктивном-параллелизме звуковой взрыв во внешнем мире при помощи движения наших органов речи, дающего сходный результат. Символы /t/ и /d/ часты в словах, обозначающих удар или стук² по чему-либо. Удар и стук могут быть имитированы благодаря движению языка: кончик языка ударяет о зубы или альвеолы и отнимается со взрывом”. А.М. Газов-Гинзберг [25, 29 прим. 24] отмечает, что пример Марчанда с “ударом языка” является преувеличением: “роль сходства процессов ограничена здесь, видимо, тем, что в артикуляции /t/, /d/ участвуют твердые органы, как при стуке, а также мгновенностью этих звуков”. Это замечание вполне справедливо; следует лишь подчеркнуть, что важнейшим здесь является фактор акустический (“мгновенность этих звуков”), но не артикулярный (“участвуют твердые органы, как при стуке”). Далеко не всегда мы видим, какие предметы — твердые или мягкие — производят стук, сам же стук мы слышим всегда.

С английскими звукоизображениями стука, хлопанья сравним ономотопы по языкам: тадж. так-так, “стук в дверь” и тик-тик, “тихий стук”; турецк. sat “подражание шуму от удара, хлопанье” и sit “подражание очень легкому шуму”; индонез. (menge)tok “стучать, ударять” и (menge)tik “тикать; стучать (на машинке)”; ср. далее азерб. taptap, бурят. түг-түг; корейск. ттук-ттук.

Тот факт, что хлопанье, шлепанье, бульканье могут весьма удачно передаваться (на стадии первичной имитации) щелкающим звуком чмокающей артикуляции³, известен и отмечался для типологически самых различных языков. На стадии “оформленного” звукоизображения мы имеем менее точную имитацию: вместо губно-губного взрыва чмокающей артикуляции в составе ономотопа наличествует нещелкающий звук того же места и способа образования — губно-губной взрывной /p/ или /b/ (PLOS^{LAB}). Сравним звукоизображения удара ладонью: англ. pat, япон. bachi-bachi; звукоизображения лопающегося предмета: англ. pip, чуваш. пат; звукоизображения

бульканья: англ. bubble, нанайск. bokbok. Сравним также англ. рор, обозначающее — и это весьма показательное — как хлопок (также звук лопнувшегося предмета), так и чмоканье губами. PLOS^{LAB} в анлауте обозначений хлопанья, шлепанья, бульканья является, таким образом, отражением не только удара (категории акустической), но и чмокающей артикуляции (категории неакустической, артикуляторной).

II). Инстанты с SON неабс. нач.

Сюда, как и к инстантам без SON неабс.нач, относятся обозначения стука, шелканья, хлопанья, шлепанья, бульканья. В данном разделе рассмотрим два основных случая: 1) инстанты с SON^{NAS DENT} неабс. нач и 2) инстанты с SON^{LAI} неабс. нач

1. Инстанты с SON^{NAS DENT} неабс. нач.

К этой группе принадлежит ряд обозначений стука и шелканья, например:

knock

“сильно ударять, бить, стучать”⁴;

knack

уст. “отрывистый звучный стук”; dial. “стучать, шелкать зубами; шелкать пальцами”;

snar

“цапнуть, укусить; резко, со щелчком сомкнуть челюсти, зубы; сломать ч.-л. внезапно, со щелчком или треском; шелкать (пальцами и т.д.)”;

snip

“откусить, цапнуть; хватать зубами; резать ножницами (с характерным щелчком)”.

Эти ономагопы (либо их этимоны) связаны с обозначением стука, шелканья, сдавливания зубов — особенно при кусании, со свободным прохождением воздуха через носовую полость: отсюда дентальный носовой /n/ в их составе [22; 23]. Наличие SON^{NAS DENT} неабс. нач. в ономатопах группы knock обусловлено, таким образом, не акустическими, а артикуляторными факторами, отсюда и необычная для ономатопопов-инстантов структура некоторых из них без начального PLOS (или AFFR). Начальное /s-/ в snar, snip представляет собою “s”-mobile.

2. Инстанты с SON^{LAT} неабс. нач.

К этой группе принадлежат обозначения: а) стука, шелканья, хлопанья, шлепанья (по чему-либо мягкому или чем-либо мягким) и б) бульканья.

А) Стук, шелканье, хлопанье, шлепанье.

Соответствующие звукоизображения, в частности, таковы:

clap

“производить хлопок. громкий отрывистый звук”;

clip

“резать ножницами (с характерным шелчком), стричь”⁶;

clack

“стук, громкое шелканье; хлопать, кудахтать”⁷;

click

“щелкать языком; щелкать (щеколдой, затвором)”⁸; *фонет.* “кликс, щелкающий звук”⁸

plod

“брести, тащиться (с глухим звуком тяжелых шагов по сравнительно твердому грунту)”;

plat

уст. “шлепнуть, хлопнуть”;

splat

“шлепнуть(ся)”.

Наличие SON^{LAT} неабс. нач. в составе приведенных онематопов связано, по-видимому, со следующим: наиболее удачной имитацией шелканья (как нередко и близких шелканью звучаний — хлопанья и шлепанья, а также стука) является (на стадии первичной имитации) шелкающая артикуляция (ср. [25, 57-58, 65-68], важная составная часть которой — “l-образный” латеральный элемент (см. [22, 44-45]; на стадии “словесной имитации”, т.е. в составе звукоподражательного слова, этот латеральный артикуляционный элемент отражается через латеральный /l/; ср. русск. шелк (и сам термин “щелкающие звуки”), нем. klicken, чуваш. шалк — “подражание шелканью языком, а также шелканью щеколды”. Таким образом, наличие SON^{LAT} неабс.нач в рассмотренных онематопах обусловлено факторами неакустического, артикуляторного порядка. Выше уже отмечалось, что PLOS^{LAT} в анлауте обозначений хлопанья,

шлепанья, бульканья является отражением не только удара, но и чмокающей артикуляции. Учитывая это, а также то, что SON^{1AT} /l/ отражает латеральный элемент шелкающей артикуляции, мы вправе говорить об анлауте /pl-/ , /bl-/ как об отражении комбинированной чмокающе-шелкающей артикуляции (на стадии первичной имитации), в которой передняя смычка осуществляется внутренней стороной верхней губы и загнутым вверх и назад передним краем или кончиком языка.

Б) Бульканье.

Плавное, без выраженного шума трения и без разрывов сплошности движение, протекание жидкости (воды) в звукоизображении наилучшим образом передается плавным звуком речи — латеральным /l/, артикуляция которого хорошо “моделирует” изображаемый процесс: при образовании /l/ воздух протекает плавно, с минимальным торможением и, следовательно, с минимальным шумом трения — по широким протокам вдоль боковых частей языка⁹ (ср. само название этого звука речи: “плавный”, а также “liquid” — букв. “текучий”). По-видимому, в первую очередь именно с “текучим” характером /l/ связано частое использование его в составе обозначений различных состояний тока воды¹⁰, в том числе и состояний, при которых плавность течения и сплошность воды (жидкости) местами нарушаются: в этом случае “текущее” /l/ передает сам “текучий” характер процесса, т.е. собственно ток, движение воды. В гидродинамике хорошо известно явление *кавитации*, заключающееся в образовании разрывов сплошности жидкости в результате местного понижения давления. Сокращение (захлопывание) кавитационных пузырьков происходит с большой скоростью и сопровождается своего рода гидравлическими ударами (акустическими импульсами), напоминающими щелчки (см., напр., [38, 38]). Соответственно частоте следования этих ударов выделимы три основные разновидности кавитации: 1) бульканье; 2) бурление, журчание; 3) шипение, шум (воды). Если гидравлические удары при кавитации относительно редки и следуют друг за другом с небольшой частотой, наш слух воспринимает отдельные удары (щелчки), и мы говорим о бульканье. Спектрографические записи бульканья отчетливо показывают наличие в звуке именно отдельных акустических импульсов (ударов) (см., напр., [138, fig. 34F]). Более частые

и многочисленные удары (при турбулентном состоянии жидкости) воспринимаются в совокупности как последовательность слабо трескучих звуков, либо как длительный дрожащий звук (или последовательность таких звуков), и мы говорим о той или иной разновидности бурления или журчания. Если степень развития кавитации такова, что возникает и захлопывается чрезвычайно большое количество пузырьков и притом с очень большой частотой, то часто следующие друг за другом гидравлические удары уже сливаются для нашего слуха в единое непрерывное длительное звучание, и мы говорим о слитном шуме водопада, шипении воды в реке и т.д. Звукоизображение последних двух разновидностей кавитации будут рассмотрены ниже¹¹; здесь же необходимо остановиться на звукоизобразительных обозначениях медленной кавитации — бульканья.

Поскольку бульканье представляет собою совокупность ударов, “взрывов”, начальные и конечные согласные в соответствующих звукоизображениях представлены взрывными. Однако сами эти взрывные неоднородны. Соответственно, среди онематопов, обозначающих бульканье, выделимы две подгруппы: α) с губным анлаутом и β) с гуттуральным анлаутом.

α) Губной анлаут.

Сюда относятся, в частности, онематопы:

blob

уст. “пузырек (воздуха)”; “пузыриться, булькать”;

plop

“звук падения в воду (бульк, бултых)”.

Акустически, обязательное наличие взрывных (PLOS) согласных в указанных онематопах понятно: обозначаемое внеязыковое звучание представляет собою ряд отдельных ударов, “взрывов”, взрывные же согласные по своей акустической природе также относятся к классу ударов. Артикуляторно, процесс захлопывания кавитационных пузырьков весьма точно имитируется — на стадии первичной имитации — чмокающей артикуляцией, которая на стадии “словесного”, “оформленного” звукоизображения аппроксимируется губным согласным (см. уже упоминавшееся выше bubble). Таким образом, здесь (как и

во многих других случаях ономотопии) акустический фактор выступает в тесном переплетении с фактором артикуляторным (при этом первый доминирует). Однако при рассмотрении подгруппы *blob* следует учитывать вероятное действие еще одного момента, звуко-символического — озвучивание подражательного жеста, передающего форму обозначаемого объекта. Хорошо известна и неоднократно отмечалась (см., напр., [29, 124; 229, 72; 235, 269; 25, 76]) роль губных взрывных при обозначении чего-либо надутого, распухшего и в названиях округлых, шарообразных, выпуклых предметов в самых различных — в том числе и неродственных — языках¹². Это отчетливо видно на примере *blob*, в котором совмещаются значения: “пузырек (воздуха), капля; пузыриться, булькать”. Рассмотрев *PLOS^{LAB}* абс.нач. в составе звукоизображений бульканья, укажем также на следующий за ним *SON^{LAT}* неабс.нач. Выше уже было отмечено, что латеральный плавный в составе обозначений шелканья, хлопанья, стука отражает латеральный элемент шелкающей артикуляции (на стадии первичной имитации). Это верно и для обозначений бульканья (акустически бульканье, как и шелканье и проч., представляет собою удар, либо серию ударов) с той лишь разницей, что в последнем случае плавный (*liquid*, “текучий”) отражает также сам “текучий” характер обозначаемого процесса: кинетически бульканье связано с током, движением воды.

С английскими ономотопами подгруппы (α) ср. звукоизображения бульканья в других языках: русск. бульк-, русск. окказ. библь-бобль-бабль-бубль¹³, турецк. *bul-bul*, фин. *pulista*.

β) Гуттуральный анлаут.

Сюда принадлежат, например, ономотопы:

glug

“бульк (о звуке вытекающей из бутылки жидкости)”;

glub

уст. “звук откупориваемой бутылки”.

Ономотопы подгруппы (β) имеют более узкое, по сравнению со звукоизображениями подгруппы (α), значение: они обозначают не всякое бульканье, а лишь бульканье жидкости, вытекающей через узкое горлышко сосуда

(например, бутылки), или же булькающий звук откупориваемого сосуда, также с узким горлышком (подробнее см. [20]).

С английскими лексемами подгруппы (β) ср. сходные звукоизображения бульканья по языкам: корейск. кколккак - кколккак, малайск. gelekok.

7.2. Выводы по классу инстантов

Итак, семантика всего класса инстантов обобщенно формулируется как “обозначение удара”.

Обобщая структуру инстантов без SON неабс.нач. и с SON неабс.нач, получим модель инстантов в целом:

Тип I

$$\frac{(^S)PLOS (+SON^{LAT/NAS DENT})}{\text{AFFR}} + \text{VOC} + \text{PLOS}$$

Модель 1

Среди согласных в составе инстантов преобладают взрывные (в анлауте они встречаются в подавляющем большинстве случаев, в ауслауте же являются единственно возможным типом звука речи). Это естественно, если учесть, что как обозначаемые инстантами звучания, так и взрывные звуки в составе инстантов принадлежат к одной и той же акустической категории — ударам. Инстанты, содержащие интенсивный гласный, обозначают более громкие звучания; инстанты же с неинтенсивным гласным обозначают более тихие звучания. Противопоставление гласных отражает также противопоставление по высоте звучания; последнее, однако, играет в инстантах несколько меньшую роль по сравнению с противопоставлением по интенсивности (громкости). Элементы фонетической структуры инстантов связаны с отражением определенных элементов акустической структуры звучания-денотата. Исключение — $SON^{LAT/NAS DENT}$ неабс. нач, который не отражает никаких элементов звучания, играя роль лишь указателя — притом, указателя факультативного — самого движения, порождающего соответствующее звучание, или же артикуляции, передающей (на стадии первичной

имитации) определенный тип внеязыкового звучания. Исключение составляет также “s”-mobile, встречающееся в отдельных примерах (обобщение этих случаев см. ниже: § 15).

§ 8. КЛАСС “Б”: КОНТИНУАНТЫ

8.1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Континуанты как класс онomatопов обозначают неудар, т.е. “длящееся” (“немгновенное”) слитное тоновое или шумовое звучание. Континуанты подразделяются на тоновые (тип II) и шумовые (типы III, IV).

8.2. Тип II: Тоновые континуанты

Тоновые континуанты обозначают тоновый неудар, т.е. тон в его наиболее “чистом” виде. Это музыкальный тон духового инструмента (в простейшем случае — рожка) либо искусственно генерируемый тональный сигнал (например, позывные спутника). К тоновым континуантам относятся обозначения следующих звучаний:

(α) Низкие, громкие звучания (гудение).

Сюда принадлежат, в частности, онomatопы:

hoot

“кричать, ухать (о сове); гудеть (о рожке)”;

toot

“трубить в рог (рожок), давать гудок”;

whoot

уст. (то же);

too(-too)

“ту-у-ту-у (подражание гудению рожка)”;

woo(-woo)

“подражание гудению или завыванию ветра”.

(β) Высокие, тихие звучания (“писк”).

Сюда относятся, например, онomatопы:

pipe

“играть (напр., на свирели)”;*уст.* “пищать (о птенцах, мышках)”¹⁴;

wheep₁

“продолжительный высокий звук при вынимании сабли из ножен”;

beep

амер. sl. “звук автомобильного рожка; “писк” морзянки”;

bleep

“писк” передатчика на борту спутника”.

Обращает на себя внимание немногочисленность тоновых континуантов¹⁵. Сравнительная малочисленность их связана с тем, что чисто тоновые звучания редко встречаются среди звуков природы, звуков, производимых машинами и т.п.

Семантика тоновых континуантов формулируется как “обозначение тонового неудара”. Структура английских тоновых континуантов такова:

Тип II

[CONS (+SON^{LAT/LAB})+] VOC (+PLOS)

Модель 2

Важнейшей (а иногда и единственной) составной частью тоновых континуантов и единственным звукоизобразительно валентным элементом их структуры является долгий гласный. Достаточно, например, на стадии первичной имитации произнести звук /i:/, и уже ясно, что речь идет о звукоизображении высокого (высокочастотного) тонового неудара (писки и т.п.). Соответственно, достаточно при имитации произнести лишь один звук /u:/, и уже ясно, что имеется в виду звукоизображение низкого (низкочастотного) тонового неудара — гудения, воя и т.п.; ср. приводимые ниже звукоизображения с /u:/: каз.-тат., мордовск., эвенк. у-у-у. В этой связи уместно вспомнить, что искусственно генерируемый “воющий тон” имеет формантную область в районе 400—700 Гц (низкие частоты), которая совпадает с F₂ гласного /u/. Другим свидетельством важнейшей роли долгого гласного в структуре тоновых континуантов является тот факт, что при фактически неограниченном варьировании консонантного состава анлаута гласный остается, как правило, неизменным. Далее, согласный в ауслауте нередко вообще отсутствует (too-too). Наконец, в составе корня может вообще

быть один лишь долгий гласный¹⁶. На стадии отражения первичной имитации тоновый континуант имеет принципиально следующий вид: VOS. Ср. индоевропейский звукоподражательный корень *u: — обозначение воя и т.п. Итак, тоновый неудар звукоизобразительно передается долгим гласным, который по своей акустической сущности тоже представляет собою тоновый неудар. Одновременно этот гласный служит показателем высоты и громкости обозначаемого звучания.

С английскими обозначениями тоновых континуантов ср. примеры по языкам¹⁷ — гудение, вой (ветра, животных): венг. *búgás*, урду *гугунана*. Звукоизображения высоких тоновых неударов часто совпадают с подражаниями пisku (напр., птенцов, мышей): япон. *пи:пи:*, малайск. *cit*.

8.3. Тип III. Чисто шумовые континуанты

Шумовые континуанты обозначают шумовой неудар, т.е. шум, получающийся при трении достаточно сильных, но не турбулентных струй (масс) воздуха или воды друг о друга либо о стенки трубы, сосуда и т.п., при движении твердого тела в воздухе или воде, при трении друг о друга более и менее жестких тел с относительно ровной поверхностью. Шумовые континуанты подразделимы на чисто шумовые (тип III) и тоношумовые (тип IV).

Чисто шумовые континуанты обозначают чисто шумовой неудар, т.е. собственно шум, шум в его наиболее “чистом” виде. Эти лексемы удобно подразделить на обозначения шума: а) движения твердого тела, воздуха; б) движения воды; в) шепота.

а) Движение твердого тела, воздуха.

Сюда относятся ономатопы, обозначающие неудар — шум, возникающий при движении воздуха либо твердого тела в воздухе (свист, шипение, шелест); это значение у ономатопа может быть единственным либо основным.

Свист, шипение:

hiss

“шипеть, свистеть”;

siss

ныне диал. (то же);

АНГЛИЙСКИЕ ОНОМАТОПЫ

hish

диал. (то же);

whistle

“свистеть”¹⁸;

flish

уст. “рубить (саблей); полосовать”¹⁹;

shish

“долгий свистящий звук крыльев; подражание длительному шипению пара”;

sh₁

/ʃ/ “подражание свистящему звуку, напр., косы”, /ʃ:/ “подражание длительному шипению пара”.

Свист, шелест:

swish

“двигаться со свистящим или шелестящим звуком; рассекать воздух со свистом, шелестом (о хлысте, косе); размахивать (палкой)”;

whish₁

“производить тихий свистящий или шелестящий звук (о стремительно движущемся по воздуху или воде теле, о ветре в листве)”²⁰.

Шелест:

whush

ныне диал. “производить тихий шелестящий звук (о ветре, о хлынувшей воде)”;

whoosh /u:;u/

“производить тихий низкий шелестящий звук (при стремительном движении по воздуху)”²¹;

sosh

редк. “шелестящий звук при падении тяжелого мягкого тела на к.-л. поверхность”;

so ss

диал. “шелестящий звук при падении тяжелого мягкого тела на к.-л. поверхность (также в воду)”;

slish

диал. “разрез”; “полосовать, хлестать, плескать, производить шум (о воде)”;

flush₁

“взлететь (с шелестящим звуком крыльев)”;

fuff

шотл. “сильно дуть (о ветре)”; “восклицание, выражающее презрение”;

huff

диал. “сильно дуть (о ветре)”; выйти из себя; “фукнуть (шашку)”;

whiff

“дуновение ветра”; “попыхивать (трубкой)”; “шелест ветра”;

swiff

сев. “быстрое движение с шелестящим или свистящим звуком (полет стрелы, пули)”; “легкое дуновение ртом”; “клуб дыма”.

б) Движение воды (шум, шипение воды).

Выше уже были рассмотрены звукоизображения первой стадии кавитации в жидкостях — медленной (бульканье), на которой слуховой анализатор человека еще воспринимает звучание как ряд отдельных ударов. В разделе о фреквентативах будут рассмотрены звукоизображения более быстрой (бурление, журчание) стадии кавитации, на которой звучание воспринимается уже в совокупности, как последовательность слабо трескучих звуков либо длительный дрожащий звук. Степень развития кавитации может, однако, быть такова, что возникает и захлопывается чрезвычайно большое количество пузырьков, и при том с очень большой частотой. В этом случае часто следующие друг за другом гидравлические удары уже сливаются для нашего слуха в единое, непрерывное, “сглаженное” звучание. Акустически кавитация на этой стадии представляет собою шум со сплошным спектром (от нескольких сотен герц до сотен килогерц) (ср. [241, Т. II, 261]), и мы говорим о слитном шуме водопада, шипении воды в реке и т.д. Звукоизображения кавитации на этой стадии и приводятся в данном разделе:

swash

“помои; стремительно движущаяся масса воды”; “хлынуть (о воде), плескать(ся); ударять с силой, размахивать (саблей)”;

swoosh /u/

“производить шум (о воде), плескать”²²;

slush

“слякоть, грязь; талый снег; шуга, ледяное сало; шум тяжело плещущейся воды”;

sish

амер. диал. “мелко раскрошенный (прибоем) лед, шуга; тонкий лед”;

flash

уст. “быстро катиться (о волнах), шуметь (о воде)”; *уст.* “пруд, болотистое место”; “хлестать; быстро промелькнуть, пронестись”;

flush

“шум хлынувшей воды”;

hush

сев. “шум воды (текущей быстро и не турбулентно)”; *акуст.* “шипение”.

в) Шепот.

К чисто шумовым континуантам следует, в принципе, отнести также обозначения шепота. Вопрос об этих звукоизображениях весьма сложен. Прежде всего следует отметить, что звукоизображение шепота не предполагает детальное артикуляторное воспроизведение услышанного отрезка шепотной речи (мы не проговариваем — заново шепотом — сказанное кем-то либо нами самими), оно предполагает подражание в первую очередь обобщенному характеру услышанного звучания шепота в целом. Поэтому справедливым представляется рассмотрение звукоизображений шепота в плане ономотопеи. Как позволяет утверждать имеющийся материал, важнейшим элементом фонетической структуры звукоизображений шепота в самых различных языках является переднеязычный шипящий либо свистящий щелевой (обычно — в сочетании с губным согласным)²³. Порядок расположения согласных безразличен. Корневой гласный — любой интенсивности. В английском языке шепот обозначается, в частности, следующими ономотопами:

whisper

“говорить шепотом, шептать; шелестеть; шуршать”;

whish,

сев. “самый тихий звук; шепот”.

Консонантный состав звукоизображений шепота требует объяснения. А.М. Газов-Гинзберг [25, 47] говорит о возможном первенстве мимического жеста, изображающего говорение без голоса (движения наиболее подвижных органов

речи — языка и губ при сильной выдыхательной струе). Несомненно, что такой мимический жест мог играть определенную роль, хотя вряд ли стоит говорить о “первенстве” этого артикулярного момента над акустическим: для того, чтобы “звукоизображать” шепот, нам необходимо слышать, но вовсе не обязательно видеть самого говорящего и его артикуляторную мимику. Хотя А.М. Газов-Гинзберг рассматривает звукоизображения шепота в плане “внутренней” ономатопеи (по терминологии автора), он допускает в качестве одного из возможных источников возникновения звукоподражаний шепота “выделение наиболее слышных при шепоте звуков (в таком случае это в сущности “внешнее” звукоизображение)”. Автор совершенно справедливо пишет о “внешней” ономатопее, однако его рассуждение нуждается, на наш взгляд, в существенном уточнении. Здесь, думается, следует говорить не о “выделении наиболее слышных при шепоте звуков”, а о том, почему шепот воспринимается человеческим ухом как шипящий (в широком смысле) звук. Шепотная речь в ее наиболее типичных формах характеризуется, как известно, отсутствием вибрации голосовых связок и, следовательно, отсутствием голосового тона и преобладанием шумовых черт: воздух протекает не через раскрытую голосовую щель, а через межхрящевую (дыхательную) щель; это узкое отверстие вызывает торможение воздуха, сопровождающееся характерным шумом трения — шепотным шумом, который и вызывает в резонансных полостях образование необходимых тембральных различий (см. [240, 310; 35, 76]). Широкополосный шепотный шум напоминает шипящий звук (ср. [88, 31]). Отсюда — использование глухого шипящего в звукоизображениях шепота. Далее, поскольку значительное сходство в характере звучания шипящих и свистящих фонем (обусловленное сходством их акустической структуры) приводит к их в известном смысле “взаимозаменяемости”, понятным становится и наличие во многих обозначениях шепота (ср. англ. *whisper*, *whister* и примеры по языкам в списке, ниже, стр.63) глухого свистящего /s/²⁴. Сходство акустической природы, с одной стороны, шепота и с другой — шипения (а также свиста и шелеста) находит закономерное отражение на лингвистическом уровне в структуре и семантике обозначающих эти звучания ономатопов. Это можно проиллюстрировать несколькими примерами:

а) индоевропейский звукоподражательный корень *su-, *sus(u)-

лежит в основе обозначений как шепота, так и шипения, свиста, шелеста (ср. [139, 213]); б) один и тот же фонетический комплекс [hwis] лежит в основе английских звукоизображений свиста, шипения, шелеста и шепота: *whiss, whistle, whisper*²³ (при этом *whisper* обозначает как шепот, так и шелест); в) фактически один и тот же звуковой комплекс [hvisl-] служит: в древнескандинавском — для обозначения шепота [hvisla], в среднешведском — свиста [hvisla], в датском — шипения [hvisle]; г) в самых различных языках обозначения шепота имеют фонетический состав, сходный с составом онomatопов, обозначающих шелест, шипение и свист (см. список ниже). Таким образом, звукоизображения шепота следует, в принципе, рассматривать в плане онomatопеи, относя их к чисто шумовым континуантам.

**Шепот, шелест, шипение, свист:
звукоизображения в различных языках**

№ п/п	Язык	Понятие			
		ШЕПОТ	ШЕЛЕСТ	ШИПЕНИЕ	СВИСТ
1	Русский	шеп-, шушу-	шелест-, шелох-	шип	свист
2	Английский	whisper	swish, rustle	hiss	whiss, whistle
3	Таджикский	шим-шим	шип-шип	фашиши	фис-фис
4	Осетинский	susu-busu	syf-syf	c`ys-c`ys	(æ)xs(itt)
5	Венгерский	susogni	susogni	szisszen	suhogni
6	Турецкий	fis	fis-	fis-	sirp
7	Киргизский	шыб(ыр)	шыб(ыр)	ыш	ышк(ыр)
8	Якутский	сип-сип	сыб	пыс, хоош	сып, хоош
9	Хинди	phusphusana	sansanana	sansanana	sansanana
10	Индонезийский	berdesus-desus	desau	(ber)desau	siul
11	Японский	sasa-sasa	su-su	shu-shu	uso

Семантический элемент, общий для всех чисто шумовых континуантов, можно сформулировать как “обозначение чисто шумового неудара”. Структура же этой категории звукоизображений в целом имеет следующий вид:

Тип III

[FRIC[^](+SON^{LAT LAB})+]VÖC[^] + FRIC[^]

Модель 3

Глухой характер фрикативных в чисто шумовых континуантах обусловлен глухим, т.е. чисто шумовым, характером изображаемого звучания; как и обозначаемое звучание, эти элементы ономагопической структуры принадлежат к одному акустическому типу — типу чисто шумовых неударов. Шумы, как уже отмечалось, — это беспорядочные непериодические колебания; энергия колебаний в сплошном спектре шумов непрерывно распределена в более или менее широкой области частот. Хорошо известен такой представитель шумов, как белый шум, энергия которого распределена равномерно в очень широком диапазоне частот. Такие звучания, как шум водопада, шипение, шелест воздуха или воды в реке, и являют собою примеры белого шума. Из глухих фрикативных акустически наиболее близок к белому шуму шипящий фрикативный /ʃ/, формантная область которого лежит в очень широких пределах (как уже упоминалось, белый шум акустики нередко сравнивают со звучанием именно этого согласного); это и обуславливает преимущественное наличие /ʃ/ в ауслауте чисто шумовых континуантов. В звукоизображениях широкополосного шума со спектральным максимумом в области высоких частот (свист, в меньшей степени шипение) частым является свистящий; нередок, однако, и шипящий. Выше уже отмечалась “взаимозаменяемость” их в ономагопах, обозначающих высокие и низкие звучания; эта “взаимозаменяемость” обусловлена сходством акустической структуры этих широкополосных фрикативных фонем; ср. *whiss* и *flish* — оба обозначения свистящего (высокого) звука, а также *sosh* и *soos* — оба обозначения шелестящего (более низкого) звука. Для звукоизображения шелеста, шипения, свиста достаточно одного лишь глухого шипящего или свистящего: ср. *sh*₂ /ʃ:/ “подражание длительному шипению пара”; а также междометия — призывы к тишине, говорению шепотом: *sh*₂ (о котором Web 2 замечает: “often prolonged”), *sh-sh*, *s-s-sh*; ср. также каз.-тат. ш “подражание трению сукна рукой”; чуваш. шш (ш — мягкое) подражание свисту кнута. Глухой фрикативный /f/ в звукоизображениях шелестящего

звука при дуновении ветра, несомненно, связан с влиянием звуко-символизма (дуновение ртом с вытянутыми губами). Гласный в составе чисто шумовых континуантов индицирует высоту и громкость звучания-денотата: в обозначениях более низких и громких звучаний чаще имеем более низкий и интенсивный гласный, в обозначениях более высоких и тихих звучаний — более высокий и менее интенсивный гласный. Относительно шумового элемента в *wh-* (ср. *whish*, *whuff*) см. ниже²⁶. Из всех элементов структуры чисто шумового континуанта лишь один элемент, притом элемент факультативный, не обладает звукоизобразительной валентностью, т.е. не связан с передачей обозначаемого звучания: этот элемент — *SON* неабс.нач., который может быть латеральным: (*flash*) либо губным (*swish*). Не передавая никакого звучания, щелевые *SON*^{LAB} или *SON*^{LAB} в обозначениях чисто шумового удара могут, однако, передавать (разумеется, достаточно условно) само движение, порождающее соответствующее звучание²⁷. Движение это, как показывает семантика английских чисто шумовых континуантов, может быть движением воды (жидкости) или воздуха (либо предмета в воде, воздухе). *SON*^{LAB} наличествует несколько чаще в обозначениях звучаний, связанных с движением, током (протеканием) воды (или с движением предмета в воде). Выше уже было отмечено, что по-видимому, в первую очередь именно с “текущим” (*liquid*) характером /л/, артикуляция которого хорошо “моделирует” изображаемый процесс, связано частое использование этого звука в составе обозначений различных состояний тока воды, в том числе и состояний, при которых плавность течения и сплошность воды (жидкости) местами нарушаются; в этом случае “текущее” /л/ передает лишь сам “текущий” характер процесса, т.е. собственно ток, движение воды. *SON*^{LAB} более характерен для обозначений звучаний, связанных с движением, протеканием воздуха (или движением предмета в воздухе). Специфика артикуляции *SON*^{LAB} — вытянутые в трубку губы, как при дуновении ртом, губном свисте — делают этот звук речи особенно приемлемым для передачи дуновения ветра, тока воздуха (со свистом), движения предмета в воздухе со свистящим звуком.

Обозначения шелеста, шипения, свиста в ряде других языков (помимо английского) см. в списке выше, стр. 63.

8.4. Тип IV. Тonoшумовые континуанты

Тonoшумовые континуанты обозначают тonoшумовой неудар, в котором одновременно с чисто шумовым неударом наличествуют ощутимые элементы тонового неудара. Акустически, денотат представляет собою звучание сложное, психоакустически же — это простое звучание специфической окраски: ср. жужжание. Маргинальный характер звучания-денотата нередко приводит к различного рода “отклонениям от нормы” в семантике и структуре обозначающих его онематопов: такое положение мы наблюдаем, например, в отношении кратких фреквентативов тonoшумовых квазиконтинуантов и тоновых “послеударных” инстантов-континуантов (см. ниже); то же наблюдаем мы в отношении тonoшумовых континуантов. “Промежуточное” положение денотата последней разновидности онематопов (“между” тоном и шумом), его “смешанный” характер (смещение в одном звучании элементов тона и шума) обуславливают “смешанный” характер семантики и наличие “смешанных” контаминированных ненормативных структур в составе тonoшумовых континуантов. Выделимы две группы моделей тonoшумовых континуантов: а) нормативная модель и б) ненормативные модели:

а) Нормативная модель

Тип IV

[CONS (+SON^{LAB}) + VÖC +] FRIC

Модель 4

Наиболее характерной является именно эта структура. Сюда относятся обозначения следующих разновидностей звучания:

(α) Низкие, громкие звучания (жужжание).

“Смешанный” характер семантики тonoшумовых континуантов отмеченной структуры проявляется в значениях следующих двух онематопов, обладающих, помимо

“тоношумового” значения жужжания, также “тоновым” значением гудения:

buzz

“жужжать; гудеть”²⁸;

huzz

то же.

К подгруппе (α) принадлежат также следующие звукоизображения (с чисто “тоношумовым” значением), обычные в экспрессивной речи:

z-z-z

“ж-ж-ж, ззз (подражание жужжанию)”;

bzzz

“подражание жужжанию (пчелы)”.

(β) Высокие, тихие звучания (“вжиканье”).

Если низкие тоношумовые неудары могут быть удачно обозначены термином “жужжание” (англ. *buzzing*), то для обозначения высоких звучаний этого рода трудно подобрать русский термин. Дело в том, что термин “свист” отражает высокочастотную характеристику звучания, но не отражает наличествующего в нем тонального элемента; термин же “жужжание” отражает последний элемент, но не содержит указания на высокочастотный характер звучания. Поэтому представляется целесообразным использовать *русск.областн.* “вжикать” для обозначения высокочастотных (высоких) шумовых неударов с элементами тона (ср. англ. *bizzing*, также *whizzing*). “Вжикание” — это, по существу, “звонкий свист” или “звонкое шипение”. О возможности наличия элементов звонкости (тона) в свисте (воздуха) и шипения (при горении) говорят спектрографические записи: так, спектрограмма звука полицейского свистка показывает несомненные элементы тона [138, fig. 341]; тональные элементы можно видеть, например, и в записи звука зажигаемой спички²⁹. Указания на звонкий характер, приобретаемый иногда свистом, можно встретить и в словарных дефинициях: так, OED специально отмечает, что онomatоп *whizz* обозначает “свистящий звук... в котором имеются элементы музыкального тона (a sibilant sound... having a trace of musical tone)”. Весьма показателен также пример, приводимый OED (s.v. *sizz*, пример 1890 г.): “a

‘singing’ or rather ‘sizzling’ noise on the wire” (ср. русск. “поют провода”, “звонят провода”). Обозначения “вжиканья”, в частности, таковы:

whiz(z)

”звонко свистеть (напр. от рассекания воздуха); звонко шипеть, тонко жужжать”³⁰;

hizz

редк. “производить шипящий или звонко свистящий звук”³¹;

fizz

”производить (звонко) шипящий или потрескивающий звук”³²;

sizz

уст. “гореть”; диал. “шипеть, потрескивать (при жарении); звонко свистеть”, “петь” (о проводах);

zizz

окказ. “подражание звонко свистящему или жужжащему звуку (очень быстро вращающегося точильного колеса)”;

bizz

окказ. (то же)³³;

chizz

”пронзительное жужжание (кузнечика)”.

Следует отметить, что в двух из приведенных выше тоношумовых континуантов — *fizz* и *sizz* — мы имеем определенное семантическое сходство с тоношумовым квазиконтинуантом *frizz* “потрескивать, звонко шипеть (при жарении)”³⁴; однако диссонантность денотата *fizz* и *sizz*, по-видимому, значительно менее велика, что и находит отражение в отсутствии /r/ в их структуре.

С каким элементом модели 4 связано, в первую очередь, обозначение тоношумового неудара? Или иначе: какой из элементов структуры является необходимым и достаточным для звукоизображения тоношумового неудара? Элементы *SON^{LAB}*, *CONS* и *VOC*, очевидно, не являются необходимыми, поскольку в этой структуре они могут отсутствовать. Остается конечный *FRIC^{SIBV}*; этот элемент является необходимым и достаточным: вывод о необходимости его вытекает из того факта, что тоношумовые континуанты без *FRIC^{SIBV}*, по-видимому, не встречаются; вывод о достаточности его основывается на том, что звонкий сибилант (звонкий свистящий фрикативный) может быть единственным представителем тоношумового неудара в звукоизображении: ср. *zzz* “ж-ж-ж- (подражание жужжанию,

напр., пчелы)". Справедливым, таким образом, будет вывод: звонкий сибилант онематопа отражает нерезонаторный тоношумовой неудар (в составе денотата); звонкость же сибиланта отражает наличие ощутимых элементов нерезонаторного тона в обозначаемом тоношумовом неударе. Выбор именно звонкого фрикативного для передачи тоношумового неудара понятен: акустически, звонкий фрикативный сам является шумовым неударом с элементами тона — для (z), например, ширина форматной полосы шума — 4400 Гц, полоса же тона — всего 600 Гц.

б) Ненормативные модели.

Выше уже отмечалось, что маргинальный и "смешанный" характер денотата тоношумовых континуантов (смешение в одном звучании элементов тона и шума) обуславливает "смешанный" характер семантики этих звукоизображений и наличие среди них ненормативных, контаминированных структур. Если для buzz, huzz маргинальный и "смешанный" характер тоношумовых континуантов проявляется лишь в семантике, не затрагивая структуры этих онематопов, то рассматриваемые ниже звукоизображения bum, hum, boom, zoom, zoop отличаются не только "смешанной" семантикой (совмещение "тоношумового" значения жужжания с "нерезонаторным тоновым" значением гудения или с "резонаторным тоновым" значением гула), но и "незакономерной", иногда контаминированной структурой:

(а)

PLOS + VOC + SON^{NAS}

Модель 5

bum

уст. "производить гул (о выстреле, громе); жужжать; гудеть".

Модель омонимична модели 18 длительных тоновых "послеударных" инстантов-континуантов, принадлежащих к типу X.

(б)

FRIC⁺ + VOC + SON^{NAS}

Модель 6

hum

“жужжать; гудеть; мурлыкать, напевать с закрытым ртом; производить гул (о смешанном шуме голосов)”.

Модель 6 частично совпадает с моделью 23 длительных чисто шумовых — тоновых “предударно-послеударных” инстантов-континуантов, принадлежащих к типу XIV.

(в)

PLOS + VOC + SON^{NAS}

Модель 7

boom

то же, что bum³⁵.

Эта модель — контаминация моделей 2 и 18.

(г)

FRIC^{SIB_v} + VOC + SON^{NAS}

Модель 8

zoom

“стремительно двигаться с жужжанием или гудением; взмыть, сделать “горку” или “свечку” (о самолете)”;

zoop

амер. диал. “мчаться (с жужжанием или гудением)”.

Наличие указанных выше разнородных структур/моделей в составе “промежуточной” маргинальной категории, каковую образуют тоношумовые континуанты, понятно. Объяснение этого факта заключается в следующем. Как уже указывалось, звонкий сибиллянт в составе онематопа отражает

нерезонаторный тоношумовой неудар, т.е. чисто шумовой неудар с ощутимыми элементами нерезонаторного тона. В случае же, если он в звучании доминирует (тоновый неудар), тональный характер звука передается --- звукоизобразительно --- долгим гласным. Однако для слухового аппарата человека нередко оказывается весьма трудным определить, с какой из двух указанных категорий воспринимаемых звучаний он имеет дело — с тоношумовым или же с тоновым неударом. Отсюда обозначение одним и тем же фонетическим комплексом *buzz* (со звонким сибилантом) как жужжания (тоношумовой неудар), так и гудения (тоновый неудар); отсюда же — обозначение единым фонетическим комплексом *boom* (с долгим гласным) как гудения, так и жужжания. Далее. Если звонкий сибилант и долгий гласный ониматопа передают нерезонаторный тон (или элементы такого тона), то резонаторный тон передают носовые сонорные (см. ниже, § 15). Однако определить, является ли воспринимаемый в каждом данном случае тон нерезонаторным или же резонаторным, зачастую нелегко. Отсюда обозначение единым фонетическим комплексом *buzz* как жужжания и гудения (нерезонаторные звучания), так и гула (резонаторное звучание); отсюда также --- обозначение одним и тем же звуковым комплексом *boom* как гула, так и жужжания, гудения. Указанные моменты и объясняют наличие среди тоношумовых континуантов не только нормативной основной модели 4 с конечным звонким фрикативным — сибилантом /z/ (*buzz*), но и ненормативных моделей с носовым сонорным (*hum, bum*), с носовым сонорным в совокупности с долгим гласным /u:/ (*boom*) и даже со всеми тремя элементами вместе (*zoom, zoon*)³⁶.

Во многих отношениях сходную картину мы находим и в других языках. Ср. звукоизображения жужжания, со звонким шипящим либо свистящим: удмурт. *быз*, мокшанск. *уз-з-з*, семит. *BZBZ*, а также (с носовым сонорным): русск. *ныть* (о комаре), тадж. *гинг*, япон. *bum-bun*, семит. (новоевр.) *ZMZM*. Что же касается звукоизобразительного отражения различия чисто шумового свиста и свиста с элементами тона (ср. противопоставление англ. *whiss/whizz*) --- параллели по языкам весьма немногочисленны: ср. тадж. *фис-фис* "звук, образующийся при выходе воздуха со свистом из к.-л. предмета", но *визз(ас)* "жужжание, гудение, свист".

Семантика шумовых (чисто шумовых и гоношумовых) континуантов определяема как “обозначение шумового неудара”.

Структура этих звукоизображений принципиально такова:

$$[\text{CONS } (+\text{SON}^{\text{LAT/LAB}}) + \text{VOC } +] \text{FRIC.}$$

Важнейшим элементом структуры шумовых континуантов является фрикативный — глухой либо звонкий (в чисто шумовых континуантах конечный $\text{FRIC}^{\wedge}$ поддерживается начальным же $\text{FRIC}^{\wedge}$). Шумовой характер денотата передается шумовыми элементами структуры онематопа: фрикативные согласные акустически представляют собой шум — “чистый” (глухие фрикативные) либо с ощутимыми элементами тона (звонкие фрикативные). Гласный, как и в других случаях, индицирует высоту и громкость звучания-денотата.

8.5. Выводы по классу континуантов

Итак, семантика континуантов как единого класса онематопов формулируется следующим образом: “обозначение неудара (тонового либо шумового)”. Структуру этого класса звукоизображений удобно представить в виде двух формул:

- (1) $[\text{CONS } (+\text{SON}^{\text{LAT/LAB}}) +] \text{VOC } (+ \text{PLOS}),$
- (2) $[\text{CONS } (+\text{SON}^{\text{LAT/LAB}}) + \text{VOC } +] \text{FRIC}$

Таким образом, основными в звукоизображениях недиссонирующего неудара являются либо долгие звуки (долгие гласные), либо звуки речи, потенциально могущие удлиняться и стоящие в позиции, облегчающей удлинение (фрикативные согласные в ауслауте). Относительно последнего случая следует заметить, что “потенциально” могущими удлиняться фрикативные являются в неэкспрессивной речи; в речи же экспрессивной, как и на стадии имитации, эти согласные действительно геминируются

(ср. sh, /ʃ:/ “подражание длительному шипению пара”). Итак, элементами, принципиально необходимыми для структуры именно данных разновидностей ономатопов, являются, соответственно: (1) — VOC; (2) — FRIC, или, в терминах психоакустического уровня: (1) тоновый удар недиссонанс; (2) шумовой неудар недиссонанс. Черты принципиального сходства, очевидные в последних двух построениях, дают право объединить обе разновидности ономатопов в единый класс континуантов, обозначающих: (1, 2) неудар недиссонанс, или просто: неудар. Общая структура континуантов, таким образом, согласуется с семантикой этого вида ономатопов.

§ 9. КЛАСС “В”: ФРЕКВЕНТАТИВЫ (ОНОМАТОПЫ-ДИССОНАНСЫ)

9.1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Как класс ономатопов, фреквентативы обозначают очень быстрые последовательности (серии) ударов (импульсов), в которых каждый удар уже почти не ощущается отдельно, но полного слияния последовательности ударов в единое звучание еще нет, и очень быстрое чередование ударов вызывает повышенное раздражение слуха. Такие последовательности ударов ощущаются как диссонансы, и поэтому фреквентативы можно назвать также ономатопами-диссонансами. Фреквентативы, или ономатопы-диссонансы, можно определить также как класс ономатопов, обозначающих диссонанс (в различных его разновидностях). Диссонантность обычно связана с многосоставностью, дробностью звучаний (два или более шумовых импульса, два звука при биении чистых тонов), и этот резкий, множественный, дробный характер звука находит отчетливое выражение в ономатопее самых различных языков. Интересен пример из бурятского языка, приводимый Л.Ш. Шагдаровым [63, 59]: “слова... типа *нирд* (т.е. слова с дрожащим, — С.В.) передают не одно, а два комбинированных звучания. Например: *Нид байса стол ёборхо* — “С грохотом ударить по столу”. *Нирд байса стол ёборхо* ... Здесь *нирд* выражает сложный звук — не только звук удара кулаком по столу, но и звуки подпрыгивания при ударе находящихся на столе предметов или самого стола”³⁷. Многосоставность, дробность звучания денотата находит выражение в фонетической структуре и английских фреквентативов.

Фреквентативы — несколько более многообразный в фоносемантическом отношении класс ономатопов, нежели инстанты и континуанты. Это, впрочем, и понятно, поскольку фреквентативы — в определенном смысле промежуточная между инстантами категория, обозначающая переходный между ударами и неударами класс звучаний. Часть фреквентативов весьма специфична по своей семантике и структуре, часть же имеет определенное сходство с инстантами либо с континуантами. Объединяющим элементом семантики для всех разновидностей фреквентативов является значение диссонантности, важнейший же общий элемент фонетической структуры — R (звук /r/ в его вибрантной либо невибрантной разновидности). Подробнее об этом см. [Воронин 1967].

Возникает вопрос: в какой мере положение о вибранте /r/ как об отражении на лингвистическом уровне акустического класса модулированных колебаний и психоакустического класса диссонансов (см. выше, 2.5) применимо к английским ономатопам, если в современном английском языке нормой, как известно, считается щелевое недрожащее /r/? Остановимся на этом вопросе подробнее.

В тех говорах современного английского языка, где поствокалическое /r/ вокализовалось, — в частности, в британской литературной норме — наблюдается сильная тенденция к денатурализации соответствующих ономатопов. Существенно, однако, что даже в этих говорах имеются ономатопы-диссонансы (фреквентативы) с этимологическим поствокалическим /r/, сохраняющие в одном из своих вариантов звукоизобразительный поствокалический вибрант. Ср. ниже *burg*, *chirr*, *hurr*.

Щелевое недрожащее /r/, являющееся в современном английском языке нормой, имеет своим источником, по-видимому, дрожащее /r/, из которого оно возникло, как полагают, в начале новоанглийского периода (примерно в XVI в. [15, т. I, 248])³⁸. Щелевое /r/ сохраняется в позиции перед гласным и между двумя гласными (в позиции после гласного /r/ вокализовалось примерно в XVII в. [134, 109]). Если предположить, что древнеанглийское /r/, возникшее по ротацизму из германского /z/ (и.-е. /s/) было с самого начала недрожащим (щелевым)³⁹, то тем самым для современного английского /r/ можно постулировать еще один источник. В таком случае правомерен вопрос: в какой степени это /r/ < /z/ имеет отношение к звукоизобразительной лексике английского

языка? Здесь прежде всего следует заметить что поскольку германское ("старое") /z/ вообще не встречалось в начале слова и рядом с глухим согласным [57, 78; 15, т. I, 282], можно с уверенностью говорить о том, что слова типа да. (h)ros "грач" или довольно многочисленные образования на (s)cr- — вроде да. crasian "производить треск" или са. scrap(i)en "скоблить, скрести; шаркать" — имели в своем составе исконный вибрант. Обследование же других случаев, где /r/ в ономатопоических корнях не стоит в анлауте и не соседствует с глухим согласным — напр., в образованиях типа да. Zrunnettan "хрюкать" или са. brake "шум, громкие крики", — показывает, что /r/ в них имеет своим соответствием общегерманский либо индоевропейский вибрант. В целом можно сказать, что /r/ < /z/ вряд ли имело какое-либо отношение к звукоизобразительной лексике английского языка, ибо материал древне- и среднеанглийских ономатопо-диссонансов, по-видимому, обнаруживает связь лишь с теми общегерманскими и индоевропейскими корнями, в которых наличествует исконный вибрант (но не /z/).

Большая часть ономатопо-диссонансов, как об этом свидетельствуют имеющиеся данные, вошла в состав английского языка еще до фрикатизации исконного дрожащего, т.е. (если принять за основу датировку Бруннера и Смирницкого) приблизительно до XVI в. (это могли быть исконно английские лексемы, возникшие в древний или средний период, либо "унаследованные" общегерманские слова, либо, в отдельных случаях, более поздние, но не позднее XV в., — заимствования). Следовательно, для большей части английских ономатопо-диссонансов остается в силе положение о вибрантах как об отражении на лингвистическом уровне акустического класса модулированных колебаний и психоакустического класса диссонансов, с той, разумеется, оговоркой, что звукоизобразительность этих ономатопо-диссонансов была ослаблена после перехода (в норме) вибранта в щелевой.

В отношении же остальной (меньшей) части английских ономатопо-диссонансов, обозначающих диссонансы и возникших после фрикатизации дрожащего, необходимо сказать следующее. На значительной части территории Великобритании /r/ и в настоящее время произносится как вибрант: в Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии — как переднеязычный дрожащий, в Нортумберленде и Дареме — как увулярный дрожащий. На территории южной Англии и в литературном языке щелевое /r/ является преобладающим, но не

единственным: перед гласным и в интервокальном положении возможно “полудрожащее” (одноударное: flapped, /r/) ^{40,41}. Таким образом, и в современном английском RP (received pronunciation) в целом сохраняется как бы преемственная связь между щелевым и исходным вибрантом. В сфере ономотопеической лексики эта связь — вследствие тесной спаянности звука и значения в звукоподражательных словах — наиболее ощутима. На это обычно не обращают внимания, однако ряд фактов, думается, говорит о том, что в ономотопее современного английского национального языка связь между современным r — “полудрожащим”, щелевым и даже вокализованным — и старым дрожащим /r/ ощущается как живая ⁴².

Сохранение вибранта /r/. Ономотопы, обозначающие разновидности дрожащего звучания и связанного с ним движения, в экспрессивной речи ⁴³, по-видимому, сохраняют конечное /r/ в его вибрантном качестве: chirr “стрекотать, трещать”; brrr “дрожащий звук (напр., пружины часов)”; burr “дрожащий звук (особ. при быстром вращении)”; hurr “производить низкий шуршащий звук (о крыльях)”; whirr “быстро вращаться; вспархивать с шуршащим звуком” ⁴⁴. Для некоторых из этих ономотопов-диссонансов Oxford English Dictionary (OED) дает — и это важно — произношение с вибрантом даже как одно из возможных в литературном языке: chirr /tʃərr/ ⁴⁵ burr /bərr/ ⁴⁶ hurr /hərr/.

Орфография ономотопов-диссонансов. Вибрантный характер /r/ может отражаться в написании ономотопов. Однако традиционные написания с удвоенным -rr (chirr, flurr) малодоказательны именно в силу своей традиционности и консерватизма орфографии. Значительно более важны для нас спорадические написания вроде r-r-ring “звукоизображение звонка” (ср. русск. “тррр!”), встречающиеся в произведениях современных авторов и особенно в комиксах.

Новые ономотопы-диссонансы. Ономотопы-диссонансы с /r/ возникали и после фрикатизации дрожащего: напр. strum (1775) “бренчать, тренькать”, scroop (1787) “скрипеть, скрежетать”. Существенно также то, что, например, ономотоп burr (1760) возник уже после XVI в., манифестируя тем самым тенденцию (хотя и слабую) к сохранению ономотопеической лексики своей звукоизобразительности ⁴⁷.

Появление новых звукоподражательных значений. У старых (возникших до XVI в.) ономотопов-диссонансов

могут уже в новый период появляться новые “диссонансные” звукоподражательные значения, что вряд ли могло бы иметь место при отсутствии органической преемственной связи между современными разновидностями /r/ и старым вибрантом: ср. *whirr* в новом (1804) значении “производить дрожащий звук — безотносительно к движению”⁴⁸, и его употребление в примере *the telephone bell whirred*⁴⁹; ср., далее, *sneak* первонач. (ок. 1325) “издавать резкий хриплый звук (о вороне, граче)” в новом (1589) значении “скрипеть”⁵⁰. Важно также, что у *buir* и *birr* уже после XVI в. появляется новое значение — “(произносить) дрожащий звук /r/”: *buir* — 1636, *birr* — 1837.

Окказиональные новообразования. Те из постоянно возникающих в современной английской речи окказиональных ономапов-диссонансов, которые попадают на страницы литературных произведений, неизменно содержат /г/, причем зачастую в удвоенной и “более” форме: ср. brnnnnnnnng “подражание резкому, очень продолжительному звону”, brrrmm “подражание гулкому треску звуку мотора самолета”⁵¹ (ср. русск. “взревели моторы...”), brr-g₁ “подражание треску цикад”, br-g-g₂ “подражание дробному звуку дрели” (ср. русск. drpp!); г-г-г, gr-g-g “звукоизображения рычания”.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что звук /г/ продолжает оставаться стержневым элементом структуры ономатопоэ-диссонансов современного английского национального языка (не говоря уже об ономатопах диалектов и особенно северных диалектов), и о том, что связь между современными “полудрожащим”, щелевым и даже вокализованным /г/, с одной стороны, и старым /г/-вибрантом, с другой, ощущается как органическая, живая и неослабная: в ряде случаев вместо обычного (для неэкспрессивной лексики) недрожащего выступает вибрант, в большинстве же случаев вибрант как бы опосредован щелевым, “полудрожащим” или вокализованным /г/, и эти варианты являются своего рода представителями дрожащего в современной речи. Последнее, впрочем, вряд ли может вызвать удивление, ибо поскольку языки, как известно, не создают новых звуков речи специально для звукоизображения, оноματοпоэическая лексика довольствуется наличной системой звуков речи данного языка на данном этапе его развития⁵², “выбирая” звуки речи, наиболее приемлемые для определенного типа звукоизображения (т.е. наиболее

“близкие” ему по акустическим свойствам и/или по артикуляции). Особенность современного английского национального языка в этом отношении — лишь та, что старый вибрант /r/ может при определенных условиях “возродиться”, аппроксимируясь в остальных случаях через свои новоанглийские соответствия. Сохранение органической преемственной связи между /r/ в современном языке, с одной стороны, и более старым вибрантом, с другой — так же, как и сохранение вибрантного произношения в ряде ономастопов современного английского языка — вполне понятно, если рассматривать это как проявление тенденции звукоподражательной лексики к сохранению своей изобразительности, в противоположность более общей тенденции языка к затемнению и устранению связи между звуком и значением в слове, к демотивированию лексики в целом.

Таким образом, /r/ в английских ономастах связано с обозначением диссонансов, и положение о вибранте /r/ (в составе ономастопов-диссонансов) как об отражении на лингвистическом уровне акустического класса модулированных колебаний и психоакустического класса диссонансов применимо, хотя и с некоторыми оговорками, (особенно в части слов, возникших в новоанглийский период), к ономастам современного английского языка.

Как уже было показано, выделимы три важнейшие разновидности диссонансов: квазиудары, “чистые” диссонансы и квазинеудары. Фреквентативы подразделимы на: фреквентативы квазиинстанты (тип V), “чистые” фреквентативы (тип VI) и фреквентативы квазиконтинуанты (типы VII—IX).

9.2. Тип V: ФРЕКВЕНТАТИВЫ КВАЗИИНСТАНТЫ

Последовательности (серии) ударов (импульсов), обозначаемые фреквентативами, могут быть весьма невелики, приближаясь к (либо равняясь) минимальной серии из двух ударов (импульсов). При очень малых (менее 1,5 мс) интервалах невозможно отличить два акустических импульса от одного. При некотором же увеличении интервала (до 10 мс) звучание еще ощущается как единый импульс, но уже как имеющий тенденцию к расщеплению на два импульса, как “разбухший”, “двугорбый”, “хриплый”. Такой импульс мы называем диссонансом, носящим характер удара,

диссонирующим ударом, или квазиударом. Как уже отмечалось, хриплость квазиудара психоакустически является косвенным признаком наличия второго импульса. Поскольку два импульса представляют собою минимальную серию импульсов (ударов) и поскольку серия ударов, ощущающаяся психоакустически как таковая, есть “чистый” диссонанс, можно говорить о том, что хриплость сигнала — квазиудара — психоакустически является косвенным признаком наличия в квазиударе “чистого” диссонанса (см. выше, 2.5). Квазиудар, таким образом, представляет собой акустически сложное звучание, своеобразно сочетающее признаки “чистого” диссонанса и удара; психоакустически же это, по существу, простое звучание: ср. приводившийся выше пример “хриплого”, “разбухшего” импульса, уже имеющего тенденцию к расщеплению на два импульса, но еще ощущающегося как единый импульс; ср. также отрывистую (как удар) трель птицы и т.п. Ономотопы, обозначающие квазиудар, назовем фреквентативами квазиинстантами, или короче — квазиинстантами. К ним относятся звукоизображения: 1) отрывистого треска; 2) скрипа, скребущего звука, царапанья.

1. Отрывистый треск

Звукоизображения отрывистого треска составляют наиболее многочисленную группу. Сюда входят обозначения следующих разновидностей трескучего звука.

а) Разламывание, резкий удар (твердых тел).
Отметим примеры:

crack

“производить треск, резкий отрывистый звук (при разламывании ч.-л., при взрыве); резко щелкать (о биче)”; *диал.* “говорить”⁵³

rap

“ударять с резким стуком”⁵⁴;

tread

“ступать, разламывая ч.-л.; попирать; поступь; звук шагов”⁵⁵;

trot

“идти рысью; рысь; производимый при этом звук”⁵⁶;

burst

уст. “внезапно разламываться с треском”; “лопаться; разрываться, взрываться”.

О *crack* следует сказать особо. Дело в том, что закономерным развитием др. *cracian* в новоанглийский период должна была стать форма с дифтонгом — *crake*. Такую форму мы действительно находим, но употребление ее чрезвычайно ограничено (*crake* < *cracian* встречается лишь в отдельных диалектах). Преобладающей и повсеместно распространенной формой является *crack*. Фонетически эта форма незаконерна, однако фоносемантически именно она — форма с кратким гласным — является закономерной: резкий отрывистый звук треска, обозначаемого данным онотопом, акустически представляет собою диссонирующий удар (квазиудар), из гласных же фонем акустически наиболее близкими ударам являются краткие гласные. В случае *crack* мы видим возобладание тенденции к сохранению изобразительности онотопической лексики.

Из звукоизображений по языкам ср. следующие обозначения треска при разламывании, ударе и т.п.: лит. *brabrak brabrak*, киргиз. *чарт*, фин. *rytista*. Ср. также звукоизображения треска в списке выше (2.5).

б) Разрывание (материи и т.п.).

К данной подгруппе относятся, например, онотопы:

rip

“разрезать, распарывать, рвать (одним быстрым движением); лопаться, раскалываться”⁵⁷;

prick

“(у)колоть(ся); прокалывать, просверливать”⁵⁸.

Для звука разрывания, распарывания характерно быстрое повторение шумовых моментов (разрывание отдельных частиц материи), что и передается дрожащим согласным; резкое обрывание передается смычкой на конце [ср. 25, 59]. Ср. звукоизображения разрывания (материи и т.п.) по языкам: якут. *парк*, бурят. *тэрд*, индонез. *(me)gobek*.

в) Резкое движение.

При резком движении, дергании, судорожном подергивании возможен легкий отрывистый трескучий звук. К обозначениям движения, связанного с таким звуком, в английском языке относится, в частности, онотоп:

jerk

уст. “удар кнутом или палкой”; “отрывистая трель (птицы)”;
“резкое движение, толчок; судорожное подергивание”.

Наличие /r/, конечного взрывного и короткого неинтенсивного высокого гласного здесь понятно. Начальное же /dʒ-/ звуко-символически передает напряжение мышц при резком движении, подергивании, сдавливании [23], толчке. Следует вообще отметить значительную роль, которую играет звуко-символизм в группе *jerk*.

С английскими обозначениями резкого движения, дерганья, связанного с легким отрывистым треском, ср. звукоизображения: русск. дерг-, якут. тырк, индонез. (минангкабау) гепуик.

г) Бурление, журчание воды.

Сравнительно частые и многочисленные гидравлические удары, возникающие на турбулентной стадии кавитации в воде (жидкости), воспринимаются в совокупности как последовательность слабо трескучих, коротко (“мгновенно”) дрожащих звуков либо как длительный дрожащий звук (или последовательность таких звуков). В том и другом случае мы говорим о бурлении или (при меньшей громкости звука) журчании воды (жидкости). В звукоизображении второй случай принадлежит “чистым” фреквентативам; он рассматривается ниже. Первый же случай относится в звукоизображении к квазиинстантам:

burble

“бурно кипеть, клокотать; бурлить”;

ripple

“покрывать(ся) рябью; струиться, журчать”; “рябь”, эл.
“пульсация”.

Корень этих онематопов передает слабо трескучий звук бурления (журчания), суффикс же многократности -le первоначально, по-видимому, служил указанием на последовательность таких звуков⁵⁹.

К резкости и дрожащему характеру обозначаемого звучания ср. определение OED *burble* через *gurgle* “полоскать горло; булькать, журчать (о воде)” (спектрограмма звука полоскания горла показывает наличие дрожащего звучания)

[138, fig. 32D]. К резкости денотата ср., далее, сближаемые Преображенским (239 s.v. бурлить) с русск. “бурлить” звукоподражательные образования: лит. *bugkoti* “ворковать”, рус. буркало “детская игрушка, издающая звук: брбр!”; ср. также русск. “ручей”, имеющее ту же основу, что и “рычать”, и “гремучий”, как обычный эпитет к “родник”, “ключ” (239, s.v. ручей).

Из звукоизображений по языкам ср. русск. журч-, удмурт. бультырт, киргиз. борк.

д) Треск насекомых.

Примеры соответствующих звукоизображений:

crick

“издать отрывистый звук — дрожащий, стрекочущий; протрещать (напр., о кузнечике)”;

chirp

“чирикнуть”; “издать отрывистый звук — дрожащий, стрекочущий, трескучий (о насекомых)”.

Ср. обозначения отрывистого треска, стрекота насекомых: русск. стрек(от)-, цырк-, чирк-, индонез. *keridik*.

2. Скрип, скребущий звук, царапанье

Скрип, скребущий звук, царапанье может быть как длительным звучанием, так и звучанием импульсного типа. Поэтому среди соответствующих звукоизображений мы находим как квазиконтинуанты (о них см. ниже), так и квазиинстанты. Рассмотрим этот второй случай. Пример обозначения скрипа таков:

chark

уст. “скрипеть”; *шотл.* “скрипнуть (зубами)”.

К обозначениям скребущего звука в английском языке относятся, в частности, ономатопы:

scrab

уст. “царапать (когтями)”;

scrub

“тереть, скрести, драить, чистить, мыть щеткой”;

scrape

“скоблить, скрести(сь)”;

risp

“тереть, скрести; подпиливать; издавать резкий скребуший или скрежещущий, коротко дрожащий звук”.

Обычное обозначение царапанья — квазиинстант:

scratch

“царапать(ся), скрести(сь)”.

С приведенными выше английскими обозначениями скрипа, скребущего звука, царапанья ср. звукоизображения по языкам: лит. *gīgzdėti*, чуваш. терик, бурят. түрд.

Итак, обобщая семантику квазиинстантов, формулируем ее как “обозначение квазиудара”. В рассмотренном типе V следует выделить две структурные разновидности (модель 9 “scask” и модель 10 “jerk”): представим их вместе. Модель 9 такова:

Тип V

$$\frac{({}^S\text{PLOS})}{\text{AFFR}} + \text{R} + \text{VOC} + \text{PLOS}$$

Модель 9

Два основных элемента звучания-денотата находят отражение в двух основных элементах указанных структур. Диссонантность звучания прямо передается посредством R-вибранта, психоакустически являющим собою диссонанс; в случае R-невибранта имеем лишь аппроксимированное отражение; ударный же характер денотата передается через конечный взрывной, акустически представляющий собою удар (при этом конечный взрывной может быть поддержан начальным взрывным или, при меньшей точности звукоизображения, — начальной аффрикатой). Следует отметить, что если в структуре инстантов начальный ударный элемент обязателен (либо в форме взрывного, либо в виде аффрикаты, первый элемент которой акустически — также удар), то в составе квазиинстантов он может отсутствовать. “Высотная” (частотная) характеристика денотата и его

громкость передаются кратким гласным — низким и интенсивным (для низкого и громкого звучания) либо, *mutatis mutandis*, высоким и неинтенсивным (для высокого и тихого звучания).

О модели “jerk” следует сказать особо.

Учитывая различие реализаций этимологического поствокалического /г/, выделим две подмодели — для британской нормы (подмодель 10a) и (несколько обобщенно) для американского варианта английского языка (подмодель 10б)⁶⁰:

$$\frac{^{(S)}\text{PLOS}}{\text{AFFR}} + \text{VOC}_{[\text{<VOC-R}]} + \text{PLOS}$$

Подмодель 10a

$$\frac{^{(S)}\text{PLOS}}{\text{AFFR}} + \frac{\text{VOC}^R}{\text{VOC}_{[\text{<VOC+R}]} + R} + \text{PLOS}$$

Подмодель 10б

Обобщая, получаем:

$$\frac{^{(S)}\text{PLOS}}{\text{AFFR}} + \text{VOC}^R_{[\text{<VOC+R}]} (+ R) + \text{PLOS}$$

Модель 10

Обобщая далее модели 9 и 10, имеем:

Тип V

$$\frac{^{(S)}\text{PLOS}}{\text{AFFR}} + \frac{R + \text{VOC}}{\text{VOC}^R_{[\text{<VOC+R}]} (+ R)} + \text{PLOS}$$

Модели 9, 10

9.3. Тип VI: “Чистые” ФРЕКВЕНТАТИВЫ

Последовательности (серии) ударов (импульсов), обозначаемые фреквентативами, могут быть достаточно велики, чтобы восприниматься как длящееся звучание. Если при этом частота следования ударов достаточно высока для того, чтобы каждый удар уже не ощущался в отдельности, но в то же время эта частота не настолько велика, чтобы удары слились в единый непрерывный слитный неудар, — звучание носит характер дрожания, ощущается как собственно серия ударов, т.е. как “чистый” диссонанс, диссонанс в его наиболее “чистом” виде. Фреквентативы, обозначающие “чистый” диссонанс (звучание, ощущающееся как собственно серия ударов, дрожание), назовем “чистыми” фреквентативами. “Чистые” фреквентативы — звукоизображения четырех разновидностей дрожащих звучаний самой различной громкости: а) дробного дрожащего звука (грохочущего, трескучего звука ударов); б) дрожащего звука движения, вращения (твердых тел); в) бурления, журчания (дрожащего звука турбулентного движения воды); г) стрекотания насекомых.

а) Дробный дрожащий звук.

Сюда относятся такие ономатопы, как:

jar

“производить неприятный, резкий дрожащий звук; скрежетать; дребезжать; дисгармонизировать”; (*тех.*) “вибрировать”⁶¹;

br-r-r,

окказ. “подражание длительному дробному дрожащему звуку дрели”.

б) Дрожащий звук движения, вращения.

Примеры здесь таковы:

birr

уст. “сильный ветер”; “производить дрожащий звук; быстро двигаться с таким звуком”; “дрожащий звук (напр., раскручивающейся пружины стальных часов)”; “вибрантное произношение /r/”;

burr (bæ:, bʌr)

“резкое вибрантное произношение звука /r/”; “дрожащий звук (особ. при быстром вращении, стремительном движении)”.

в) Бурление, журчание воды.

Выше была отмечена принадлежащая квазиинстантам разновидность звукоизображений бурления, журчания воды (burble, gipple). Укажем теперь на другую разновидность звукоизображений бурления и журчания, принадлежащую “чистым” фреквентативам и обозначающую бурную кавитацию, воспринимаемую психоакустически как длительный дрожащий звук (или последовательность таких звуков); пример:

burl

уст. “бурлить (с негромким звуком); журчать”.

Суффикс многократности -l первоначально, видимо, служил указанием на последовательность длительных дрожащих звуков.

г) Стрекотание насекомых.

Очень быстрые серии шелчков (“ударов”), издаваемые насекомыми (а также птицами), ощущаются как резкий, дрожащий звук. Примеры ономастопов:

brr-r₁

окказ. “подражание треску (стрекоту) никад”;

churr

“издавать низкий (стрекочущий) звук (о козодое; о майском хруще)”⁶²;

chirr (tʃ:ərr)

“стрекотать, трещать (о кузнечиках, сверчках)”; “издавать высокий дрожащий звук, трель (о птицах)”⁶³.

На примере дрожащих звучаний особенно отчетливо видна специфика обозначаемых фреквентативами звучаний-диссонансов: это очень быстрые последовательности (серии) ударов, в которых каждый удар уже почти не воспринимается отдельно, но полного слияния последовательности ударов в единое звучание еще нет, и очень быстрое чередование

ударов вызывает повышенное раздражение слуха; такие последовательности ударов ощущаются как диссонансы. И отсюда — R в составе обозначающих их онематопов. На примере дрожащих звучаний хорошо виден также переходный, “промежуточный” характер класса диссонансов и обозначающих их онематопов (“между” ударами, с одной стороны, и неударами, с другой; “между” инстантами, с одной стороны и континуантами, с другой).

Итак, семантика “чистых” фреквентативов может быть сформулирована как “обозначение “чистого” диссонанса”. Структура в целом такова (ср. вывод модели 10):

Тип VI

$$\begin{array}{c} \text{(^S)PLOS} \\ \text{[----- + (VOC +)] R} \\ \text{AFFR} \end{array}$$

Модель II

Начальный согласный, как и срединный гласный, необязателен. Для звукоизобразительной передачи “чистого” диссонанса необходимым и достаточным является наличие в структуре онематопа (r) (собственно вибранта): ср. r-r-r “звукоизображение рычания”⁶⁴. Гласный (краткий), могущий наличествовать в составе “чистого” фреквентатива, выполняет роль показателя высоты и громкости денотата.

С английскими “чистыми” фреквентативами ср. звукоизображения дрожащих звучаний по языкам: а) обозначения дробного дрожащего звука (грохочущего, трескучего звука ударов) — киргиз. тыр-тыр, бурят. дар-; б) обозначения дрожащего звука движения, вращения — тадж. гир-гир, чуваш. тырр; в) обозначения бурления, журчания — баскск. burburbur, индонез. sir⁶⁵; г) обозначения стрекотания насекомых — чуваш. тер-тер, хинди tarrana.

9.4. Тип VII: ФРЕКВЕНТАТИВЫ ТОНОВЫЕ КВАЗИКОНТИНУАНТЫ

Фреквентативы квазиконтинуанты, или, короче, квазиконтинуанты обозначают квазинеудар; в квазинеударе одновременно с “чистым” диссонансом наличествуют элементы неудара (тонового либо шумового).

Квазиконтинуанты подразделяются на тоновые (тип VII) и шумовые (типы VIII, IX).

Тоновые квазиконтинуанты обозначают тоновый квазинеудар, в котором одновременно с "чистым" диссонансом наличествуют элементы тонового неудара. Акустически денотат — звучание сложное; психоакустически же это — простое звучание специфической окраски: ср. долгий скрипучий звук ржавой петли, протяжный хриплый крик птицы и т.п. К тоновым квазиконтинуантам относятся преимущественно звукоизображения скрипа.

Скрип — это чаще всего длительное (и высокое) звучание; поэтому обозначения его в английском языке чаще (хотя и не всегда) имеют долгий (и высокий) гласный:

creak

уст. "издавать резкий хриплый звук (о вороне, граче)";
"скрипеть";

scream

диал. "издавать пронзительный крик, визжать; скрипеть";

scroop

"скрипеть, скрежетать".

Резкий, диссонирующий характер денотата звукоизображений типа VII вполне очевиден. Наличие же в изображаемом звучании тона подтверждается, в частности, тем, что большинство этих онематопов обозначает также голоса животных, представляющие собою ярко выраженные тоновые звучания.

Итак, семантику тоновых квазиконтинуантов можно сформулировать как "обозначение трюдового квазинеудара". Структура этой разновидности онематопов-фреквентативов имеет следующий вид:

Тип VII

$(^{(s)}\text{CONS} +) \text{R} + \text{V}\bar{\text{O}}\text{C} (+ \text{CONS})$

Модель 12

Таким образом, диссонантный характер денотата прямо передается вибрантом R, акустически представляющим собой также диссонанс (в случае R-невибранта имеем аппроксимированное отражение диссонантности обозначаемого звучания). Элементы тонового неудара,

наличествующие в звучании, звукоизобразительно передаются долгим гласным, акустическая сущность которого есть тоновый неудар. Одновременно гласный служит показателем высоты и громкости звучания-денотата.

Насколько позволяет судить имеющийся материал, звукоизображения длительного скрипа по языкам реже могут иметь форму тоновых квазиконтинуантов — ср. якут хаачыр “растянутый неоднородный скрип”, чаще долгота обозначаемого тонового диссонирующего звучания передается не через срединный долгий гласный, а аппроксимируется через конечный вибрент: ср. лит. саг, турецк. тіг, хинди сагмагана.

9.5. Тип VIII: Фреквентативы чисто шумовые квазиконтинуанты

Шумовые квазиконтинуанты обозначают шумовой квазинеудар, в котором одновременно с “чистым” диссонансом наличествуют ощутимые элементы шумового неудара. Шумовые квазиконтинуанты подразделимы на чисто шумовые (тип VIII) и тоношумовые (тип IX).

Чисто шумовые квазиконтинуанты обозначают чисто шумовой квазинеудар, в котором одновременно с “чистым” диссонансом наличествуют элементы чисто шумового неудара. Акустически денотат представляет собою звучание сложное, психоакустически же это — простое звучание специфической окраски. Чисто шумовые квазиконтинуанты обозначают то, что принято называть шуршанием (шуршание воздуха при порхании птиц и т.п., шуршание твердого тела), шарканьем (твердого тела)⁶⁶.

Следует выделить две фактически “зеркальные”, взаимно противоположные структурных разновидности этих фреквентативов. К первой из них — модели 13 — ср. выше (9.2): вывод модели 10 “jerk” (тип V).

А) Тип VIII

$$\text{FRIC}^{\wedge} (+\text{SON}^{\text{LAT/LAB}}) + \frac{\text{VOC}^{\text{R}}}{\text{VOC} + \text{R}}$$

Модель 13

whir(r)

первонач. сев. “стремительно вращаться, проноситься, вспархивать с дрожащим и шелестящим, шуршащим звуком; производить дрожащий звук (безотносительно к движению)”⁶⁷;

swirr

диал. “стремительно вращаться с дрожащим и шелестящим звуком”;

hurr (həːhʌt)

уст. “производить низкий шуршащий звук (о крыльях)”;

уст. “произносить дрожащий звук (r)”;

уст. “рычать (о собаке)”;

furr

“разбрасывать; вспорхнуть (с шуршащим звуком крыльев)”.

Б) Тип VIII

R + VOC + FRIC^

Модель 14

rash

“резкий шаркающий звук”⁶⁸;

rustle

“шуршать”⁶⁹;

rifle

амер. “быть порожистой, изобиловать стремнинами (о реке)”;

редк. “негромко трещать; греметь (шеколдой)”;

“слегка вспахивать, взрыхлять (землю)”⁷⁰;

“тасовать карты особым образом (с шуршащим звуком)”⁷¹.

Модель 13 близка к модели 11 “чистых” фреквентативов (тип VI). Модель 14 очень близка модели 28 чисто шумовых “послеударных” квазиинстантов-континуантов (тип XVII). Выделение модели 14, однако, принципиально необходимо вследствие коренного отличия семантики фреквентативов группы *rash* от семантики онематопов типа *crash*; если последние обозначают квазиудар (диссонирующий, хриплый удар) с последующим чисто шумовым неударом, то первые обозначают чисто шумовой квазиудар, в котором одновременно с “чистым” диссонансом наличествуют также элементы чисто шумового неудара. Коренное различие в семантике этих двух типов онематопов обусловлено различием психоакустической структуры их денотатов: в типе XVII денотат сукцессивный; в типе VIII — симультанный⁷². Отсюда, между прочим, позиционная невариабельность

основных элементов в типе XVII и отсутствие последовательности $\text{FRIC}^{\wedge} + \text{R}$. Отсюда же позиционная вариабельность основных элементов в типе XVII и принципиальная возможность для этого типа как последовательности $\text{R} + \text{FRIC}^{\wedge}$, так и “зеркальной” последовательности $\text{FRIC}^{\wedge} + \text{R}$. Ср. в этой связи араб. *rf-*, но фр. *frtt* (оба — звукоизображения порхания), индонез. *(de)ris*, но *(de)sir* (оба — обозначения шуршания).

Обобщая, сформулируем еемантику чисто шумовых квазиконтинуантов: “обозначение чисто шумового квазинеудара”. Две структурные разновидности здесь таковы:

Тип VIII

$$\begin{array}{ccc} & & \text{VOC}^{(\text{R})} \\ & & \text{-----} \\ & & \text{VOC} + \text{R} \\ \text{FRIC}^{\wedge} (+ \text{SON}^{\text{LAT LAB}}) & + & \text{-----} \\ \text{-----} & & \text{VOC} + \text{FRIC}^{\wedge} \\ \text{R} & & \end{array}$$

Модели 13, 14

Учет этимологического фактора высвечивает принципиальную «зеркальность», «обращенность» важнейших компонентов этих моделей:

$$\begin{array}{ccc} \text{FRIC}^{\wedge} & & \text{R} \\ \text{-----} & + \text{VOC} + & \text{-----} \\ \text{R} & & \text{FRIC}^{\wedge} \\ \text{т. е.} & & \\ \text{FRIC}^{\wedge} + \text{VOC} + \text{R} & & \\ \uparrow \quad \quad \quad \uparrow & & \end{array}$$

Ср. звукоизображения шуршания, шарканья по языкам: тадж. *ширрас*, бурят. *шар-шар*, новоевр. *rsrs*. Хорошо известна международность звукоизображений порхания [25, 70]: русск. *фррр*, тадж. *фар-фар* и т.д. Следует отметить, что не все звукоизображения порхания (за пределами английского языка) имеют форму шумовых квазиконтинуантов — нередко они являют собою “чистые” фреквентативы: ср. азерб. *ругруг*, чуваш. *парр*, маньчжур. *пэр пар*. Это понятно, если учесть, что в звукоизображении не всегда отражаются все основные акустические признаки сложного денотата: в приведенных

азербайджанском, чувашском и маньчжурском фреквентативах, в частности, отражен дрожащий характер звучания (наличествует дрожащий), но не отражена шумовая характеристика (отсутствует фрикативный).

9.6. Тин IX: ФРЕКВЕНТАТИВЫ ТОНОШУМОВЫЕ КВАЗИКОНТИНУАНТЫ

Тonoшумовые квазиконтинуанты обозначают тоношумовой квазинеудар, в котором одновременно с “чистым” диссонансом наличествуют элементы тоношумового неудара. Акустически денотат — звучание сложное; психоакустически же это — простое звучание специфической окраски: ср. потрескивающий, звонко шипящий звук при жарении. Тonoшумовые квазиконтинуанты весьма малочисленны; тем не менее выделяемы две модели этих звукоизображений: а) нормативная и б) ненормативная.

а) Нормативная модель

Тип IX

(FRIC⁺) R + VOC + FRIC[~]

Модель 15

Сюда относится прежде всего ономатоп:

frizz

“потрескивать, звонко шипеть (при жарении)”⁷³.

Наличие серии ударов (или прерывистого шума), широкополосного “белого” шума, а также возможность наличия элементов тона в звуке горения известны: в спектрограмме звука зажигаемой спички, например, находят отражение все эти элементы (см. [138, fig. 23D]). Повидимому, те же элементы звучания находят отражение в структуре ономатопа *frizz*: серия ударов (или прерывистый шум) передается согласным (r), “белый” шум передается фрикативными /f/ и отчасти /z/, элементы тона (звонкости) — звонкостью фрикативного /z/.

б) Ненормативная модель.

Тип IX

FRIC^v + R + VOC + SON^{NAS}

Модель 16

Пример:

vroom

амер. окказ. “подражание гроыханию автобусов”⁷⁴.

Особенности модели 16, носящей контаминированный характер (обусловленный “промежуточным” положением тоношумовых квазиконтинуантов — “между” чисто шумовыми квазиконтинуантами и тоновыми квазиконтинуантами), становятся ясными из рассмотрения сходной контаминированной модели 8 (zoom) тоношумовых континуантов. Модель 16 — “скрещение” (контаминация) моделей 27 (ring) и 12 (creek).

Итак, семантику тоношумовых квазиконтинуантов можно сформулировать следующим образом: “обозначение тоношумового квазинеудара”. Наиболее характерной структурой этой разновидности ониматопов является модель 15. Примеров тоношумовых квазиконтинуантов за пределами английского языка пока не обнаружено.

Семантика шумовых (чисто шумовых и тоношумовых) квазиконтинуантов в целом определяется как “обозначение шумового квазинеудара”. В обобщенном виде структура этих звукоизображений принципиально такова:

FRIC (+ SON^{LAT/LAB}) + VOC + R

Смешанный диссонантно-шумовой характер денотата, как видим, прямо и непосредственно передается совокупностью R и глухого либо звонкого фрикативного (акустически — “чистого” шума либо шума с элементами тона). Гласный, как обычно, индицирует высоту и громкость звучания-денотата.

Сформулируем семантику квазиконтинуантов в целом: “обозначение квазинеудара, в котором одновременно с “чистым” диссонансом наличествуют элементы неудара (тонового либо шумового)”. Структуру этой разновидности онома톱ов удобно представить в виде двух формул:

$$(1) \quad ({}^{(s)} \text{CONS} +) \text{R} + \text{VOC} (+ \text{CONS})$$

$$(2) \quad \text{FRIC} (+ \text{SON}^{\text{LAT/LAB}}) + \text{VOC} + \text{R}$$

Формула (1) репрезентирует структуру тоновых квазиконтинуантов, формула (2) — шумовых. Элементы принципиального сходства здесь налицо:

$$(1) \quad \text{VIBR} + \text{VOC}$$

$$(2) \quad \text{FRIC} + \text{VIBR}$$

Если для удобства сравнения в формуле (2) изменить порядок следования элементов, то получим следующую картину:

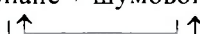
$$(1) \text{VIBR} + \text{VOC} \quad \text{т.е.} \quad (1) \text{ вибрانت} + \text{долгий гласный}$$

$$(2) \text{VIBR} + \text{FRIC} \quad (2) \text{ вибрانت} + \text{фрикативный}$$

или, в терминах психоакустического уровня:

$$(1) \text{ диссонанс} + \text{тоновый неудар} \text{ недиссонанс}$$

$$(2) \text{ диссонанс} + \text{шумовой неудар} \text{ недиссонанс}$$

Черты принципиального сходства последних двух формул очевидны: они и служат объективным основанием для объединения обеих структурных разновидностей фреквентативов под единой рубрикой квазиконтинуантов:

$$(1,2) \text{ диссонанс} + \text{неудар}$$

Общая структура квазиконтинуантов, таким образом, со всей очевидностью согласуется с семантикой этой категории фреквентативов.

9.7. ВЫВОДЫ ПО КЛАССУ ФРЕКВЕНТАТИВОВ

Заканчивая рассмотрение фреквентативов (ономатопов-диссонансов), сформулируем в наиболее общем виде семантику этого класса ономатопов: “обозначение диссонансов”.

Мы видели выше, что структурно для всех разновидностей фреквентативов обязательным является лишь элемент R². Это — важнейший элемент, без которого нет фреквентатива как такового. Данные структуры английских фреквентативов, таким образом, хорошо согласуются с данными психоакустики, по которым лингвистическим коррелятом психоакустического класса диссонансов является именно вибрант. “Специфически фреквентативными” среди фреквентативов в структурном (как и в семантическом) отношении являются “чистые” фреквентативы, обозначающие различные дрожащие (вибрирующие) звучания (“чистые” диссонансы) и имеющие в ауслауте непрерывный R (модель 11: *chirr*). Квазиинстанты же и квазиконтинуанты в принципе моделируются по типу (*gespr.*) инстантов и континуантов, с включением, однако, в структуру ономатопа принципиально важного для класса фреквентативов элемента R. То, что фреквентативы — несколько более многообразный в фоносемантическом отношении класс, нежели инстанты и континуанты, понятно. Обозначая “промежуточный”, “переходный” между ударами и неударами класс звучаний, фреквентативы представляют собою “промежуточный”, “переходный” между инстантами и континуантами класс ономатопов.

Многообразие фреквентативов объясняет наличие в их составе трех больших разновидностей — квазиинстантов, “чистых” фреквентативов и квазиконтинуантов. “Промежуточный” характер фреквентативов объясняет тот факт, что первая из этих разновидностей обладает вполне определенными чертами сходства с инстантами, последняя же — с континуантами. При всем этом фреквентативы — единый класс ономатопов, объединяющим элементом семантики которого служит значение диссонантности, важнейшим же общим элементом фонетической структуры является R.

§ 10. КЛАСС “АБ”: ИНСТАНТЫ-КОНТИНУАНТЫ

10.1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Инстанты-континуанты как класс ономастов обозначают удар с последующим и/или предшествующим неударом. Денотат — не просто удар (как в случае рассматривавшихся выше инстантов), а удар с некоторой дополнительной характеристикой, непосредственно следующей за ударом и/или предшествующей ему стадии звучания. Эта характеристика находит отражение в значении и фонетической структуре обозначающего. Характеристика “послеударной” стадии звучания передает звяканье монет, звон колокола при ударе, смешанный шуршащий звук мелких обломков чего-либо разбитого вдребезги сильным ударом, мягкий шелестящий звук, возникающий при ударе о что-либо мягкое, шелест и шипение воды или воздуха, которые могут непосредственно следовать за ударом, и т.п. Характеристика “предударной” стадии звучания заключается в передаче шелестящего либо звонко свистящего звука воздуха, рассекаемого каким-либо стремительно или порывисто движущимся телом (пулей, хлыстом, крылом и т.п.). Характеристика же “послеударной” и “предударной” стадий одного и того же “ударного” звучания заключается в звукоизобразительной передаче как звонкого неудара, могущего следовать за ударом, так и шелестящего звука, могущего предшествовать удару. Отмеченным трем разновидностям денотатов соответствуют три группы инстантов-континуантов, которые можно условно обозначить, соответственно, как “послеударные” (типы X—XI), шумовые “предударные” (типы XII—XIII) и шумовые-тоновые “предударно-послеударные” (типы XIV—XV).

10.2. Тип X: Тоновые “послеударные” инстанты-континуанты

“Послеударные” инстанты-континуанты обозначают удар с последующим неударом (тоновым либо чисто шумовым). “Послеударные” инстанты-континуанты подразделимы на тоновые (тип X) и чисто шумовые (тип XI)⁷⁶.

Тоновые “послеударные” инстанты-континуанты обозначают удар с последующим (вызываемым ударом) тоновым неударом. Денотат этого типа ономастов являет

собой то, что обычно называют звонким ударом. В зависимости от характера резонатора, вызываемый ударом резонаторный тон -- либо краткое (кратковременное) и быстро затухающее звучание (возникает при ударе тела с малым резонансом), либо звучание длительное и затухающее медленно (возникает при ударе тела с большим резонансом). Обозначения этих двух разновидностей звучаний мы назовем соответственно: 1) краткими (подтип (А)) и 2) длительными (подтип (Б)).

10.2.1. Подтип (А): Краткие

Краткие тоновые “послеударные” инстанты-континуанты обозначают удар с последующим (вызываемым ударом) кратким тоновым неударом. Денотат этого подтипа онематопов можно назвать приглушенным ударом. В образовании звука здесь принимают участие либо тела, обладающие малым резонансом (обычно это мягкие тела), либо тела, чей большой резонанс в силу тех или иных причин реализуется лишь частично — в виде краткого неудара, нередко приближающегося по своей длительности к удару (треснувший колокол, наполненный водой стакан и т.п.). Уже из этой характеристики кратких тоновых “послеударных” инстантов-континуантов видно, что эти онематопы представляют собой “промежуточную” категорию, совмещающую черты инстантов и длительных тоновых “послеударных” инстантов-континуантов. “Промежуточный” характер кратких тоновых инстантов-континуантов находит отражение как в семантике, так и в структуре этих звукоизображений. Краткие тоновые “послеударные” инстанты-континуанты распадаются на две группы: α) с ауслаутом /-mp/ и β) с ауслаутом /-ŋk/, /nt/. Из них группа (α) стоит ближе к инстантам (обозначениям удара), группа (β) — к длительным тоновым “послеударным” инстантам-континуантам (обозначениям удара с последующим длительным тоновым неударом).

α) Ауслаут /-mp/.

Чаще всего онематопы этой группы начинаются взрывным согласным:

dump

“тяжело падать (с глухим или гулким звуком)”⁷⁷;

bump

“сильно ударять(ся) с приглушенным звуком”⁷⁸.

При этом за начальным взрывным нередко следует латеральный сонорный:

plump

“плюхаться в воду (с более звонким булькающим звуком, чем plop); шлепаться, тяжело падать”;

clump

“тяжелая поступь, гулкие шаги”.

Преимущественно взрывной анлаут в “послеударных” инстантах-континуантах на (-mp) понятен. Менее очевидными являются основания для присутствия носового сонорного в составе этих онематопов. Носовой сонорный отражает резонирующий характер звучания. Как обстоит дело с резонантностью денотата в случае dmp, plmp и под.? Обычно значение онематопов на (-mp) определяют просто как глухой звук (тяжелого падения, топания и т.п.). Это, однако, весьма неточно. Дело в том, что в обозначаемом этими онематопами звуке удара (“глухого” удара) наличествуют, как правило, элементы тона — весьма непродолжительного резонанса. Именно наличие элементов тона в звучании-денотате имеется, несомненно, в виду OED, определяя bump как “довольно глухой удар”; резонирующий (“металлический”) призвук обозначаемого звучания имеется в виду и в определении значения глагола clump (OED, s.v. clump v³, пример 1808 г.): “производить шум при ходьбе, особенно в ботинках, подбитых гвоздями”. О том, что в звуке от прыжка, глухого удара, падения чего-либо (особенно чего-либо тяжелого) на землю или в воду, удара пестом (в ступе), шагов человека и т.п. возможен кратковременный тон, говорит и тот факт, что в самых различных языках один и тот же фонетический комплекс может обозначать как эти звуки, так и чисто (либо преимущественно) тоновые звучания: ср. например, киргиз. дүмпүлдөк “название игры” (от дүмп “подражание глухому удару”), но также и барабан (в эпосе); туркм. дүнк является звукоподражанием глухому стуку, возникающему при падении тяжелого предмета на землю, при ударе пестом⁷⁹, и в то же время оно имеет значение “большой караванный колокол”; туркм. гүмп обозначает подражание как приглушенному звуку при сильном ударе, падении тяжелого предмета, так и гулу при орудийном залпе; евр. ра‘m — “ступня, шаг”, но в то же время и “наковальня” (ср. *ра‘m(ōn) “колокол”). Показательно и то, что в самых разных языках звукоизображения тяжелого падения, шагов могут содержать

носовой сонорный: ср. нанайск. тэмбуэк “издавая звук падения тяжелого предмета в воду”, турецк. *ımb* “подражание шуму при падении предмета”, чуваш. ланк “подражание медленному и грузному бегу взрослого человека или лошади”, баскск. *tuŋka-tuŋka* “тяжело ступать”, малайск. *lentoem* “звук топанья ног”⁸⁰. Приведенный материал позволяет утверждать, что денотат английских “послеударных” инстантов-континуантов на /-mp/, при преимущественной глухости удара, содержит также, как правило, элементы тона — весьма непродолжительного, быстро затухающего резонанса. Поэтому определение значения “послеударных” инстантов-континуантов /-mp/ как глухого звука (тяжелого падения, топания и т.п.) неточно, — следует говорить в целом о приглушенном или гулком⁸¹ звучании.

Как можно было видеть, среди английских “послеударных” инстантов-континуантов на /-mp/ нет ономатопов, содержащих высокий неинтенсивный гласный /i/. Это связано, по-видимому, с тем, что тела, принимающие участие в образовании звука в интересующем случае, имеют, как правило, достаточно большую массу и обладают малой упругостью; отсюда низкий характер производимого звучания. отсюда и отсутствие высокого гласного /i/ в соответствующих звукоизображениях. Помимо этого, рассмотренные звучания достаточно громки, и поэтому звукоизображения их не содержат неинтенсивный гласный /i/.

β) Ауслаут /-ŋk/, /-nt/.

“Промежуточный” характер кратких тоновых “послеударных” инстантов-континуантов наиболее отчетливо виден в данной группе.

(а) Низкие, громкие звучания.

Наиболее обычным является ауслаут /-ŋk/:

clank

“звон, лязг железа”; *шотл.* “звонкий удар (сильнее, чем шлепок)”⁸²;

plunk

“отрывисто перебирать (струны); звенеть; падать или бросать с гулким звуком (напр. о монете, ударяющейся о жесткую поверхность)”⁸³;

twank

диал. “производить резко обрываемый резонаторно звонкий звук (о натянутой струне); звонко шлепать”⁸⁴.

Конечный /-nt/ мы находим, например, в:

clunt

диал. “ходить тяжело, с гулким шумом”.

(б) Высокие, тихие звучания.

В соответствующих ономатопах наиболее обычен ауслаут /-ŋk/:

tink

уст. “издавать звук с малым резонансом (получающийся напр. при ударе по металлу ч.-л. твердым и легким)”;

clink

“издавать при ударе отрывистый звенящий звук; звенеть, звякать (о монетах, ключах, стаканах)”;

pink

“звеняще капать; подражание крику зяблика; работать с детонацией, издавать негромкий звякающий звук (о двигателе)”;

twink

редк. “издавать легкий, отрывистый звенящий звук; звякать; местное название зяблика”; *орнитол.* “одна из разновидностей крика зяблика”;

chink

“подражание короткому звенящему звуку (при ударе стаканов, монет)”; *диал.* “зяблик”; *орнитол.* “одна из разновидностей крика зяблика”.

Семантика кратких тоновых “послеударных” инстантов-континуантов может быть сформулирована как “обозначение краткого тонового “послеударного” ударанеудара”. Структура этих ономатопов в целом такова:

Тип X, подтип (A).

$$\begin{array}{c} {}^{(S)}\text{PLOS} (+\text{SON}^{\text{LAT:LAB}}) \\ \text{-----} + \text{VOC} + \text{SON}^{\text{NAS}} + \text{PLOS} \\ \text{AFFR} \end{array}$$

Модель 17

Примеры по языкам см. выше.

10.2.2. Подтип (Б). Длительные

Длительные тоновые “послеударные” инстанты-континуанты обозначают удар с последующим (вызываемым им) длительным тоновым неударом. Денотат этого подтипа ономатопов — это то, что обычно называют звенящим ударом. В образовании звука здесь принимают участие тела, обладающие большим резонансом (обычно это жесткие тела, особенно металлические, стеклянные: колокол, пустой стакан и т.п.). Соответственно ауслату выделимы две основных группы английских длительных тоновых “послеударных” инстантов-континуантов: α) на /-ŋ/; β) на /-m/. Рассмотрим эти группы.

α) Ауслат /-ŋ/.

Наиболее распространенными являются звукоизображения с конечным носовым сонорным (-ŋ). Эта группа состоит из: а) обозначений низких, громких звучаний и б) обозначений звучаний высоких, тихих.

(а) Низкие, громкие звучания.

Здесь мы имеем такие ономатопы, как:

bang

“ударять сильно и звонко”; “сильный звук (взрыва, захлопываемой двери)”; “бам, бум; бах, хлоп, бац”;

twang

“подражание резонаторно звонкому звуку натянутой струны”⁸⁵;

tang

“ударять в колокол, извлекая громкий звенящий звук; звенеть”;

tong

“издавать низкий звенящий звук (напр., о колоколе при ударе)”⁸⁶;

clang

“издавать громкий резонаторно звонкий звук (о трубе, о металлических предметах, о колоколе)”.

(б) Высокие, тихие звучания.

Сюда относятся, например, ономатопы:

ting

“издавать высокий негромкий звенящий звук при ударе (о колокольчике, стакане)”⁸⁷;

ping

“высокий звенящий звук (напр., при ударе пули о жесткую преграду); “ударить(ся) с таким звуком”;

bing

амер. “подражание высокому звенящему звуку удара”.

В некоторых ранних и особенно употребительных длительных “послеударных” инстантах-континуантах непосредственная связь между звуком и значением существенно ослаблена, и тот или иной тип гласного в них обычно уже не будет служить показателем высоты и/или громкости обозначаемого удара: эти ономатопы могут обозначать любой звонкий удар, безотносительно к его высоте или громкости. Таковы *bang* (которое используется при назывании звонкого удара любой высоты) и *twang* (низкий или высокий, сильный или слабый звук натянутой струны). Однако в большинстве случаев, как показывает материал, более низкие и интенсивные гласные наличествуют в ономатопях, обозначающих более низкие либо более громкие звучания, либо звучания, одновременно низкие и громкие. Наоборот, высокий и неинтенсивный гласный /i/ мы встречаем в обозначениях более высоких либо одновременно более высоких и тихих звучаний. Роль гласного корня как показателя высоты звучания-денотата здесь значительно выше, чем, например, в инстантах; это связано с большей суммарной длительностью обозначаемого звучания: слуховой анализатор человека успевает оценить звук по высоте.

β) Ауслаут /-m/.

Группа “послеударных” инстантов-континуантов с конечным губным носовым /-m/ менее многочисленна, но также достаточно характерна для английского языка:

clam

“звонить, ударяя во все колокола одновременно; производить гул”;

tum

“подражание резонаторно звонкому звуку натянутой струны или удара в барабан”.

Итак, семантика длительных тоновых “послеударных” инстантов-континуантов может быть сформулирована как “обозначение длительного тонового “послеударного” удара”. Структура этих ономатопов такова:

Тип X, подтип (Б)

$$\begin{array}{c} \text{PLOS (+ SON}^{\text{LAT/LAB}}\text{)} \\ \text{-----} + \text{VOC}^{\text{U/H, S W}} + \text{SON}^{\text{NAS}} \\ \text{AFFR}^{\text{PA}} \end{array}$$

Модель 18

Начальный взрывной согласный --- и (более аппроксимированно) начальная аффриката --- указывают на взрывной, “ударный” характер звучания. Указание на звонкий, длительно звенящий характер удара мы имеем со стороны конечного носового сонорного. Такая функция последнего понятна: участие носовой полости, всегда служащей резонатором, передает резонанс обозначаемого звучания⁸⁸, звонкость же (тоновый характер, сонорность) фонемы передает звонкость (тоновый характер) изображаемого звукового объекта. Понятна и конечная позиция носового, передающего вызванный ударом и непосредственно следующий за ним длительный тоновый неудар. Роль носовых сонорных в передаче резонирующих тоновых звучаний достаточно хорошо известна, и ссылки на эту роль встречаются в работах по ономотопее самых различных языков.

Ср. звукоизображения звонкого удара, звона по языкам: бурят. тинн, малайск. *tong*, корейск. *ppang*.

Итак, семантика всех тоновых “послеударных” инстантов-континуантов формулируется как “обозначение тонового “послеударного” удара-неудара”. Обобщая данные по строению кратких и длительных тоновых “послеударных” инстантов-континуантов, их закономерно и последовательно проявляющуюся структуру можно представить следующим образом:

Тип X, подтипы (А, Б)

$$\begin{array}{c} \text{(^S)PLOS (+SON}^{\text{LAT/LAB}}\text{)} \\ \text{-----} + \text{VOC} + \text{SON}^{\text{NAS}} \text{ (+PLOS)} \\ \text{AFFR} \end{array}$$

Модели 17, 18

Сравнивая структуру кратких и длительных инстантов-континуантов, мы видим, что важнейшее отличие между ними состоит в том, что в ауслауте первых находится не один лишь носовой сонорный, а сочетание носового сонорного со взрывным (глухим) согласным. “Обрывающий” взрывной в абсолютном исходе слова отражает специфику этих онематопов как обозначающих звонкий удар с малым, быстро затухающим, кратким резонансом — тоновым неударом. Роль SON^{LAT} идентична роли SON^{LAT} в инстантах; такой же, как в инстантах, является, по-видимому, и роль SON^{LAB} . Укажем также на роль гласного элемента: гласный в составе тонового инстанта-континуанта выполняет обычно двоякую функцию индикатора высоты и громкости звучания-денотата. В этом он не отличается, например, от гласного инстантов (см. *tap*). Соотносительная роль каждой из функций гласного здесь, однако, совершенно иная: если в инстанте гласный является в первую очередь показателем громкости звучания, то в тоновом инстанте-континуанте на первый план выступает функция показателя высотной характеристики изображаемого звукового объекта. (Психо)акустически это вполне объяснимо: фактором, в первую очередь определяющим своеобразие данного звука в звуковом ряду, является частота колебаний (resp. — на психоакустическом уровне — высота звука); частотный анализ, однако, требует времени; удар очень непродолжителен, и слуховой аппарат человека, не успевая с достаточной полнотой оценить звучание по высоте, “довольствуется” информацией о его интенсивности (resp. громкости); в тоновом же ударе-неударе имеется тоновая часть, достаточно продолжительная для извлечения слуховым анализатором информации о частоте и, следовательно, о высоте звучания.

10.3. Тип XI: Чисто шумовые “послеударные” инстанты-континуанты

Чисто шумовые “послеударные” инстанты-континуанты обозначают удар с последующим чисто шумовым неударом. По характеру ауслаута выделяются несколько структурных разновидностей рассматриваемого типа акустических онематопов.

- а) Ауслаут /-f/, /-s/.
- (α) Шуршание (поломанного и т.п.).

К звукоизображениям данной подгруппы принадлежит в первую очередь ониматоп:

clash

“громкий звук сильного удара, сопровождаемого шуршанием обломков разбитого вдребезги тела; смешанный шум многих (особенно беспорядочных) ударов (напр., оружия)”.

OED (s.v. *clash*) делает по поводу этого звукоизображения следующее весьма важное замечание: “*Clash...* говорит о действии, которое начинается так же, как *clap* или *clack*, но которое в отличие от них не обрывается внезапно и резко, а порождает множество отдельных звуков, которые сливаются в своего рода смешанный шум, как, например, шуршание обломков чего-либо разбитого вдребезги сокрушительным ударом (a mingled mass of smashing or rustling sounds). Аналогичное соотношение мы имеем в случае *crack, crash...*”. К этой подгруппе принадлежат также такие ониматопы, как:

dash

“разбивать вдребезги сильным ударом; бросать что-либо (так, что предмет разбивается на куски); броситься; звук разбивания вдребезги”;

bash

разг. “наносить сильный удар, разбивающий ч.-л. вдребезги”; “(о курице) бить крыльями в пыли”;

pash

диал. “бросать изо всей силы, разбивая вдребезги; наносить сильный удар”; “обломки ч.-л. разбитого (раскрошенного) на куски”;⁸⁹

posh

диал. “обломки ч.-л. разбитого на куски; мягкая или гнилая масса ч.-л. либо; разломанный (разбитый) на мелкие куски лед, ледяное сало, шуга”⁹⁰.

(β) Шум, шелест, шипение (воды)⁹¹.

Здесь мы имеем, в частности, ониматопы:

plosh,

“плеск, всплеск”; “плескаться(ся)”;

splash

“забрызгивать, брызгать(ся); плескаться(ся); бултыхнуться”;

gush

“внезапно хлынуть”.

б) Ауслаут /-f/.

(α) Шелест, шарканье (мягких тел).

Соответствующие примеры таковы:

buff

“удар (особ. по ч.-л. мягкому); производить движение и звук, как при ударе по мягкому надутому предмету; поглощать удары, смягчать толчки”⁹²;

cluff

сев. “удар ладонью (особенно по уху или по щеке)”⁹³;

sclaff

(гольф) “ударить по мячу, задев при этом клюшкой землю (с мягко шаркающим звуком)”.

(β) Шелест, шипение (воздуха, газа, пара).

Здесь относятся, в частности, ониматопы:

piff

“подражание звуку выстрела (из ружья), сопровождаемому шелестящим звуком летящей пули; пиф-паф”;

puff

“порыв (ветра)”; “изгонять со взрывом воздух из полости; пыхтеть”.

Ряд ониматопов этой подгруппы совмещает значение дуновения (порыва) ветра со значением дуновения ртом; трудно сказать, какое из этих значений в каждом отдельном случае было первичным и, следовательно, неясно, возникли ли эти лексемы как ониматопы или же как специфические звуко-символические слова; несомненно лишь, что здесь особенно тесна связь звукоподражания и звуко-символизма.

В заключение, говоря об обозначениях акустического удара, сопровождаемого шипением вырывающегося внезапно и с силой воздуха (пара, газа), отметим, что для звукоизображения здесь является необходимым и достаточным наличие взрывного и фрикативного элемента (в указанном порядке); при этом в принципе безразлично, представлены ли оба элемента отдельными звуками (разделенными гласной) или же они находятся в составе одного звука речи (аффрикаты). На стадии первичной имитации последний случай является наиболее характерным. Заметим в этой связи, что и *puff* /pʌf/

на стадии первичной имитации произносится приблизительно как аффриката /pf/: ср. отражающий именно такую имитацию ономотоп: pffffff — “подражание звуку, внезапно и с длительным шипением вырывающегося (из лопнувшей камеры) воздуха” — и лишь при “дооформлении” звукоподражания /pf/ в канонической структуре слова оба элемента расщепляются на две самостоятельные согласные, с гласной между ними. С /pf/ ср. /pf:/ (ономотоп, также отражающий первичную имитацию): psh /pf:/ — “подражание звуку внезапно и с длительным шипением вырывающегося пара”.

Итак, для чисто шумовых “послеударных” инстантов-континуантов имеется общий элемент семантики, который можно сформулировать как “обозначение удара с последующим шуршанием (разломанного на куски твердого тела), шелестом (мягкого тела, воды, воздуха), шипением (газа, пара)”. Или, в терминах (психо)акустических: “обозначение чисто шумового “послеударного” удара-неудара”. Общая фонетическая структура этих звукоизображений в целом такова:

Тип XI

(S) PLOS (+SON^{LAT LAB})
 ----- (+ VOC) + FRIC[^]
 AFFR

Модель 19

Примеры чисто шумовых “послеударных” инстантов-континуантов мы встречаем и за пределами английского языка: ср. узб. пиш “звук внезапно вырывающегося при проколе шины воздуха”, бурят. пяс “звук при ударе о стену брошенной пригоршни разведенной глины”, индонез. (de)das “звук вылетевшей пробки с последующим шипением вырывающегося из бутылки газа”.

Семантика всех “послеударных” (тоновых и шумовых) инстантов-континуантов определима как “обозначение “послеударного” удара-неудара”. Структуру этой разновидности звукоизображений в целом можно представить в следующем виде:

$$\frac{(\text{S})\text{PLOS} (+\text{SON}^{\text{LAT}}\text{AB})}{\text{AFFR}} + \text{VOC} + \frac{\text{SON}^{\text{NAS}}(+\text{PLOS})}{\text{FRIC}^{\wedge}}$$

Начальный элемент структуры — взрывной согласный (акустически представляющий собою удар) — передает обозначаемое ономатами данной структуры ударное звучание; менее точной является передача акустического удара аффрикатой. Конечный носовой сонорный (акустически — резонаторный тоновый неудар) отражает длительный резонаторный тоновый неудар в составе денотата; быстро затухающий (резко обрывающийся) краткий тоновый неудар передается сочетанием $\text{SON}^{\text{NAS}} + \text{PLOS}$, в котором конечный PLOS играет роль элемента, “обрывающего” звучание. Конечный глухой фриктивный (акустически — чисто шумовой неудар) передает шумовой неудар в составе денотата. Низкий интенсивный гласный передает низкое громкое звучание; высокий неинтенсивный гласный отражает высокое, тихое звучание. Гласный VOC может отсутствовать (и тогда высота и громкость денотата не находят звукоизобразительного отражения). Роль SON^{LAT} и, в большинстве случаев, SON^{LAT} идентична их роли в инстантах; в обозначениях плеска SON^{LAT} , по-видимому, отражает как щелкающую (либо чмокающе-щелкающую артикуляцию), так и ток, движение воды (последнее характерно для чисто шумовых континуантов).

10.4. Тип XII: Чисто шумовые “предударные” инстанты-континуанты

Шумовые “предударные” инстанты-континуанты обозначают шумовой “предударный” удар-неудар, т.е. удар с предшествующим шумовым (чисто шумовым либо тоношумовым) неударом. “Предударные” инстанты-континуанты (все они шумовые) подразделяются на чисто шумовые (тип XII) и тоношумовые (тип XIII).

Чисто шумовые “предударные” инстанты-континуанты обозначают удар с предшествующим чисто шумовым неударом. По характеру анлаута можно выделить несколько основных структурных разновидностей рассматриваемого типа ономапов — с анлаутом: а) /fl-/; /f-/; б) /sl-/; в) /sw-/; г) /hw-/.

а) Анлаут /f-/ , /f-/.

Здесь имеем, например, ономагопы:

flap

“внезапно бросить или ударить; взмахивать, хлопать (о крыльях, о флаге)”; “ч.-л. прикрепленное за один конец и свешивающееся или развевающееся на ветру; звук, производимый развевающимся флагом или крыльями птицы”;

flop“свободно болтаться; внезапно бросить(ся); бить крыльями; полоскаться (о парусах)”⁹⁵;**flip**

“щелкать (пальцем); ударять слегка, но резко (напр., хлыстом)”;

flack*уст.* “махать, хлопать (крыльями)”;**flick**

“легкий удар (особ. ч.-л. гибким: напр., хлыстом; также ногтем); звук хлыста”;

phut /fʌt/, /fʰt/

“звук взрыва летевшего со свистом снаряда”.

phit

“звук удара о преграду летевшей со свистом пули”.

б) Анлаут /sl-/.

К инстантам-континуантам относится, по-видимому, такой ономагоп, как:

slat“бросить внезапно и сильно; взмахивать, хлопать, шлепать”; *морск.* “шумно хлопать (о парусе)”.

в) Анлаут /sw-/.

Сюда относится, в частности, ономагоп:

swack

“швырнуть, сделать быстрое стремительное движение; размахивать (мечом); колотить”; “звук сильного удара”; “ударять плеча, рубить (мечом), полосовать”, “хлоп”.

г) Анлаут /hw-/.

Примеры ономагопов:

whack

“бить, ударять с силой, колотить (напр., палкой)”; “звук таких ударов”.

whit

“высокий внезапно обрываемый свистящий звук (напр., пули, заканчивающей полет ударом о твердую преграду)”; “внезапно обрываемое щебетание, посвистывание птицы”.

Итак, общность семантики чисто шумовых “предударных” инстантов-континуантов проявляется с достаточной четкостью. Она может быть сформулирована как “обозначение удара с предшествующим шелестом воздуха, воды или свистом воздуха, рассекаемого стремительно (порывисто) движущимся телом”. Или, акустически более строго: “обозначение чисто шумового “предударного” удара-неудара”. Общность фонетической структуры ономагопов этого типа также очевидна; структура эта имеет следующий вид:

Тип XII

FRIC[^] (+SON^[LAT LAB]) (VOC) + PLOS

Модель 20

Таким образом, как в фонетико-структурном плане, так и в плане семантическом чисто шумовые “предударные” инстанты-континуанты образуют в английском языке монолитную фоносемантическую группу в составе инстантов-континуантов.

Имеющиеся данные свидетельствуют, по-видимому, о том, что инстанты-континуанты с аналогичной фоносемантической структурой надичествуют и в других языках (хотя число их как будто не столь велико, как в английском; во всяком случае, нам не известны работы, в которых такие ономагопы выделялись бы авторами в особый разряд): ср. русск. хлест-, бурят. шаб “подражание свистящему удару хлыстом”, индонез. sit “свистящий удар (хлыстом)”.

10.5. Тип XIII: Тоношумовые “предударные” инстанты-континуанты

Тоношумовые “предударные” инстанты-континуанты обозначают удар с предшествующим тоношумовым неударом.

Обнаружить удалось лишь один пример, несомненно, относящийся к данному типу; это — ономатоп:

zip

“высокий внезапно обрывающийся звук — жужжащий (напр. комара) либо звонко свистящий (напр., пули, заканчивающей полет ударом о твердую преграду); внезапно обрывающийся звук разрываемой ткани; звук металлической застежки (“молнии”).

Семантика тоношумовых “предударных” инстантов-континуантов в общем виде определима как “обозначение звонкого свистящего удара”. Или, акустически более строго: “обозначение тоношумового “предударного удара-неудара”. Структура этой разновидности звукоизображений предстает в следующем виде:

Тип XIII

FRIC⁺ + VOC + PLOS

Модель 21

Несмотря на единичность образований этого рода, выделение тоношумовых “предударных” инстантов-континуантов представляется принципиально необходимым, поскольку как в фонетико-структурном, так и в семантическом плане мы имеем здесь дело с звукоизобразительным типом, качественно отличным от чисто шумовых “предударных” ономатопов.

За пределами английского языка тоношумовые “предударные” инстанты-континуанты также, насколько позволяет судить материал, представлены единичными примерами — если представлены вообще (ср. русск. *областн простореч.* “вжик-вжик?”).

Обобщенную семантику “предударных” инстантов-континуантов в целом (все они шумовые) формулируем как “обозначение шумового (чисто шумового либо тоношумового) удара-неудара”. Структура этих ономатопов такова:

FRIC (+SON^{LAT-LAB}) (+VOC) + PLOS.

На стадии первичной имитации VOC отсутствует (по крайней мере, в одном онематопе): phut /f't/. Таким образом, два основных элемента звучания-денотата: удар с предшествующим чисто шумовым либо тоношумовым неударом — в звукоизображении передаются двумя основными элементами структуры онематопы: конечным взрывным согласным и начальным глухим либо звонким фрикативным согласным — акустически представляющими собой, соответственно, удар и чисто шумовой либо тоношумовой неудар. Громкость и высотная (частотная) характеристика денотата звукоизобразительно передаются посредством краткого гласного: интенсивного, низкого — для громких, низких звучаний, неинтенсивного, высокого — для звучаний тихих, высоких. Роль SON^{LAT/LAB} идентична их роли в (чисто) шумовых континуантах.

10.6. Тип XIV: Чисто шумовые-тоновые “предударно-послеударные” инстанты-континуанты⁹⁶

Шумовые-тоновые “предударно-послеударные” инстанты-континуанты обозначают удар с предшествующим шумовым (чисто шумовым либо тоношумовым) неударом с последующим (вызываемым ударом) тоновым неударом. По шумовой “предударной” характеристике рассматриваемые онематопы подразделяются (с учетом также “послеударной” характеристики) на: чисто шумовые-тоновые (тип XIV) и тоношумовые-тоновые (тип XV).

Онематопы типа XIV обозначают удар с предшествующим чисто шумовым неударом и последующим (вызываемым ударом) тоновым неударом; они подразделимы на: краткие (подтип (А)) и длительные (подтип (Б)).

10.6.1. Подтип (А): Краткие

Сюда относятся, например, онематопы:

thump

“наносить тяжелый удар (ч.-л. тупым, напр. кулаком, дубинкой) с приглушенным звуком; хлестать”;

slump

“шлепнуться (с приглушенным звуком) в воду или грязь; тяжело провалиться под лед или в трясины; ударять сильно и звонко; тяжело опуститься (на стул)”;⁹⁷

flump

“(стремительно) падать; (резко) двигаться; бросать (ставить) с гулким, приглушенным звуком (преим. о ч.-л. большом и тяжелом)”;

whump /hw-; w-/

“звук падения тяжелого тела на мягкую поверхность”;
“производить низкий гулкий звук (напр., о гонге)”.

Семантика каждого из указанных выше онематопов с той или иной степенью отчетливости свидетельствует о наличии как послеударной, так и предударной стадии в обозначаемом звучании. Прямое указание на послеударную характеристику мы имеем, например, в *whump*: “производить низкий гулкий звук (напр. о гонге)” и в *thump*: OED специально оговаривает тот факт, что *thump* означает именно приглушенный звук — “не столь глухой, как *thud*” (*thud* — “дуть сильными порывами (о ветре); произвести глухой стук — при падении тяжелого тела”; в *thud*, заметим, отсутствует носовой сонорный, и “глухость” удара больше). В том же *thump* имеется отчетливое указание и на шелестящую, свистящую предударную характеристику: ср. значение *thump* “хлестать”; показательно в этой связи отсутствие у близкого к *thump* инстанта-континуанта *dump* “тяжело падать — с глухим или гулким звуком” значения “хлестать”: в денотате *dump* отсутствует предударная характеристика; показательно и наличие в системе значений *thud* значения “дуть сильными порывами (о ветре)”: в денотате *thud* наличествует предударная характеристика. В онематопе *flump*, как и в *thump*, предударная характеристика также выступает совершенно четко: ср. уже приводившийся пример: “A hawk flumps or flops on a bird” (OED, s.v. *flump*). В другом примере *flump* совершенно ясно выступает характеристика как предударной, так и послеударной стадии обозначаемого звучания: “The heavy flump-flump of the huge cloth...” (OED, *ibid.*).

Итак, семантика чисто шумовых — кратких тоновых “предударно-послеударных” инстантов-континуантов формулируется следующим образом: “обозначение чисто шумового — краткого тонового “предударно-послеударного” удара-неудара”. Фонетическая структура этого подтипа онематопов имеет следующий вид:

Тип XIV, подтип (А)

$\text{FRIC}^{\wedge} (+\text{SON}^{\text{LAT-LAB}}) + \text{VOC} + \text{SON}^{\text{NAS}} + \text{PLOS}$

Модель 22

10.6.2. Подтип (Б): Длительные

Сюда относятся, в частности, онематопы:

whang

“хлестать со свистом и сильным звенящим звуком; бить (в барабан)”;

whing

“пронестись стремительно, со свистом и звенящим звуком”; “подражание высокому звенящему звуку”.

Семантика приведенных выше онематопов говорит о шелестящем (свистящем) и звенящем характере обозначаемого звучания. Указания на это мы неоднократно встречаем и в дефинициях словарных статей, и в контекстных примерах. Так, OED, определяя *whing* как “звукоподражательное”, специально отмечает, что начальное *wh-* “передает стремительное движение, как в *whack...*” (свистящий, шелестящий звук при такого рода движении понятен и уже обсуждался нами). В примере “*Whing-whing sings the shrapnel*” (OED s.v. *whing*) отчетливо виден длительный тоновый и свистящий характер денотата. В определении OED *whang* как “*resounding blow*” мы имеем указание на звенящий (длительный тоновый) характер удара, в определении же его как “*a lash with a whip*” — указание на свистящую предупредительную характеристику.

Итак, семантику чисто шумовых — длительных тоновых “предударно-послеударных” инстантов-континуантов можно определить как “обозначение чисто шумового — длительного тонового “предударно-послеударного” удара-неудара”. Структура онематопов этого подтипа такова:

Тип XIV, подтип (Б)

$\text{FRIC}^{\wedge} + \text{SON}^{\text{LAT-LAB}} + \text{VOC} + \text{SON}^{\text{NAS}}$

Модель 23

Обобщая, определим семантику чисто шумовых-тоновых “предударно-послеударных” инстантов-континуантов в целом: “обозначение звонкого удара с предшествующим шелестом воздуха, воды или свистом воздуха, рассекаемого стремительно (порывисто) движущимся телом”. Или, в акустически более строгом виде: “обозначение чисто шумового-тонового “предударно-послеударного” удара-неудара”. Структура этих ониматопов такова:

Тип XIV, подтипы (А, Б)

$FRIC^{\wedge} (+SON^{LAT/LAB}) + VOC + SON^{NAS} (+ PLOS)$

Модели 22, 23

10.7. Тип XV: Тonoшумовые-тоновые “предударно-послеударные” инстанты-континуанты

Ониматопы типа XV обозначают удар с предшествующим тоношумовым неударом и последующим (вызываемым ударом) тоновым неударом; они подразделяются на: краткие (подтип (А)) и длительные (подтип (Б)).

10.7.1. Подтип (А): Краткие

Примеры единичны; ср.:

zonk

sl. “подражание звонко свистящему, коротко звенящему удару (ч.-л. твердым или по ч.-л. твердому)”.

Семантика тоношумовых — кратких тоновых “предударно-послеударных” инстантов-континуантов определима как “обозначение тоношумового — краткого тонового “предударно-послеударного” удара-неудара”. Структура этих звукоизображений предстает в следующем виде:

Тип XV, подтип (А)

$FRIC^{\wedge} + VOC + SON^{NAS} + PLOS$

Модель 24

10.7.2. Подтип (Б): Длительные

Как и ониматопы подтипа *zonk*, звукоизображения данного подтипа весьма малочисленны; ср.:

zing

амер. sl. “внезапно пронестись с высоким пронзительным жужжанием (звонким свистом) и звенящим звуком (напр., о пролетающих пулях)”.

Семантика тоношумовых — длительных тоновых “предударно-послеударных” инстантов-континуантов формулируется как обозначение тоношумового — длительного тонового “предударно-послеударного” удара-неудара”. Структура этих ониматопов такова:

Тип XV, подтип (Б)

$FRIC^{\vee} + VOC + SON^{NAS}$

Модель 25

Обобщая, определим семантику тоношумовых-тоновых “предударно-послеударных” инстантов-континуантов в целом: “обозначение звонкого удара с предшествующим звонким свистом (или жужжанием) воздуха, рассекаемого стремительно движущимся телом”. Или, акустически более строго: “обозначение тоношумового-тонового “предударно-послеударного” удара-неудара”. Структура ониматопов этого типа следующая:

Тип XV, подтипы (А, Б)

$FRIC^{\vee} + VOC + SON^{NAS} (+ PLOS)$

Модели 24, 25

Сформулируем далее семантику всего разряда “предударно-послеударных” инстантов-континуантов. “обозначение шумового-тонового “предударного-послеударного” удара-неудара”. Общая структура имеет следующий вид:

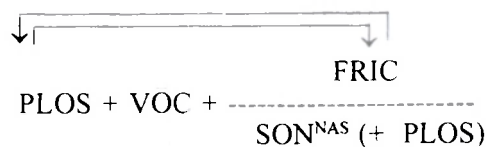
FRIC (+SON^{LAT-LAB}) + VOC + SON^{NAS} (+PLOS)

Роль элементов здесь идентична роли соответствующих элементов в структуре “предударных” инстантов-континуантов и “послеударных” инстантов-континуантов.

В заключение раздела отметим, что “предударно-послеударные” инстанты-континуанты являются, по-видимому, специфически английским звукоизобразительным разрядом (в других языках, насколько позволяют судить имеющиеся материалы, такие образования встречаются редко).

10.8. Выводы по классу инстантов-континуантов

Семантическое целое, которое объединяет весь класс инстантов-континуантов, есть “обозначение удара-неудара”. Обобщенная же структура этого класса ономастов принципиально имеет следующий вид:

Отметим, что в ауслауте FRIC — всегда глухой (ср. clash). Таким образом, в плане как семантическом, так и структурном инстанты-континуанты совмещают признаки инстантов и континуантов; при этом признаки первых доминируют: инстанты-континуанты обозначают в первую очередь удар, — “неударная” же характеристика является, как правило, дополнительной, неосновной.

§ 11. КЛАСС “ВАБ”: ФРЕКВЕНТАТИВЫ КВАЗИИНСТАНТЫ-КОНТИНУАНТЫ

11.1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Как класс онomatопов, фреквентативы квазиинстанты-континуанты, или, кратко, квазиинстанты-континуанты обозначают квазиудар-неудар, т.е. квазиудар (диссонирующий удар) с последующим или предшествующим неударом. Денотат этой разновидности онomatопов — не просто квазиудар (как в случае уже рассматривавшихся квазиинстантов), а квазиудар с некоторой дополнительной характеристикой непосредственно следующей за квазиударом или предшествующей ему стадии звучания. Эта характеристика находит отражение в значении и фонетической структуре обозначающего. Характеристика “послеударной” стадии звучания передает резкий звон (оружия, колокола) при ударе, резкое звяканье, смешанный шуршащий звук мелких обломков чего-либо разбитого вдребезги сокрушительным ударом, шелест воды или воздуха, который может непосредственно следовать за резким ударом, и т.п. Характеристика “предударной” стадии звучания заключается в передаче шелестящего звука воздуха при резком, порывистом движении (порывистое помахивание веером, порывистое движение тела). Отмеченным двум разновидностям звучаний денотатов соответствуют две группы квазиинстантов-континуантов, которые можно условно обозначить, соответственно, как 1) “послеударные” (типы XVI, XVII) и 2) чисто шумовые “предударные” (тип XVIII) квазиинстанты-континуанты⁹⁸.

11.2. Тип XVI: ТОНОВЫЕ “ПОСЛЕУДАРНЫЕ” КВАЗИИНСТАНТЫ-КОНТИНУАНТЫ

“Послеударные” квазиинстанты-континуанты обозначают квазиудар-неудар, т.е. квазиудар с последующим неударом (тоновым либо чисто шумовым). “Послеударные” квазиинстанты-континуанты подразделимы на тоновые (тип XVI) и чисто шумовые (тип XVII).

Тоновые “послеударные” квазиинстанты-континуанты обозначают тоновый “послеударный” квазиудар-неудар, т.е. квазиудар с последующим (вызываемым им) тоновым неударом. В зависимости от характера резонатора, вызываемый ударом

резонаторный тон представляет собою либо краткое (кратковременное) и быстро затухающее звучание (возникает при ударе тела с малым резонансом), либо звучание длительное и затухающее медленно (возникает при ударе тела с большим резонансом). Ономаотопы, обозначающие эти две разновидности звучаний, мы назовем, соответственно: краткими (подтип (А)) и длительными (подтип (Б)).

11.2.1. Подтип (А): Краткие

Краткие тоновые “послеударные” квазиинстанты-континуанты обозначают краткий тоновый “послеударный” квазиудар-неудар, т.е. квазиудар с последующим (вызываемым им) кратким тоновым неударом. К данному подтипу относятся в первую очередь ономаотопы:

crink

“издавать отрывистый звук, сочетающий в себе стрекотание и звяканье”⁹⁹;

tramp

“ступать тяжело, с резонирующим звуком; громко топтать; разламывать, раздавливать; грамбовать”; шотл. “топтать ногами (белье при стирке)”; “последовательность звуков при ударах ног марширующих солдат и т.п.”;

thrum-thrump

“отрывистый громыхающий звук (стрельбы тяжелых орудий, тяжелых шагов)”.

В ономаоте *crink* особенно отчетливо проявилась соотнесенность кратких тоновых квазиинстантов-континуантов с “чистыми” квазиинстантами (*crick*) и краткими тоновыми инстантами-континуантами (*chink*).

Итак, семантика кратких тоновых “послеударных” квазиинстантов-континуантов формулируется как “обозначение краткого тонового “послеударного” квазиудара-неудара”. Структура же этих ономаотопов имеет следующий вид:

Тип XVI, подтип (А)

$$\begin{array}{c} {}^{(S)}\text{PLOS} \\ \text{-----} +) \text{R} + \text{VOC} = \text{SON}^{\text{NAS}} + \text{PLOS} \\ \text{FRIC}^{\wedge} \end{array}$$

Модель 26

11.2.2. Подтип (Б): Длительные

Длительные тоновые “послеударные” квазиинстанты-континуанты обозначают длительный тоновый “послеударный” квазиудар-неудар, т.е. квазиудар с последующим (вызываемым им) длительным тоновым неударом. К рассматриваемому подтипу ономатопов относятся, например, следующие звукоизображения:

ring

“звенеть (об оружии); громко звучать (о трубе); звонить (о колоколе, колокольчике)”¹⁰⁰;

thrum

“бренчать, тренькать”;

strum

(то же);

drum

“барабан”;

brrrrumm

окказ. “подражание гулкому громкому трескучему звуку ударов в барабан”;

brnnnnnnnnng

окказ. “подражание резкому, дрожащему, очень продолжительному и высокому звону внезапно включенной пожарной сигнализации”¹⁰¹.

Ring, по всей видимости, возникло как обозначение звона с оттенком диссонантности — дребезжащего звона (ср. первое значение ring). В этой связи уместно сопоставить формы: евр. RNJ и араб. RNN “дребезжаще звенеть (о тетиве и т.п.)”, а также индонез. ring “звон (колокольчика и т.п.)”, (de)rang “звукоподражание звону колокольчика, монет”, фин. gamista “дребезжать”, чуваш. транн “подражание звонкому звуку туго натянутой веревки”, русск. трень-брень — все с дрожащим. Следует также сказать, что давно установлена возможность возникновения биений (порождающих диссонансы) в колоколах, имеющих даже самые незначительные отклонения от идеально симметричной формы (см., напр., [133а, 184; ср. 231б, 178]). Наконец, необходимо указать на тот факт, что (как отмечалось выше) спектрографическая запись подтверждает наличие дрожания (trills) в звуке, например, телефонного звонка¹⁰². Дрожание это, как известно, вызывается серией очень быстро следующих

один за другим ударов одной металлической части звонка о другую. Акустически параллель этому — звук быстро следующих один за другим ударов оружия многих человек в бою (см. первое значение ring).

Итак, семантику длительных тоновых “послеударных” квазиинстантов-континуантов можно сформулировать как “обозначение длительного тонового “послеударного” квазиудара-неудара”. Звукоизображения этого подтипа имеют следующую структуру:

Тип XVI, подтип (Б)

$$\begin{array}{c} {}^{(S)}\text{PLOS} \\ \text{-----} +) \text{ R (+ VOC) + SON}^{\text{NAS}} \\ \text{FRIC}^{\wedge} \end{array}$$

Модель 27

Обобщая, сформулируем семантику тоновых “послеударных” квазиинстантов-континуантов в целом: “обозначение тонового “послеударного” квазиудара-неудара”. Структура этого типа акустических онематопов такова:

Тип XVI, подтипы (А, Б)

$$\begin{array}{c} {}^{(S)}\text{PLOS} \\ \text{-----} +) \text{ R + VOC + SON}^{\text{NAS}} (+\text{PLOS}) \\ \text{FRIC}^{\wedge} \end{array}$$

Модели 26, 27

Примеры по языкам см. выше.

11.3. Тип XVII: Чисто шумовые “послеударные” квазиинстанты-континуанты

Чисто шумовые “послеударные” квазиинстанты-континуанты обозначают чисто шумовой “послеударный” квазиудар-неудар, т.е. квазиудар с последующим чисто шумовым неударом. К рассматриваемому типу онематопов относятся по преимуществу обозначения громких звучаний — шуршащего грохота, шуршащего треска; например:

crash

“разбивать вдребезги сокрушительным ударом; падать, рушиться с грохотом, треском; производить сравнительно длительный, резкий, грохочущий звук (при разламывании на части); производить громкий и резкий смешанный шум (при столкновении и разламывании на части твердых тел)”¹⁰³

crush

уст. “разбивать вдребезги с резким звуком сокрушительного удара; производить резкий скрежещущий звук (при дроблении, размельчении ч.-л. на части)”¹⁰⁴;

scrush

диал. (то же);

thrash, thresh

“бить; молотить”¹⁰⁵;

rush

уст. “разбивать вдребезги сокрушительным ударом”; “бросаться; устремляться; хлынуть; дуть порывами (о ветре).”

Итак, семантика чисто шумовых “послеударных” квазиинстантов-континуантов формулируется как “обозначение чисто шумового “послеударного” квазиударанеудара”. Структура же этого типа акустических ономапов в целом имеет следующий вид:

Тип XVII

$$\begin{array}{c} \text{^{(S)} PLOS} \\ \text{(----- +) R + VOC + FRIC^{\wedge}} \\ \text{FRIC^{\wedge}} \end{array}$$

Модель 28 ' , ' ,

Грохот и треск — низкочастотные звучания большой интенсивности и, следовательно, громкости — отсюда интенсивные и низкие гласные в структуре соответствующих ономапов.

С английскими обозначениями шуршащего грохота и шуршащего треска ср. звукоизображения по языкам: тадж. гурс, малайск. *guroh*.

Семантику всех “послеударных” (т.е. тоновых и шумовых) квазиинстантов-континуантов мы можем

определить как “обозначение “послеударного” квазиудар-неудара”. Структура этой разновидности онома톱ов такова

$$\begin{array}{c} \text{PLOS} \qquad \qquad \qquad \text{SON}^{\text{NAS}} (+ \text{PLOS}) \\ \text{-----} (+) \text{R} + \text{VOC} + \text{-----} \\ \text{FRIC}^{\wedge} \qquad \qquad \qquad \text{FRIC}^{\wedge} \end{array}$$

Диссонантный характер денотата прямо и непосредственно отражается вибрантом R, психоакустически представляющим собою диссонанс (в случае невибранта имеем отражение косвенное, аппроксимированное). Роль остальных элементов структуры “послеударных” квазиинстантов-континуантов в целом та же, что и в структуре “послеударных” инстантов-континуантов. Начальный фрикативный в thrump и под. не выполняет какой-либо звукоизобразительной функции. Следует отметить также, что в структуре “послеударных” квазиинстантов-континуантов (как и квазиинстантов) иной анлауг, кроме R, не является обязательным. Гласный корня — краткий; если обозначаемое звучание низкое, громкое — гласный низкий, интенсивный; если же обозначаемое звучание — высокое, тихое, то гласный в составе соответствующего онома톱а — высокий, неинтенсивный.

11.4. Тип XVIII: Чисто шумовые “предударные” квазиинстанты-континуанты

Чисто шумовые “предударные” квазиинстанты-континуанты обозначают чисто шумовой “предударный” квазиудар-неудар, т.е. квазиудар с предшествующим неударом; этот неудар всегда чисто шумовой. Рассматриваемый тип онома톱ов немногочисленен; он представлен обозначениями резкого движения, которому сопутствует резкий (но слабый) звук и шелест; пример:

flirt

“резко, порывисто ударять, бросать или двигаться; махать веером, раскрывая и закрывая его резким движением; флиртовать”¹⁰⁶.

Семантика чисто шумовых “предударных” квазиинстантов-континуантов формулируется как “обозначение чисто шумового “предударного” квазиудар-неудара”. Структура же этих акустических онома톱ов такова:

Тип XVIII

$$\text{FRIC}^{[LAB]} (+\text{SON}^{[LAG]}) + \text{VOC}^{[R]}_{\{<\text{VOC-R}\}} + \text{PLOS}$$

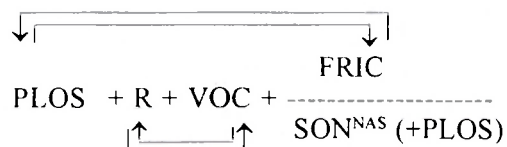
Модель 29

Относительно “r-coloring” см. выше, пояснение к модели 10 “jerk” (тип V). Роль других элементов структуры идентична их роли в (чисто) шумовых “предударных” инстантах-континуантах.

К “хрустящему” звуку при резком движении ср. звукоизображения хруста: азерб. хуҟхуҟ, якут. харк.

11.5. ВЫВОДЫ ПО КЛАССУ ФРЕКВЕНТАТИВОВ КВАЗИИНСТАНТОВ-КОНТИНУАНТОВ

Семантика фреквентативов квазиинстантов-континуантов в целом определима как “обозначение квазиудара-неудара”. Обобщенная же структура этого класса онематопов предстает в следующем виде:

Таким образом, в плане как семантическом, так и структурном, квазиинстанты-континуанты совмещают признаки квазиинстантов и континуантов; при этом признаки первых доминируют: квазиинстанты-континуанты обозначают в первую очередь квазиудар, — “неударная” же характеристика является, как правило, дополнительной, неосновной.

§ 12. ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

Рассмотрение типов (а также классов) английских онематопов и особенностей их фонетической структуры позволяет сделать следующие основные выводы.

1. Выделимы три класса английских онематопов, соответствующие трем классам обозначаемых звучаний: “А”. Инстанты; “Б”. Континуанты; “В”. Фреквентативы.

Выделимы также два класса ономатопов, соответствующие двум классам обозначаемых сочетаний звучаний: “АБ”. Инстанты-континуанты; “ВАБ”. Фреквентативы квазиинстанты-континуанты. Классы распадаются на типы — всего 18 типов (см. Табл.2), образующих 30. моделей¹⁰⁷. Выделяемые структурные формулы обладают большой диагностирующей силой: последняя составляет в среднем более 90%.

2. Рассмотрение моделей показывает, что для ономатопов предсказуемым оказывается акустический фонотип, т.е. акустический тип звука речи, наличие которого в фонетической структуре ономатопа обязательно для звукоизображения (“внутри” же фонотипа предсказуемость конкретных звуков речи для звукоизображения чрезвычайно мала).

3. Обращает на себя внимание закономерное сходство между моделями целого ряда типов (I и V, X; II и VII; III и VIII, XI, XII; IV и IX, XIII, XV и др.).

4. Акустический денотат (“внешнее” звучание) звукоизобразительно передается, как правило, средствами ономатопеи. В целом ряде случаев, однако, наблюдается интерференция звуко-символических факторов. Именно этой интерференцией объясняется ряд случаев отклонений (исключений из моделей) в структуре ономатопов. Для ономатопа характерна акустическая мотивированность, хотя возможна в принципе также и смешанная акустико-артикуляторная мотивированность.

¹SON неабс. нач. — сонорный в неабсолютном начале ономатопа, т.е. в позиции непосредственно перед срединным корневым гласным.

² Ср. у А.М. Газова-Гинзберга [25, 57]: “Изображение стука... удивительно совпадает в различных языках... Это сочетание t...k (t/d; k/k ...)”.

³ О чмокающей артикуляции см.: А.М. Газов-Гинзберг [25, 65—68]; С.В. Воронин [22, 43—44].

⁴ Ср. свн. knochen — “давить”.

⁵ Ср. нем. knacken — “шелкать, трещать; шелкать, грызть (орехи)”.

⁶ “In the utterance of clip, as of snip, there is a cut-short effect, which aptly suits the act” (OED).

⁷ Спектрограмма хлопанья кур дает типичную картину акустического удара с максимальной энергией колебаний в области низких частот: 400—800 гц [92а, 381 fig.1].

⁸ “Click... по всей видимости, соотносимо по аблауту с clack: click передает более слабый и высокий звук: ср. ...clip, clap, clink, clank” (OED).

⁹ При односторонней артикуляции плавного образуется один проток (обычно в левой части ротовой полости).

¹⁰ Ср., например, у Gonda [110, 166], который, приведя ряд малайских обозначений плеска воды (в том числе loep-lap ‘to splash about), отмечает, что /l/ наличествует в составе как индоевропейских, так и индонезийских звукоизображений.

¹¹ Шум, шипение воды: 8.3.; бурление, журчание: 9.2., 9.3. Обобщение звукоизображений кавитации см. в [21].

¹² Ср. англ. bulb — “луковица; лампочка; выпуклость”, лат. pupilla — “глазное яблоко”, араб bu’bu’ — “(глазное) яблоко”, англ. cup — “чаш(к)а”; турк. сора — “чаша, бокал”, фин. корра — “корзин(к)а, лукошко; кожух; колпак”, индонез. buah — “счетное слово для чего-либо округленного” и т.д.

¹³ В примере: “...я сидел в ванне, до краев наполненной холодной водой, куда из медного крана одна за другой... падали увесистые капли, производя... короткие удары разных тонов: библь!... бобль!... бабль!... бубль!... (В. Катаев. Трава забвения // Новый мир. — 1967. — № 3. — С. 34).

¹⁴ Писк птенцов (как и щебет птиц) характеризуется высокочастотной отнесенностью (1500—6000 Гц): E. Armstrong [66, 31 tab. IV].

¹⁵ Имеются в виду тоновые континуанты, не обозначающие голоса животных.

¹⁶ Ср. [139, 191].

¹⁷ Судя по имеющемуся материалу, в ономотопее многих языков долгий гласный не является обязательным в оформленных звукоподражательных словах.

¹⁸ Ср. более позднее whiss — *уст.* “свистеть, шипеть, хлестать ч.-л. гибким; удар хлыстом”.

¹⁹ “По-видимому, имитация звука, производимого размахиваемой в воздухе саблей” (OED).

²⁰ “Шелестящий звук быстрого движения (a rushing sound) ... which употребляется как междометие для передачи впечатления от быстрого движения...” (Web. 3, s.v. wish).

²¹ “Гласный передает более низкий звук, чем в wish” (OED).

²² “Swoosh... a sound like “swish” or “swash” but heavier and duller in quality, as the swoosh of a waterlogged boat” (Web 2).

²³ См. список ниже.

²⁴ В тех случаях, когда в языке нет (или не было изначально — как, например в английском) шипящего, его звукоизобразительную функцию закономерно “берет на себя” свистящий.

²⁵ Whistle и whisper, например, сопоставимы не только в акустическом плане, но и чисто этимологически: "whistle... родственно английскому whisper" (Web 2).

²⁶ См. § 15, где дается обобщение подобных случаев.

²⁷ Теснейшая связь звука (звучания) и движения общеизвестна: движение порождает звук, и нет звука без движения (в самых различных его формах).

²⁸ Ср. определение денотата в Web 3: "sound produced by very fast irregular pulsations; a sibilant hum".

²⁹ См. ниже, 9.6.; ср. также примеч. 73.

³⁰ С англ. whizz ср. каз.-тат. зз "подражание жужжанию (по существу, "вжиканью" — С.В.) брошенного камня".

³¹ "... make a hissing or whizzing noise" (OED).

³² С англ. fizz ср. тадж. виж-виж "звук, образующийся при горении шерсти", вижжас "жужжание".

³³ Пример в OED (s.v. zizz): "I carried a cutler's wheel... there I went bizz-bizz-whizz-sizz, at every auld wife's door". Производимый "металлический" звук отчасти обладает тоновыми чертами: ср. до некоторой степени сходное звучание при скрежете напильника.

³⁴ О frizz см. 9.6.

³⁵ Ср. голл. bommen 'to drum, sound as an empty barrel' (Web 2). Формы: bombon, bumbyn, bumbyn, bome (XV в.); первоначально, как видим, boom имело краткий гласный; в XVII в. тоновые черты денотата этого ономатопы получили дополнительное (помимо сонорного) звукоизобразительное указание в виде долгого гласного.

³⁶ В этом же плане лежит объяснение особенностей сходной контаминированной модели 16 тоношумовых квазиконтинуантов vroom (см. ниже, 9.6.).

³⁷ Ср. в этом же плане корейское образно-подражательное "урыры", которое покрывает "образно-неоднородные значения (бурление закипающей воды; шум разваливающейся стены; шум рассыпаемых предметов; гул грома; впечатление от дрожащего тела; впечатление от одновременно разбегающихся в разные стороны людей)": см. Г.А. Пак [52, 42].

³⁸ В древнеанглийском, как и вообще в древнегерманских языках, исконное (не возникшее по ротацизму) /r/, вероятно, имело вибранный характер (см. А.И. Смирницкий [57, 79, 81]). Если это так, то и в среднеанглийский период это /r/ еще было вибрантом.

³⁹ Ср., напр., С. Grandgent [114, 37].

⁴⁰ См., напр., D. Jones [134, 106]; Бруннер [15, т. I, 318]. Одноударное r "часто можно сравнить с отдельной вибрацией дрожащего звука" — Г. Глисон [31, 275].

⁴¹ Следует отметить, что в значительной части ономатопов /r/ стоит именно в позиции перед гласным (напр. в консонантных группах (s)cr, br- и в анлауте).

⁴² Помимо приводимых здесь данных, см. также материал и его анализ в 9.2.-9.6.

⁴³ То есть при стремлении приблизить звучание ономотопа к звучанию его обозначаемого. В этой связи приведем интересное наблюдение Э. Сивертсен [191, 135—136] о том, что, например, кокни, для которого “в норме” характерно лишь щелевое *r*, в экспрессивной речи допускает полувибрант.

⁴⁴ С *whir(r)* ср. звукоизображения порхания: русск. “фррр”, тадж. “фар-фар”, чуваш. “парр”.

⁴⁵ Важно также то, что в диалектах, в том числе и в тех, для которых нормой является недрожащее /*r*/, *chirr* произносится с вибрантом: /tʃirr/ (при этом максимально приближенным к изображаемому звучанию оказывается здесь не только конечный согласный, но и корневой гласный).

⁴⁶ /*D*/ OED = /*ʌ*/.

⁴⁷ На ту же, в сущности, тенденцию указывает и возникновение ономотопа-диссонанса *wharl* “произносить резкий дрожащий звук *r*”, появившегося в XV в. (ок. 1440 г.) — в период, когда уже, несомненно, начался процесс перехода дрожащей фонемы в недрожащую. Показателен здесь и чисто негативный момент: до начала указанного процесса в языке не было (насколько можно судить по лексикографическим источникам) специальных обозначений дрожащего /*r*/.

⁴⁸ Первоначальное значение *whirr* (начало XV в.) — “быстро двигаться, издавая при этом непрерывный дрожащий звук (о птицах, быстро вращающихся колесах и т.д.)”. Интересно замечание OED по поводу позднейших значений *whirr*: “in later use the... verb has been reinforced by onomatopoeia”.

⁴⁹ Спектрограмма телефонного звонка наглядно показывает наличие дрожания (*trills*) в области низких и высоких частот (полоса средних частот характеризуется сплошной линией тона): см. Koenig et al. [138, fig. 34b].

⁵⁰ Ср. также возобновление (“возрождение”) звукоизобразительности рассматриваемого ниже древнего *thresh* (да. *þrescan*) в совр. англ. (1904) *thresh-thresh* “подражание звуку трескучих ударов с последующим шуршанием (при молотье)”.

⁵¹ Ср. у Вуда [231, 214], который говорит о “сильном и резком (*harsh*)” звуке авиационного мотора.

⁵² Ср. у Б. Уорфа: “при создании нового слова мы с необходимостью ограничиваемся звуками родного языка и допустимыми их сочетаниями; фонематическая система языка — это форма, в которую отливается языковое поведение (*linguistic behavior*) человека”, — свидетельство Р. Брауна [81a, 88].

⁵³ Относительно значения *crack* “резко шелкать (о биче)” ср. данные акустики: резкий шелчок, резкий хлопок (*crack*) бича возникает как результат ряда ударных волн, производимых концом бича: B. Bernstein, D. Hall, H. Trent [73, 1112].

⁵⁴ Дробность, множественность звучания-денотата особенно отчетливо видна в значении *rap* “to fall in pattering drops” (OED, s.v. *rap* v.5. Sc) и в примере “schour of arowis rappit on as rayn” (1508 г., там же). К резкости обозначаемого звучания ср. определение *rap* через *crack*, предлагаемое OED.

⁵⁵ Соответствует немецкому *treten*. О звукоподражательности *tread* говорят Frohlich [106, 130] и Marchand [156, 324]. Гезенуис [29, 126] сопоставляет нем. *treten* с звукоподражательным др.-евр. *drk* “ступать, попира́ть” [ср. 25, 58].

⁵⁶ Англ. *trot* < стфр. *troter*? < двн. *trottōn* (интенсивная форма от *treten*). Звукоподражательность *trot* отмечают Frohlich [106, 129] и Marchand [156, 324]; ср. также приводимое у G. Kirchner [137, 339] звукоподражательное *trot-trot*. К дробному характеру звука в денотате *trot* ср. индонез. *derap* “звукоподражание топоту ног; рысь (аллюр)”.

⁵⁷ Звукоподражательность отмечают Wedgwood [249], Frohlich [106, 41] и Marchand [156, 332]. Ср. также несомненную звукоподражательность *rip* в следующем примере: “It (the storm) came with a rip and a roar... rip - rip - rip” (OED, пример 1818 г.).

⁵⁸ “Prick... возможно, от звукоподражательного корня **prik*-; передает внезапно останавливаемое протыкание (*piercing*) и возникающий при этом звук” (OED). На звукоподражательность *prick* указывают также Frohlich [106, 39] и Marchand [156, 321]. Ср. звукоподражательные русск. тырк, торк, якут. тырк “легкий моментальный треск (при легком разрыве ткани, резком моментальном движении и т.п.)”; ср. также гуркм. перс “подражание звуку, возникающему при вонзании ножа, копья в мягкие предметы”.

⁵⁹ Первоначально -l (-le) являлся суффиксом многократности, повторности действия; ныне это омертвевший суффикс (см., напр., Н.Н.Амосова [2, 48]).

⁶⁰ [Примечание 1997г.] VOCR^R в 10б и 10 означает, по существу, лишь один гласный американского варианта - [əː], реализуемый с т. наз. “r-coloring” (ср., напр., J.C. Wells. Longman Pronunciation Dictionary. Harlow, Essex, 1990: Longman Group UK Limited, p. xiv.

⁶¹ “In origin probably echoic... representing (with trilled ‘r’) a continued harsh vibratory sound” (OED, s.v. *jar*).

⁶² Ср. определение обозначаемого звука в OED: “deep or low trilled or whirring sound made by some birds, etc” (s.v. *churr sb*), “expressive of a somewhat deeper... sound than *chirr*” (s.v. *churr v.*).

⁶³ “... with chiring cf. the more ponderous jarring” (OED, s.v. *chirr*): “... often nearly equivalent to *chirp*, but properly expressing a more continuous and monotonous sound” (там же).

⁶⁴ Ср. также наименование г: "littera canina" (OED, s.v. arr).

⁶⁵ Ср. также международно широко распространенный звукоизобразительный корень tsurr-, обозначающий бурление: J. Hubschmid [124, 127].

⁶⁶ Термины-ономатопы "шуршание" (т.е., по существу, "дрожаще-шелестящий звук", "резкий шелест") и "шарканье", имеющие в своей структуре как дрожащий, так и фрикативный элемент, удачно передают оба важнейших акустических элемента обозначаемого звучания — чистый диссонанс и чисто шумовой удар.

⁶⁷ Соответствует дат. hvirre. Вариант — whurr. OED (s.v. whirr): "In later use the English verb has been reinforced by onomatopoeia". С whirr ср. коми-перм. шыр "подражание звуку вертящегося веретена", малайск sar 'a whirr; the rush of water'.

⁶⁸ Ср. интересный пример 1899 г. (OED, s.v. rash): "The strident rash-whish of the sharpening strake on the scythe".

⁶⁹ Ср. фламандск. ruysselen, rijsselen, фриз. risselje. К дрожащей диссонантной характеристике денотата ср. определение rustle в OED: "производить последовательность легких, быстрых, отчетливо слышимых звуков..."

⁷⁰ По-видимому, с дрожащим, "царапающим" звуком: ср. др.-евр. hrs "царапать; пахать"; ср. также snurr *амер. dial.* "издавать низкий негромкий дрожащий звук (напр., о бороне, разрыхляющей каменистую землю)".

⁷¹ Web 2 так определяет riffle в последнем значении: "тасовать, слегка приподнимая углы карт и давая каждой половине колоды падать карта за картой в соседнюю половину; сдвигать затем обе половины в одну колоду". Здесь отчетливо виден сложный характер звука: серия быстрых, едва слышимых "ударов" (при падении карт), которые могут подчас следовать достаточно быстро, чтобы переходить в одно слитное шелестящее звучание. Интересно, что спектрограмма соответствующего звука подтверждает наличие акустических элементов (очень быстрые серии ударов в сочетании с участками широкополосного шума), соответствующих основным фонетическим элементам в ономатопе riffle (дрожащий и фрикативный): см. Koenig et al [138, fig. 34E]: ("riffing cards"). Источники не отмечают звукоподражательности riffle; помета OED — "происхождение неясно". Звукоподражательное происхождение riffle представляется, однако, несомненным.

⁷² О сукцессивном и симультанном денотате см. выше, § 4.

⁷³ Звукоподражательность frizz предполагают Frohlich [186, 130] и Marchand [156, 329]. OED, Web 2 возводят frizz к fry "жарить" ("с звукоизобразительным оформлением конца слова"); Web 3 говорит также о возникновении frizz как модификации fry под влиянием sizzle "звонко шипеть, потрескивать (на огне)". Звукоизобразительность

fry < стфр. *frire* < лат. *frigere* 'roast, parch, fry' признает Wedgwood [249]. Ср. Также выше, 8.4. (о "вжиканьи").

⁷⁴ О низкочастотном характере денотата *ugoom* см. Гл. I, прим. 28.

⁷⁵ На стадии, отражающей первичную имитацию. На стадии же "оформленного" звукоизображения обязателен также гласный.

⁷⁶ Тоношумовые "последударные" инстанты-континуанты в английской ономотопее не обнаружены.

⁷⁷ Ср. романский звукоподражательный корень *tumb* "Fall, plumps" (Meyer-Lübke 244, 8975) сходной структуры (и независимого происхождения).

⁷⁸ Слабо резонирующий характер *bump*, по сути дела, отмечается OED: "a blow... rather dull in sound".

⁷⁹ Ср. англ. *stamp* "толочь ч.-л. пестом в ступе (с характерным гулким или приглушенным звуком)".

⁸⁰ Ср. индонез. *lentum* "гулкий удар" (на письме индонез. *l* = малайск. *oe*).

⁸¹ Гулкость предполагает звонкость (обычно не очень значительную) и низкий характер звучания.

⁸² Web 2 отмечает, что *clank* "обычно передает более глухой звук, чем *clang*, и более низкий звук, чем *clink*". OED указывает на "резко обрываемый" характер звучания *clank* по сравнению с *clang*.

⁸³ *Plunk* широко распространено в английских диалектах — в формах *plank*, *plenk* и со значением гулкого удара (особ. твердых тел, напр., стеклянных шариков в детской игре) и в американском слэнге — в формах *plonk*, *plank* и со значением, в частности, "доллар": "от глуховатого звука, производимого серебряным долларом при ударе о твердую поверхность" (DAS, s.v. *plunk*).

⁸⁴ OED: "Twank... передает звук, начинающийся, как *twang*, но обрывающийся — в отличие от последнего — резко и внезапно, как например звук, получающийся при ударе о тело с малым резонансом". Wedgwood [249, s.v. *twank*] замечает: "Подобно тому, как *twang*, оканчивающийся на гуттуральный плавный -ng, отражает длящийся резонирующий звук, *twank*, в котором звучание обрывается гуттуральной смычкой -k, передает отрывистый звук".

⁸⁵ "Twang... echoic: the tw- element expresses the sound or noise of the twitching or plucking, the -ang element the ringing or resonance" (OED).

⁸⁶ Обозначаемый звук ниже, чем в случае *tang* (см. OED, s.v. *tong* sb.). С англ. *tong* ср. малайск. *tong* "подражание звуку удара о полый предмет".

⁸⁷ "Ting... передает более слабый или более высокий звук, чем *tang*" (OED). Ср. *ting-ting*, *ting-tong* "последовательность двух звенящих звуков, разнящихся по высоте тона или силе".

⁸⁸ Ср. у Л.Р. Зиндера [35, 97]: "С акустической точки зрения, голосовой аппарат человека представляет собой язычковую трубу, в которой гортань является как бы мундштуком, а надгортанные полости — надставной трубой, резонатором. Наряду с этим в полости рта и

глотки благодаря продуванию через них струй воздуха могут возникать собственные тоны; кроме того, эти полости могут быть местом образования шумов. Шумы порождаются трением струи воздуха, проходящей через препятствия, которые создаются на ее пути подвижными органами в этих полостях. Полость носа, лишенная подвижных органов, может служить только резонатором”.

⁸⁹ “По-видимому, как многие глаголы на -ash, звукоподражательного происхождения” (OED).

⁹⁰ Звукоподражательность отмечает Web 3, говоря о подражании звуку при ходьбе по слякоти или звуку, получающемуся, когда ноги утопают в ледяном сале, шуге.

⁹¹ Часть входящих в эту подгруппу ониматопов — обозначения одной из многочисленных разновидностей того, что обычно называют плеском. Конечный /-f/ в этих инстантах-конгинуантах, как и в других ониматопах подгруппы /β/, отражает шум, шелест воды.

⁹² На звукоизобразительность buff (также bufe) указывают Marchand [156,389] и Web 3. Ср. также суффиксальное образование buffet “наносить удары (особ. рукой); отбивать; бороться (особ. с волнами); глушить звук колоколов (обертывая их ч.-л. мягким)”. Понятие мягкости, глухости, слабости (звука) доминирует в непосредственно звукоподражательных значениях buffet; оно отражается также и в переносных значениях — ср. характерный пример, приводимый OED: “The soul of a man... is not to be buffeted into softness”.

⁹³ Ср. важное указание OED (s.v.cluff) на мягкий и слабо шелестящий (шуршащий) характер удара, передаваемого конечным /-f/ в cluff: “Cluff... perhaps from claw v., with echoic modification representing the buffing sound...”.

⁹⁴ SON^{LAV} — с учетом чисто шумовых “послеударных” инстантов-континуантов — звукоизображений чавканья грязи; относительно последних см. С.В. Воронин [22].

⁹⁵ Внезапность и стремительность обозначаемого флор движения (и возникающий при этом движении шелестящий, свистящий звук, предваряющий удар) наглядно иллюстрируется следующим примером: “A hawk flumps or flops on a bird” (OED, s.v. flump).

⁹⁶ Необходимость учета как предударной, так и послеударной характеристики и необходимость отражения той и другой в названии типа обуславливают определенную громоздкость данного термина.

⁹⁷ Значения глагола весьма отчетливо демонстрируют как коротко резонирующий (приглушенный) характер звучания-денотата, так и шелестящий звук предударной стадии (шум, шелест, хлюпанье воды).

⁹⁸ Тоношумовые “предударные” квазиинстанты-континуанты в английской ониматопее пока не обнаружены.

⁹⁹ OED: “Make a sound in which cricking and chinking blend”.

¹⁰⁰ Совр. англ. ring < да. hrinzan.

¹⁰¹ В примере: "... the whole station leapt alive with sound, sudden as a thunderclap, high-pitched and vibrating for ever, flashing off the tiles, reverberating round the brass, BRNNNNNNNNG the deafening alarm bell... ringing on and on for ever..." (W.Sansom. *Among the Dahlias*, Penguin Books, p.99). В словарях не отражено.

¹⁰² См. выше, 2.5. Ср. *г-г-ring*, а также *whirr* как обозначение дрожащего, дребезжащего звона (последнее — в примере "the telephone bell whirred": OED, s.v. *whirr*); ср. также русск. "дребезжать" (о звонке).

¹⁰³ "Crash относится к *crack*, как *clash* относится к *clack* и *clap*" (OED). *Crack* "производить треск, резкий, отрывистый звук (при разламывании ч.-л. либо при взрыве) и т.д."; *clack* "производить отрывистый сухой звук (напр., при ударе двух плоских кусков дерева)"; *clap* "производить хлопок, громкий отрывистый звук"; *clash* "громкий звук сильного удара, сопровождаемого шуршанием обломков".

¹⁰⁴ Звукоподражательность *crush* отмечают Frohlich [106, 130] и Marchand [156, 325]. Англ. *crush* < стфр. *cruisir*?, кот. из дргерм.: ср. гот. *kriustan* "knirschen". И.-е. корень: **greus-* "knirschen, mit scharendem kratzenden Gerausch über etwas drüber fahren und es zermalmen, krachend schlagen (und andere Schallbezeichnungen)" — Walde/Pokorny [246 I. Bd., 650].

¹⁰⁵ Первоначальная форма — *thresh* (да *þrescan*, также *þerscan*; диал. *thrash* вошло в национальный язык в конце XVI в. Глагол общегерманский. "The meaning in Old Teutonic was probably "tramp, stamp heavily with the feet", including both action and noise" (OED). Ср. русск. "трещать", того же корня. Ср. также семит. DRS "растаптывать, попирать" > "молотить (хлеб)" = нем. *dreschen*, англ. *thresh* [25, 60]. Звукоподражательность *thresh* ярко выступает в совр. англ. *thresh-thresh* (1904 г.) "подражание звуку трескучих ударов с последующим шуршанием (при молотьбе)".

¹⁰⁶ На звукоподражательное происхождение *flirt*, помимо OED, указывают также Frohlich (106, 129) и Marchand [156, 328].

¹⁰⁷ Относительно модели 30 см. Воронин [20].

ГЛАВА III. СООТНОШЕНИЕ “ОНОМАТОП / ДЕНОТАТ”

§ 13. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Факт наличия определенного соответствия между фонетическим обликом ономатопа и обозначаемым им звучанием общеизвестен и рассматривался многими лингвистами. Однако в чем конкретно заключается это соответствие, каково соотношение “ономатоп/денотат”? Все ли элементы (психо)акустической структуры денотата находят отражение в фонетической структуре ономатопа? Как и с какой степенью точности отражаются эти элементы? Какую роль играют звуки корня ономатопа в плане звукоизображения, т.е. каковы их звукоизобразительные функции? В литературе по ономопее (и в частности, по английской ономопее) эти вопросы не нашли — в тех случаях, когда они вообще ставились — сколько-нибудь полного решения. Предложенное выше (Главы I, II настоящей работы) рассмотрение типов ономатопов в непосредственной связи с объективными (психо)акустическими типами звучаний-денотатов, а также анализ фонетической структуры ономатопов в связи с (психо)акустической структурой обозначаемых ими звучаний позволяет дать более полный ответ на вопрос о соотношении “ономатоп/денотат”. Поскольку это соотношение носит двусторонний характер, оно подлежит рассмотрению *в двух аспектах*: в аспекте отражения элементов (психо)акустической структуры денотата в ономопее и в аспекте звукоизобразительных функций фонотипов в структуре ономатопа. Остановимся на каждом из этих аспектов.

§ 14. ОТРАЖЕНИЕ ДЕНОТАТА

Выше (§3) уже указывалось, что в звукоподражательной системе английского языка находят отражение *два* вида психоакустических сущностей: звучания (9 типов, группирующихся в 3 класса) и сочетания звучаний (9 типов, группирующихся в 2 класса). Сочетания двух или более

психоакустически простых звучаний можно рассматривать как одно психоакустически сложное звучание. Мы можем, следовательно, говорить о *двух* структурных видах денотата: это 1) психоакустически простой денотат; 2) психоакустически сложный денотат. Выделимы две разновидности психоакустически простого денотата: а) психоакустически и акустически простой денотат (типы I tap, II toot, III hiss, VI chirr); б) психоакустически простой, но акустически сложный денотат¹: (симультанный денотат: IV buzz, V crack, jerk, VII creak, VIII whirr, rash, IX frizz). Возможны также две разновидности психоакустически сложного денотата: а) сукцессивный денотат² (типы X tink, ting, XI clash, XII whack, XIV thump, whang); б) симультанно-сукцессивный денотат (типы XIII zip, XV zonk, zing, XVI crink, ring, XVII crash, XVIII flirt). Денотат, сложный психоакустически, всегда сложен и акустически. Денотат, простой акустически, всегда простой и психоакустически.

Элементы структуры звучания-денотата могут быть квалитативными либо квантитативными (см. § 4). *Квалитативных* элементов — четыре: 1. Удар; 2. Тоновый неудар; 3. Чисто шумовой неудар; 4. “Чистый” диссонанс. *Квантитативных* элементов — три: 1. Высота; 2. Громкость; 3. Длительность.

Обратимся к вопросу о том, все ли элементы (психо)акустической структуры денотата находят отражение в фонетической структуре английских онomatопов, а также к вопросу о том, как и с какой степенью точности отражаются элементы.

А) Отражение квалитативных элементов

Удар звукозвукотизобразительно передается через взрывной характер согласного PLOS — звука речи, (психо)акустически представляющего собою удар. Если удар — в составе акустически простого денотата, то в онomatопе наличествуют два звука, (психо)акустически представляющие собою удар: PLOS абс. нач. (или AFFR абс. нас.)⁴ и PLOSaбс. кон (тип I tap). Если удар — в составе симультанного акустически сложного денотата, то отражается он либо с помощью тех же двух звуков речи (тип V: crack, jerk), либо с помощью лишь одного PLOS абс. кон. (ср. rap типа V). Если же удар — в составе

сукцессивного либо симультанно-сукцессивного сложного денотата с числом сукцессивных элементов не более двух⁵, то в ономатопе он отражается с помощью лишь одного звука речи, (психо)акустически представляющего собою удар: PLOS абс. кон. (соответственно, тип XII whack; типы XIII zip, XVIII flirt) или же PLOSaбс. нач (типы X tink, ting, XI clash). При наличии в денотате трех сукцессивных элементов (типы XIV thump, whang, XV zonk, zing) имеющийся в составе звучания-денотата удар отражается в структуре ономатопа не прямо (PLOS абс. кон. отсутствует), а косвенно, опосредованно — лишь через наличие в конечной позиции⁶ SON^{NAS}(+PLOS) (ср. ting, tink): сонорный носовой в конечной позиции отражает лишь такой тоновый неудар, который представляет собою резонаторное звучание, вызываемое ударом (либо квазиударом)⁷. Прямое отражение элемента удара в составе “послеударного” квазиудара-неудара является для звукоизображения наиболее обычным (типы XVI crink, ring, XVII crash), хотя и не абсолютно обязательным; в отдельных удар может аппроксимироваться начальным R (ср. ring в типе XVI).

Тоновый неудар звукозвукоизобразительно передается фонетическими элементами, (психо)акустически представляющими собою тоновый неудар: а) тоновым характером долгого гласного VOC; б) тоновым характером носового сонорного SON^{NAS}; в) звонкостью звонкого фрикативного FRIC^v (т.е. тоновым компонентом “тоношумовой” фонемы). В составе акустически простого денотата и симультанного денотата с “чистым” диссонансом (тоновый квазинеудар) тоновый неудар отражается при посредстве долгого гласного VOC (соответственно типы II toot, VII creak). В составе сукцессивного и симультанно-сукцессивного денотата резонаторный тон, вызываемый ударом (либо квазиударом), отражается при посредстве иного “тонового” звука речи (образуемого при участии иного — носового — резонатора) — носового сонорного SON^{NAS} в абсолютном либо неабсолютном исходе (типы X tink, ting, XIV thump, whang, XV zonk, zing, XVI crink, ring). Если же тоновый неудар выступает лишь как компонент симультанного тоношумового звучания, в ономатопе он не передается с помощью самостоятельного “тонового” звука речи, а лишь отражается в звонкости фрикативного согласного (преобладающий же шумовой компонент звучания отражается во фрикативном, шумовом характере согласного).

Чисто шумовой неудар звукозвукоизобразительно передается фонетическим элементом, (психо)акустически представляющим собою чисто шумовой неудар, — фрикативностью глухого фрикативного согласного FRIC[^], а также в составе звонкого фрикативного согласного FRIC[˘]. Если чисто шумовой неудар — в составе акустически простого денотата, то в ониматопе наличествуют два звука, (психо)акустически представляющие собою чисто шумовой неудар: глухой фрикативный FRIC[^] абс. нас. и FRIC[^] абс. кон. (тип III hiss); в ониматопе, отражающем первичную имитацию, FRIC[^] — один. Если чисто шумовой неудар — в составе акустически сложного денотата (симультанного, сукцессивного либо симультанно-сукцессивного), то в ониматопе он всегда отражается лишь через один звук, (психо)акустически представляющий собою чисто шумовой неудар. Чисто шумовой неудар симультанного денотата с квазинеударом передается через FRIC[^] абс. нас. либо (что для этого случая безразлично) FRIC[^] абс. кон. (тип VIII: whirr, gash). Если денотат — сукцессивный, то чисто шумовой неудар передается через глухой фрикативный FRIC[^], который стоит в абсолютном исходе корня, если обозначаемый удар имеет “послеударную” шумовую характеристику (тип XI clash); при наличии “предударной” шумовой характеристики FRIC[^] находится в абсолютном начале ониматопа (типы XII whack, XIV thump, whang). Аналогичное положение имеем и для симультанно-сукцессивного денотата с квазиударом (типы XVII crash, XVIII flirt). Несколько иное положение наблюдается в отношении симультанного и симультанно-сукцессивного денотата с тоношумовым неударом (а также с тоношумовым неударом и “чистым” диссонансом). Здесь шумовой компонент звукоизобразительно передается не через посредство самостоятельного фрикативного, а отражается лишь в самом фрикативном, шумовом характере согласного (тоновый же компонент обозначаемого звучания отражается в звонкости соответствующего фрикативного согласного). Звонкий фрикативный (“тоношумовой”) FRIC[˘] (собственно, звонкий свистящий) стоит в абсолютном исходе, если денотат симультантный (типы IV buzz, IX frizz)⁸, и в абсолютном начале — если денотат симультанно-сукцессивный, с тоношумовой “предударной” характеристикой (типы XIII zip, XV zonk, zing).

“Чистый” диссонанс звукоизобразительно передается через фонотип R. К этому фонотипу принадлежит звук /r/, который в своей вибрантной разновидности психоакустически представляет собою диссонанс⁹. Подробно об особенностях как R-вибранта, так и R-невибранта в ономотопее современного английского языка см. выше, 9.1 и 9.2 (особ. о модели 10 “jerk” в типе X).

Б) Отражение количественных элементов.

Высота и Громкость звучания-денотата любого типа, как правило, отражаются прямо и непосредственно через количественные элементы фонетической структуры ономотопа: меньшая высота и большая громкость обозначаемого звучания передаются меньшей (акустически) высотой и большей интенсивностью срединного гласного VOC, большая высота и меньшая громкость звучания — большей высотой и меньшей интенсивностью гласного VOC. В звукоизображениях, передающих первичную имитацию, высота и громкость — как количественные элементы звучания, несущественные для характеристики его качественного своеобразия, — могут не отражаться; ср. типы III hiss (sh, “подражание свистящему звуку, напр. косы”), IV buzz (z-z-z “подражание жужжанию”); XI clash (psh “подражание звуку внезапно и с шипением вырывающегося пара”)¹⁰.

Длительность — менее существенный количественный элемент звучания, и в структуре ономотопа либо вовсе не отражается (типы II toot, III hiss, IV buzz, VI chirr, VII creak, VIII whirr, IX frizz, XI clash, XII whack, XIII zip, XVII crash, XVIII flirt), либо находит лишь косвенное, аппроксимированное отражение через наличие либо “значащее” отсутствие качественного элемента фонетической структуры ономотопа (PLOS абс. кон.) и притом лишь для резонаторного (вызываемого ударом либо квазиударом) тонового неудара (подтипы X tink, ting, XIV thump, whang, XV zonk, zing, XVI crink, ring). В обозначениях краткого тонового неудара с предшествующим ударом либо квазиударом (подтипы Xa tink, XIVa thump, XVa zonk, XVIa crink) краткость неудара выражается через наличие в абсолютном исходе звукоподражательного корня “обрывающего” PLOS,

следующего непосредственно за SON^{NAS}. В обозначениях длительного тонового неудара с предшествующим ударом либо квазиударом (типы Xб ting, XIVб whang, XVб zing, XVIб ring) длительность неудара имплицитно выражается через “значащее” отсутствие в абсолютном исходе корня “обрывающего” PLOS (наличествует лишь конечный SON^{NAS}, потенциально способный к удлинению)¹¹. В других случаях, как уже указывалось, длительность звучания-денотата не передается. При этом следует заметить, что длительность обычно не передается лишь “оформленными” звукоизображениями английского языка. Имеющиеся данные по “неоформленным” ономатопам (передающим первичную имитацию) чрезвычайно скудны; однако есть основания полагать, что в ономатопах, передающих первичную имитацию, длительность находит отражение (хотя при этом не передаются высота и громкость звучания). Ср. sh, без геминии [ʃ] и с геминией [ʃ:] — передающее, соответственно менее длительный и более длительный шипящий звук, звук шепота; ср. также z как звукоизображение менее длительного и zzz как изображение более длительного жужжания¹².

§ 15. ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ФОНОТИПОВ (ЗИФ)

Элементы фонетической структуры ономатопа могут быть квалитативными и квантитативными.

Квалитативных элементов — четыре: 1. Взрывной характер звука (взрывного согласного PLOS); 2. Тоновый характер звука (долгого гласного VOC, сонорного носового конечного SON^{NAS} кон.) либо тоновый его компонент (звонкость фрикативного FRIC^v); 3. Чисто шумовой характер звука (глухого фрикативного FRIC[^]) либо чисто шумовой его компонент (фрикативность звонкого фрикативного FRIC^v); 4. Диссонантный характер звука (вибранта R).

Квантитативных элементов — три: 1. Высота звука (гласного VOC); 2. Интенсивность звука (гласного VOC); 3. Длительность звука (гласного VOC). Поскольку нас интересуют в первую очередь звукоизобразительные — т.е. звукоподражательные и звукосимволические — функции фонотипов (соответственно: ЗИФ, ЗПФ, ЗСФ)¹³, в составе

которых манифестируются элементы фонетической структуры ономатопы, — остановимся на этом вопросе подробно.

ЗИФ взрывных (PLOS)

PLOS в составе ономатопы в подавляющем большинстве случаев выполняет определенную ЗПФ. PLOS встречается как в абсолютном начале, так и в абсолютном исходе корня.

Число функций — две. Первая и основная функция PLOS — прямое отражение удара. Удар может отражаться через посредство как одного PLOS (ср. *clash, zip, crash, flirt, rap*), так и двух (ср. *tap, crack*)¹⁴; в последнем случае один из двух PLOS можно считать несущим избыточное указание на “ударный” характер денотата. ЗПФ индикации удара реализуется при наличии совокупности двух условий: а) VOC сред. — краткий; б) в абсолютном исходе корня — любой согласный кроме FRIC^v и R. Вторая функция PLOS в ономатопе — отражение краткости короткого резонаторного тонового неудара. Эта ЗПФ реализуется при условии, что конечному (в абсолютном исходе) PLOS предшествует SON^{NAS} (т.е. функция реализуется в случае *tink, thump, zonk, crink*). PLOS не выполняет никакой звукоизобразительной функции в ряде случаев: VOC сред. долгий (ср. *toot*), т.е. в тоновых континуантах; в абсолютном исходе корня стоит FRIC^v (*buzz*), т.е. в тоношумовых континуантах; в абсолютном исходе стоит R (ср. *burr*) — в “чистых” фреквентативах.

ЗИФ глухих фрикативных (FRIC[^])

Здесь необходимо рассмотреть три группы случаев: а) общие случаи; б) “s”-mobile; в) FRIC[^] в составе *wh*.

а) Общие случаи

FRIC[^] в составе ономатопы, как правило, звукозвукоизобразительно валентен. Он встречается как в абсолютном начале, так и в абсолютном исходе корня; наличие или отсутствие ЗПФ обычно не зависит от позиции FRIC[^]. Функция FRIC[^], в принципе, одна: прямое отражение

чисто шумового неудара. Последний может отражаться при посредстве как одного FRIC[^] (ср. *whirr, rash, clash, whack, thump, whang, crash, flirt*), так и двух FRIC[^] (ср. *hiss*); в последнем случае один из двух FRIC[^] можно считать несущим избыточное указание на чисто шумовой неударный характер денотата. В случае, если наряду с FRIC[^] (в абсолютном начале) корень содержит FRIC^{SIBV} (в абсолютном исходе), FRIC[^] несет избыточное указание на чисто шумовой компонент тоношумового неудара (ср. *fizz*). Условия реализации функции FRIC как показателя чисто шумового неудара — краткость VOC^р и отсутствие следующего за FRIC[^] звука R. FRIC[^] не выполняет никакой звукоизобразительной функции в двух случаях: а) если VOC^{свсд.} долгий (ср. *hoot*)¹⁵, т.е. в тоновых континуантах; б) если последующий согласный R (ср. *thrump, thrum, thrash*), т.е. в “последударных” квазиинстантах-континуантах.

б) “s”-mobile

Весьма специфичным является это частное проявление FRIC[^]- в позиции перед PLOS[^] в начале корня или (в незначительном числе примеров) перед SON^{NAS DENT} /n/ в начале корня¹⁶. Все это случаи, когда обозначаемое звучание не представляет собою чисто шумовой неудар и когда чисто шумовой неудар не входит в качестве первого элемента в состав обозначаемого звучания. В этих случаях мы имеем дело с т.наз. “s”-mobile¹⁷; судя по имеющемуся материалу (около 30 примеров), оно не выполняет никаких звукоизобразительных функций.

Ср., например:

splat
“шлепнуть(ся)”

snip
“откусить; хватать зубами;
резать (ножницами, с
характерным щелчком)”

spink
ныне диал. “зяблик”

plat
уст. “с шумом ударить чем-л.
плоским, шлепнуть, хлопнуть”

nip
“щипать; укусить; сжимать
(судно во льдах)”; техн.
“откусить; зажать”

pink
“местное название зяблика”

splash "забрызгивать; плескаться(ся); бултыхнуться(ся)"	plosh "плескаться(ся)"
sposh <i>амер.</i> "разломанный (разбитый) лед; ледяное сало, шуга"	posh <i>диал.</i> "обломки ч.-л. разбитого на куски; мягкая или гнилая масса ч.-л.; разломанный (разбитый) лед; ледяное сало; шуга"
scuff <i>шотл.</i> "слегка задеть; смахнуть ч.-л., мягко шаркать"	cuff "бить рукой"; <i>уст.</i> "бить крыльями (о птицах)"
scrab <i>уст.</i> "царапать (когтями)"	crab "царапать когтями (о ястребе)"
scream <i>диал.</i> "издавать резкий, пронзительный крик; скрипеть"	creak <i>уст.</i> "издавать резкий, хриплый звук; скрипеть; ворчать"
stramp <i>шотл.</i> = tramp "ступать тяжело, с резонирующим звуком; громко топать; трамбовать"	
scrash <i>редк.</i> = crash "разбивать вдребезги сокрушительным ударом, падать, рушиться с грохотом"	
scrush <i>диал.</i> = crush <i>уст.</i> "разбивать вдребезги с резким звуком сокрушительного удара; производить скрежещущий звук (при дроблении, размельчении ч.-л.); сжимать с силой"	

Таким образом, "s"-mobile в анлауте английского ономатопа, по видимому, не является звукоизобразительно валентным.

Сюда примыкают несколько изолированных случаев /s/ в неабсолютном исходе звукозвукотобразительного корня перед PLOS^ абс. кон.: таковы, например, *risp* "скрести; подпиливать; издавать резкий, скребущий, коротко дрожащий звук"; *flisk* "подражание звуку при внезапном движении" (ср. коррелирующие ономатопы без /s/: *rip* "распарывать, рвать; раскалываться"; *flick* "легкий удар (особ. чем.-л. гибким); резкое движение; звук хлыста".

в) *FRIC*^ в составе *wh-*

Этот случай требует специального рассмотрения. Дело в том, что диаграф *wh-* может, как известно, репрезентировать и сочетание */hw-/* (реже */xw-/*), а также глухой сонорный */m'* и */w-/* (звонкий сонорный *SON^{1.AB}*). Вопрос о том, какое именно произношение передается написанием *wh-* в английских ономатопах, имеет принципиальное значение для установления звукоизобразительных функций соответствующих звуков. В нашем материале насчитывается 27 ономатопов с начальным *wh-*. Рассмотрим (первоначальное) произношение основных случаев. Ономатопы *whisper* (*hwisprian* ок. 950) “шептать” и *whistle* (*hwis(t)lian* ок. 1000) “свистеть” возникли еще в древнеанглийский период, и произношение их было с */hw-/* или с */m-/*¹⁸⁰. Ономатоп *whir(r)* (ок. 1400) *первонач. сев.* “стремительно вращаться и т.п. (с дрожащим и шелестящим звуком)”, представляющий собою шотландизм, произносили с */hw-/* (или даже */xw-/*)¹⁹. С */hw-/* произносилось и северное *whish*, “шепот”. Произношение *wh-* как */hw-/* в Шотландии и на севере Англии, а также в Ирландии и США, представляет собою норму и для современного периода. В XVI—XVII вв. сочетание *wh-* произносилось как */hw-/* (или */m-/*)²⁰. К засвидетельствованным в этот период ономатопам относятся: *whush* “производить тихий шелестящий звук”; *whiff* “легкое дуновение ветра; поныхивать трубкой”; *whang* “хлестать с сильным звонким звуком”. Рассматривая произношение в ранненовоанглийский период, Э. Добсон [97а, 1001] обращает внимание на частое наличие среди звукоподражательных слов на */hw-/* параллельных образований с */-w-/* и без */-w-/*. Один из примеров Добсона — *hoot* “гудеть” наряду с *whoot* *уст.* «трубить в рог»²¹. Как показывает наш материал, к таким параллельным звукоподражательным образованиям ранненовоанглийского (как и среднеанглийского) периода следует отнести также *hish* *дуал.* “шипеть, свистеть” наряду с *whish*, “производить тихий свистящий или шелестящий звук”; *hizz* *редк.* “производить шипящий или звонко свистящий звук” наряду с *whizz* “звонко свистеть; тонко жужжать”. Дж. Смизерс [194, 87], рассматривая ономатоп *whack* “ударять с силой, колотить (напр. палкой); звук таких ударов”, говорит о начальном *wh-* как о сочетании глухого фриктивного */h/* с */w/*. Смизерс справедливо указывает также на

взаимозаменяемость начальных глухих фрикативных в сочетании $\text{FRIC}^{\wedge} + w$ [194, 87], приводя параллельное ономотопу *whack* образование на *sw-*: *swack* “швырнуть; размахивать (мечом); колотить”. Аналогичный случай — ономотоп *whoosh* “производить тихий шелестящий звук (о ветре, о хлынувшей воде)”: ср. *swoosh* “производить шум (о воде)”²². Ономотоп *whump* “звук падения тела; производить низкий гулкий звук” произносится как с */hw-/*, так и с */w-/*. Мы не располагаем данными непосредственно по первоначальному произношению двух ономотопов: *whit* “высокий, внезапно обрываемый, свистящий звук (напр., пули, заканчивающей полет ударом о твердую преграду)” и *whing* “пронестись стремительно, со свистом и звенящим звуком”. Однако к этим лексемам, так же, впрочем, как и ко всем остальным ономотопам на *wh-*, применимо замечание Марчанда о */hw-/*, начинающем “слова, обозначающие шумы воздуха, или дыхания, или сильного движения” [155, 259]: звукоизображениями именно такого рода шумов и являются *whit*, *whing*, и, следовательно, *wh-* в них фонетически представляет собою сочетание */hw-/*.

Итак, рассмотрев приводимые в настоящей монографии ономотопы на *wh-*, мы убеждаемся, что диаграф *wh-* в них передает произношение */hw-/* (реже */xw-/* или, как вариант, */m/*)²³. Таким образом, $\text{FRIC}^{\wedge}$ абс. нач. в сочетании с SON^{LAB} выполняет — как и вне этого сочетания — звукоизобразительную (конкретно: звукоподражательную) функцию (ЗИФ) прямого отражения чисто шумового неудара (условие реализации этой функции — краткость *VOC* сред. — то же, что и для $\text{FRIC}^{\wedge}$ абс. нач. вне сочетания с SON^{LAB}). О втором компоненте этого сочетания — SON^{LAB} — см. ниже.

ЗИФ звонкого фрикативного (FRIC^v)

Звонкий фрикативный FRIC^v всегда звукозвукоизобразительно валентен. Функция его — одна: передача тоношумового неудара в составе денотата. FRIC^v встречается как в абсолютном начале корня (ср. *zip*, *zomp*, *zing*), так и в абсолютном исходе (*whizz*, *frizz*)²⁴. Звонкость FRIC^v в составе ономотопа (практически всегда звонкость звонкого сибиланта */z/*)²⁵, также всегда звукозвукоизобразительно валентна. Независимо от позиции FRIC^v , ЗИФ звонкости

согласных этого типа в ономатопе — одна: прямое отражение элементов тонового неудара в тоношумовом неударе (т.е. в шумовом неударе с элементами тона).

ЗИФ аффрикат (AFFR)

AFFR²⁶ в структуре ономатопы в подавляющем большинстве случаев выполняет определенную звукоизобразительную функцию. AFFR встречается как в абсолютном начале, так и в абсолютном исходе ономатопы; в зависимости от позиции функция AFFR различна. Число функций — три. Наиболее обычной является позиция AFFR в абсолютном начале слова. В этом случае ее ЗПФ — отражение удара (ср. *chor*), но не прямое (как в рассмотренном выше случае *PLOS*), а аппроксимированное²⁷. Звукозвукоизобразительная функция индикации удара реализуется при наличии совокупности двух условий: а) VOC сред. — краткий; б) в абсолютном исходе корня — любой согласный, кроме FRIC^v (собственно, кроме /z/) и R. В ряде случаев AFFR не выполняет никаких звукоизобразительных функций; например, если VOC сред. долгий (ср. *cheer*), т.е. в тоновых континуантах, или если в абсолютном исходе стоит FRIC^v (собственно /-z/; ср. *chizz*), т.е. в тоношумовых континуантах.

Звукоизобразительная функция R.

R в составе корня ономатопы всегда звукозвукоизобразительно валентно. Функция — собственно, звукоподражательная функция — одна: прямое (R-вибрант) или аппроксимированное (R-невибрант) отражение “чистого” диссонанса. Функция реализуется независимо от позиции R в ономатопе. Об особенностях /r/ в английских звукоподражательных словах см. выше, 9.1 и 9.2 (особ. о модели 10 “jerk” в типе X).

ЗИФ носовых сонорных (SON^{NAS})

SON^{NAS} всегда выполняет определенную звукоизобразительную функцию, как правило, звукоподражательную. SON^{NAS} обычно встречается в абсолютном либо неабсолютном исходе корня, редко — в начале.

В конечной позиции SON^{NAS} всегда звукоизобразительно валентен. Число возможных функций — две. ЗИФ SON^{NAS} в неабсолютном либо абсолютном исходе состоит в прямом отражении резонаторного (вызываемого ударом либо квазиударом) тонового неудара (ср. *tink, thump, zonk, crink, ting, whang, zing, ring*). Такая функция SON^{NAS} связана с тем, что в носовой полости не возникают собственные тоны, и она может служить только резонатором. Примеры с SON^{NAS} (собственно, /n/) в начале ономатопа единичны (ср. *knock*). Наличие в них SON^{NAS} объясняется *артикуляторными* моментами; ономаты эти представляют собою инстанты, связанные с обозначением *стука*, шелканья и т.д. *зубов* (отсюда — дентальный характер носового) при одновременном прохождении струи воздуха через нос (отсюда носовой характер дентального (см. [22]),

SON^{NAS} нач. не отражает никакого внеязыкового звучания; он выполняет *функцию звуко-символическую-кинеизобразительную* (“*движениеизобразительную*”): передаются определённые (зубно-носовые) элементы движения (см. [23]).

ЗИФ латерального и губного сонорных (SON^{LAT} , SON^{LAB}).

В отличие от звуков других типов, SON^{LAT} /-l-/ и SON^{LAB} /-w/- в структуре корня ономатопа не являются отражением непосредственно какого-либо типа внеязыкового звучания, и в этом смысле можно говорить об отсутствии у них звукоподражательных функций.

Не передавая никакого звучания, щелевые SON^{LAT} и SON^{LAB} в обозначениях звучаний, в состав которых входит чисто шумовой неудар, могут, однако, звуко-символически передавать само движение, порождающее соответствующее звучание²⁸. Движение это, как показывает семантика английских ономапопов, может быть движением воды (жидкости) или воздуха (либо предмета в воде, воздухе).

SON^{LAT} присутствует чаще в обозначениях звучаний, связанных с движением, током (протеканием) *воды* (либо с движением предмета в воде): ср. *slush* “шум тяжело плещущейся воды”, *flush* “шум хлынувшей воды”, *slump* “шлепнуться (с приглушенным звуком) в воду или грязь”. По-

видимому, в первую очередь именно с “текучим” (liquid) характером /l/ (артикуляция которого хорошо “моделирует” изображаемый процесс) связано частое использование этого звука в составе обозначений различных состояний тока воды, в том числе и состояний, при которых плавность течения и сплошность воды (жидкости) местами нарушаются; в этом случае “текущее” /l/ передает лишь сам “текучий” характер процесса, т.е. собственно ток, движение воды.

SON^{LAB} более характерен для обозначений звучаний, связанных с движением, протеканием *воздуха* (или с движением предмета в воздухе): ср. whing “пронестись стремительно, со свистом и звенящим звуком”, swish “рассекать воздух со свистом, шелестом”, swift *сев.* “быстрое движение с шелестящим или свистящим звуком; легкое дуновение ртом”. Специфика артикуляции SON^{LAB} — вытянутые в трубку губы, как при дуновении ртом, губном свисте — делает этот звук особенно приемлемым для передачи дуновения ветра, тока воздуха (со свистом), движения предмета в воздухе со свистящим звуком.

Таким образом, щелевые SON^{LAT} и SON^{LAB}, как и у SON^{NAS} (см. выше, [с. 145]), в силу особенностей своей артикуляции могут служить в составе английского ономатопеического корня для передачи движения (воды, воздуха, предмета в воде, воздухе), связанного со звуком. Эта функция SON^{LAT} и SON^{LAB} является, собственно, не звукоподражательной, а “движениеизобразительной”, назовем ее *кинеизобразительной функцией*; это — функция *звукосимволическая*.

Необходимо отметить *еще один случай SON^{LAT}* в ономатопеических корнях, в составе денотата которых есть *звучание-удар*. Латеральный SON^{LAT} в этом случае также не отражает никакого внеязыкового звучания, передавая лишь *латеральный элемент щелкающей артикуляции*. Последняя наилучшим образом отражает — на стадии бесфонемной имитации — звучания, в состав которых входит удар: ср., напр., click “щелкать языком; щелкать (щеколдой, затвором)”; фонет. “кликс, щелкающий звук”; clap “(громкий) хлопок”; clash “громкий звук сильного удара, сопровождаемого шуршанием обломков”. Следовательно, функция латерального SON^{LAT} /l/ здесь, по-видимому, заключается в передаче не непосредственно звука и не процесса, а лишь определенного

(латерального) элемента артикуляции (шелкающей), передающей (на стадии бесфонемной имитации) определенный тип внеязыкового звучания (удар). Вероятно, здесь речь может идти о еще одной специфической разновидности *звуко-символической функции*.

В обозначениях бульканья следует, видимо, говорить о наличии у SON^{LAT} как артикуляторнозвукоизобразительной, так и кинезвукоизобразительной функций: акустически бульканье представляет собою удар (подобно шелканью, хлопанию и под.), в звукоизображении удачно имитируемый шелкающей артикуляцией²⁹; кинетически же бульканье связано с движением, током воды, жидкости; ср. plop “звук падения в воду (бульк, бултых)”; plump “плюхаться в воду (с более звонким булькающим звуком, чем plop)”.

Необходимо, однако, заметить, что SON^{LAT} и SON^{LAV} отнюдь не являются обязательными элементами структуры английского ономатопея. В большинстве случаев (по имеющимся данным, в 58 из 137 случаев, т.е. почти в половине случаев) звукоизобразительные корни с /l/ или /w/ имеют корреляты без /l/ или /w/, с идентичной либо близкой семантикой. Ср., например, следующие пары и триплет³⁰:

plop “звук падения в воду” (“бульк, бултых”)	pop “хлопать, выстреливать (о пробке)”
twit “подражание отрывистому посвистыванию маленькой птицы”	tit обозначение отрывистого посвистывания овсянки”
bleep “писк передатчика на борту спутника”	beep <i>амер. сл.</i> “звук автомобильного рожка; писк морзянки”
whiss <i>уст.</i> “свистеть, шипеть; хлестать чем-л. гибким”	hiss “шипеть; свистеть”
twang “подражание резонаторно звонкому звуку натянутой струны”	tang “звенеть”

slish	swish	sish
<i>диал.</i> “хлестать; плескаться, производить шум (о воде)”	“двигаться со свистящим или шелестящим звуком”	<i>амер. диал.</i> “мелко раскрошенный (прибоем) лед, шуга”.

Поскольку в ономотопее — “акустическом подражании” — основным является подражание звуку, но не движению (производящему звук) и не артикуляции, имитирующей (ономатопеически) производство звука, то вполне понятна необязательность, факультативность SON^{LAI} и SON^{LAB} .

Основной вывод таков: SON^{LAI} и SON^{LAB} в составе корня ономотопа всегда звукоизобразительно валентны; особенность их, однако, в том, что они выполняют функции звуко-символические, но не звукоподражательные.

ЗИФ гласных (VÖC, VOC).

Гласный в структуре ономотопа всегда звукоизобразительно валентен. Позиция гласного, как правило, в инлауте. Число ЗПФ краткого гласного — две, долгого — три. Как VÖC, так и VOC выполняют функцию показателя высоты, т.е. низкого/высокого звучания, денотата и, одновременно, функцию показателя громкости, т.е. тихого/громкого звучания, денотата. Сами квантитативные элементы высоты и интенсивности гласного индицируют, соответственно, высоту и громкость звучания денотата. Долгий гласный выполняет, помимо двух указанных выше функций, также функцию показателя тонового неударя (нерезонаторного). Сама длительность (долгота) гласного в структуре ономотопа играет двоякую роль. Квантитативный элемент длительности в применении в краткому гласному (т.е. собственно краткость краткого гласного) не выполняет никаких звукоизобразительных функций. Длительность же в применении к долгому (“длительному”) гласному, т.е. собственно долгота долгого гласного, всегда выполняет функцию показателя нерезонаторного тонового неударя, но не его длительности, во всяком случае, не в “оформленных” звукоизображениях.

§ 16. ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III

Рассмотрение соотношения “ономатоп/денотат” в его двух аспектах позволяет сделать следующие основные выводы.

1. Практически все элементы (психо)акустической структуры денотата (как квалитативные, так и квантитативные) находят отражение в акустической и, следовательно, фонетической структуре соответствующих ономатопов английского языка. Исключение — немногочисленные случаи неотражения квалитативного элемента “чистого” диссонанса в составе группы интенсивов (модель 30)³¹. Исключение также составляет имеющий ограниченную значимость квантитативный элемент длительности, который чаще всего никак не передается в структуре ономатопа; в целом ряде случаев, однако, в ономатопе может быть отражена и длительность (типы X tink, ting; XIV thump, whang, XV zonk, zing; XVI crink, ring).

2. Квалитативные элементы акустической структуры денотата (удар, тоновый неудар, чисто шумовой неудар, “чистый” диссонанс) передаются в фонетической структуре ономатопа, как правило, квалитативными же элементами. К последним относятся: взрывной характер звука (взрывного согласного PLOS); тоновый характер звука (долгого гласного VOC, сонорного носового конечного SON^{NAS}кон.) либо тоновый его компонент (звонкость звонкого фрикативного FRIC^v); чисто шумовой характер звука (глухого фрикативного FRIC^h) либо чисто шумовой его компонент (фрикативность глухого фрикативного FRIC^h); диссонантный характер звука (вибранта R). Квантитативные элементы акустической структуры денотата (высота, громкость, длительность) в большинстве случаев передаются в фонетической структуре ономатопа квантитативными же элементами, реже — квалитативными элементами. К квантитативным элементам относятся: высота звука (гласного VOC), интенсивность звука (гласного VOC), длительность звука (гласного VOC). Высота и громкость передаются квантитативными элементами (высотой и интенсивностью соответствующих гласных звуков). Длительность же — в тех случаях, когда она отражается в ономатопе, — аппроксимированно передается через конечный квалитативный элемент PLOS абс. кон. (с

предшествующим SON^{NAS}): краткий резонаторный тоновый неудар (ср. *tink*), либо через “значащее” отсутствие PLOS абс. кон. после SON^{NAS} : длительный резонаторный тоновый неудар (ср. *ting*).

3. В значительном большинстве случаев элементы акустической структуры денотата передаются в структуре соответствующих ономатопов прямо и непосредственно через фонетические элементы фактически идентичной акустической природы. В ряде случаев, однако, мы имеем лишь косвенное, аппроксимированное отражение. Таково отражение удара сукцессивного и симультанно-сукцессивного денотата с числом сукцессивных элементов более двух (типы XIV *thump, whang*, XV *zonk, zing*). Таково же отражение удара в отдельных примерах “послеударного” квазиудара-неудара (например, в типе XVI: *ring*). Таково и отражение длительности тонового неудара, вызываемого ударом либо квазиударом (типы X *tink, ting*; XIV *thump, whang*, XV *zonk, zing*; XVI *crink, ring*). Таково, наконец, отражение “чистого” диссонанса невибрантным R.

4. Правилom практически для всех звуков структуры ономатопа — и, соответственно, фонотипов — является выполнение ими тех или иных звукоизобразительных функций. Исключения весьма немногочисленны. Они касаются отдельных случаев PLOS и $FRIC^{\wedge}$ (так, у PLOS, как и у $FRIC^{\wedge}$, отсутствуют ЗИФ, если гласный в составе ономатопа — VOC: ср. *toot*). Единственный звук, никогда, по-видимому, не несущий звукоизобразительной функции, — “s”-mobile.

5. В подавляющем большинстве случаев звуки в структуре ономатопа выполняют ту или иную звукоподражательную функцию (функции). Этот вид звукоизобразительных функций присущ всем звукам, кроме SON^{LAT} , SON^{LAB} нач. и $SON^{NAS DENT}$ нач., которые выполняют функции звукосимволические.

6. Число функций колеблется от 1 до 3. Большинство звуков выполняет одну или две функции. К монофункциональным относятся: $FRIC^{\wedge}$, $FRIC^{\vee}$, R, SON^{LAB} (последний — со звукосимволической функцией). Бифункциональны звуки: PLOS, AFFR, VOC, SON^{NAS} (последний — с одной ЗИФ и одной ЗСФ), SON^{LAT} (у последнего обе функции не звукоизобразительные). Трифункциональным является VOC.

7. Полифункциональные (собственно, бифункциональные) согласные CONS одновременно выполняют не более одной функции. Гласные же VOC, которые всегда полифункциональны, характеризуются одновременным выполнением всех своих функций; в этом смысле можно говорить о своеобразном синкретизме функций VOC и особенно VÖC.

8. При наличии в структуре онматопа двух звуков идентичной акустической природы один из этих звуков является --- в звукоизобразительном плане --- избыточным (ср. два PLOS в инстантах: tap, ср. также два FRIC^ в чисто шумовых континуантах: hiss). При этом избыточность возможна лишь в "оформленном" онматопе --- в онматопе же, передающем первичную имитацию, она отсутствует (ср. /ʃ:/ как подражание длительному шипению пара).

9. В одном случае мы наблюдаем чрезвычайно своеобразное явление, когда звукоподражательную функцию выполняет не сам звук, а его "значащее" отсутствие. Это --- случай индикации длительности резонаторного тонового неудара через отсутствие PLOS абс. кон. (ting по противопоставлению с tink).

10. В целом можно констатировать, что, как правило, PLOS (акустически --- удар) служит показателем удара. FRIC^ (акустически --- чисто шумовой неудар) --- чисто шумового неудара; VOC (акустически --- тоновый неудар) является показателем нерезонаторного тонового неудара, SON^{NAS}кон. (акустически --- резонаторный тоновый неудар) --- показатель резонаторного тонового неудара; R (в своей основной разновидности акустически представляет собою диссонанс) служит показателем "чистого" диссонанса, VOC (акустически --- низкий/высокий, громкий/тихий тоновый неудар) --- есть показатель высоты и громкости звучания-денотата.

11. Согласные и гласные в структуре онматопа неравновалентны. Согласные (CONS) всегда более важны для звукоподражания, нежели краткие гласные (VÖC), что доказывается, в частности, тем, что в онматопах, передающих первичную имитацию, краткий гласный может вообще отсутствовать, в то время как сохранение согласного "нужного" акустического типа обязательно. Если же в составе онматопа есть долгий гласный (VÖC), то для

звукоизображения важен именно он, — при передаче первичной имитации согласный вообще необязателен.

¹ Т.е. психоакустически простой, но акустически сложный денотат, в котором составляющие его звучания даны в одновременности (симультанно).

² Т.е. психоакустически и акустически сложный денотат, в котором составляющие его звучания даны во временной последовательности (сукцессивно).

³ Т.е. психоакустически и акустически сложный денотат, часть звучаний в котором дана в одновременности (симультанно), часть же — во временной последовательности (сукцессивно).

⁴ Первый элемент аффрикаты, как уже указывалось, имеет черты удара.

⁵ При этом, поскольку симультанные элементы в симультанно-сукцессивном денотате ощущаются в одновременности, как одно звучание, — принимаем, что два таких симультанных элемента выступают как один сукцессивный элемент по отношению ко второму сукцессивному элементу денотата.

⁶ Под конечной позицией здесь понимается положение звука в абсолютном или неабсолютном исходе корня ономотопа. Пример первого — (-ŋ) в *ting*, пример второго — (ŋ) в *tink*.

⁷ Исключения единичны (таковы *vgloom*, *boom*, *hum*, *bum*, *zoom* — обозначения тона, не связанного с предшествующим ударом).

⁸ В одном случае конечный FRIC[^] поддерживается начальным FRIC[^] (оба — свистящие): таков ономотоп *zizz* “подражание звонко свистящему или жужжащему звуку”.

⁹ “Чистый” диссонанс может в звукоизображении не передаваться, если звучание, производимое животным, обладает значительной громкостью (интенсивы: модель “30” *bawl*): см. С.В. Воронин [20, §24].

¹⁰ Судя по нашему материалу, имеется лишь 6 типов английских ономотопов, в которых на стадии первичной имитации высота и громкость денотата могут отражаться. Следует, однако, предположить, что в реальной речевой действительности таких типов звукоизображений больше. Письменные источники чрезвычайно скупо фиксируют звукоизображения, отражающие первичную имитацию; более полное изучение вопроса требует работы с информантами и полевых наблюдений.

¹¹ О том, что потенциальная способность SON^{AS} абс. кон. к удлинению (геминации) может актуализироваться, свидетельствуют примеры “неоформленных” звукоизображений вроде *btgtrumm*, *btgnnnnnnnng*.

¹² Вопрос о “неоформленных” звукоизображениях совершенно не исследован; между тем он представляет большой интерес в плане разработки проблемы связи звука и значения.

¹³ ЗИФ фонотипов звукоподражательных слов (как и звукоизобразительных слов в целом) можно рассматривать также в плане фонетического значения соответствующих фонотипов).

¹⁴ При этом имеется в виду, что конечному (в абсолютном исходе корня) PLOS не предшествует в неабсолютном исходе SON^{NAS} (т.е. не имеются в виду случаи вроде *tink, thump, zonk, crink*).

¹⁵ Исключения единичны: таково, например, *whoosh*.

¹⁶ DENT^{NAS} в звукоизображениях, первоначально связанных с обозначением кусания, стука зубов (позднее — стука вообще): ср. *snip* и *knack*. DENT^{NAS} является отражением артикуляторных, звуко-символических факторов — участия зубов и прохождения воздуха через носовую полость [22, 47].

¹⁷ Обсуждение обширной и во многом неясной проблемы “s”-mobile применительно к лексике языка в целом не входит в нашу задачу (по этому вопросу см., в частности, L. Michel [161a, 32—34] со ссылками на Э. Бенвениста и А. Мейе; о вариантах с /s-/ и без него в английских диалектах см. EDD vol. VI, p. 66; применительно к звукоизобразительной лексике английского языка сошлемся на Х. Марчанда [156, 319], который отмечает: “Мы ничего не знаем о происхождении этой вариантности. Возможно, s- изначально служило для передачи соответствующего звука, сопровождающего движение определенного характера... Или, может быть, уместно было бы говорить об эмоционально-экспрессивном происхождении этого s-...”; далее (с. 342), однако, Марчанд делает вывод, что между вариантами с s- и без s- “нет никаких денотативных семантических различий; появление протетического s-, по-видимому, является результатом шуточного употребления (*seems to be merely playful*). Во всяком случае, оппозиция s/нуль не имеет в синхронии деривативной значимости” (там же).

¹⁸ О произношении hw- в древнеанглийском см., напр., E. Sievers [190a, 295] и К. Бруннер [15, т. II, 85].

¹⁹ О /xw-/ , /hw-/ ср. E. Dobson (97a, 974).

²⁰ Ср.: “Орфоэписты (XVI—XVII вв. — *СВ.*), как правило, дают произношение /hw/ или /m/... Таковы же свидетельства иностранцев...” Dobson [97a, 974].

²¹ Следует отметить, что начальное /h-/ в *hoot, whoot* не несет никакой звукоизобразительной нагрузки.

²² Ср. также пары, образуемые с онomatопами на sw- и некоторыми из рассмотренных выше звукоизображений на wh- (семантика тех и других идентична либо очень близка): *whir(r)/swir, wish/swish*.

²³ На более полном материале этот вопрос рассматривается в [21a].

²⁴ В одном примере (zizz) мы имеем два FRIC; один из них представляет собою избыточный показатель характера обозначаемого звучания.

²⁵ Единственное исключение — /v/ в окказиональном vroom.

²⁶ Имеются в виду, собственно, палатоальвеолярные аффрикаты /tʃ/, /dʒ/. Дентальная аффриката /ts/ представлена лишь в одном ономатопе, на стадии первичной имитации — tsee орнитол. “обозначение одной из разновидностей крика черного дрозда”.

²⁷ Сюда примыкает рассматриваемый нами за пределами данной работы случай звуко-символических обозначений чавканья грязи: см. С.В. Воронин [22].

²⁸ В принципе, движение (ток, протекание) воды (жидкости), воздуха могло бы звуко-звукоизобразительно передаваться любым сонорным. “текучим” (liquid), “проточным”, “плавным” звуком речи. Однако сонорные /m/, /n/, /ŋ/ в силу своего носового характера лучше всего подходят для передачи резонаторного тонового неудар (в носовой полости не возникают собственные тоны, и она может служить только резонатором); сонорный же /r/ приемлем для передачи дрожащего звучания. “Роли” этих сонорных в ономатопах, таким образом оказываются уже “распределенными”. Сфера же действия медиального сонорного — звуко-символизм, но не ономатопея.

²⁹ Ср. в этой связи у А.М. Газова-Гинзберга [25, 68] — относительно /l/ в обозначениях бульканья (в самых различных языках мира): “Наибольший эффект может дать... l... входящее в состав шелкающего звука”.

³⁰ Из 58 случаев 53 — пары, 5 — триплеты.

³¹ См. С.В. Воронин [20, § 24].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью предлагаемой книги, как было указано, являлось изложение разработанной ранее [20] фоносемантической классификации английских ономатопов, основанной на (психо)акустической классификации обозначаемых звучаний. В число *задач* работы входило рассмотрение типов и фонетической структуры (моделей) ономатопов и рассмотрение соотношения “ономатоп/денотат” (как в плане отражения элементов структуры денотата в структуре ономатопа, так и в плане изобразительных функций звуков корня ономатопа).

Основные результаты, полученные в ходе проведенного исследования, сводятся к следующему.

Целый ряд проблем такого “междисциплинарного”, “стыкового”, пограничного явления, как ономатопея, в которой наиболее отчетливо проявляется связь звука и значения, не может быть решен без выхода в *экстралингвистику*. К числу таких проблем относится вопрос о фоносемантической классификации — классификации ономатопов по соотносимости их с денотатом. Классификация такого рода служит *объективной основой* для установления типов и структуры английских ономатопов и рассмотрения соотношения “ономатоп/денотат”.

В работе были рассмотрены английские ономатопы (корневые и с формантами -er, -le). Наш материал включал 700 таких образований.

Среди ономатопов следует различать 5 *классов*. Три класса, соответствующие трем классам звучаний-денотатов, — это Инстанты, Континуанты, Фреквентативы; выделимы также 2 *класса*, соответствующие двум классам обозначаемых сочетаний звучаний, — это Инстанты-Континуанты и Фреквентативы квазиинстанты-континуанты. Объективная основа характеристики денотатов (звучаний и сочетаний звучаний) — психоакустические параметры:

Высота, Громкость, Время, Регулярность и Диссонантность. Классы онома톱ов распадаются на типы -- всего *18 типов*, образующих 30 моделей. Восемнадцатью типами и тридцатью моделями практически исчерпывается все многообразие английских онома톱ов.

Зная (психо)акустическую структуру звучания-денотата, мы можем уверенно (более чем в 90% случаев) *предсказать* фонетическую структуру соответствующего ономатопе. Важно подчеркнуть, что указанная предсказуемость¹ действительна на уровне акустических *фонотипов*, т.е. типов звуков речи, рассматриваемых как акустические сущности: взрывные, глухие фрикативные и т.д., но не на уровне конкретных звуков речи. При обсуждении структуры ономатопе основным, центральным является, следовательно, понятие фонотипа — но не звука речи и не сочетания звуков речи, как это принято считать.

Практически все элементы (психо)акустической структуры денотата (как качественные, так и количественные) находят отражение в фонетической структуре соответствующих слов. При этом качественные элементы денотата передаются в ономатопе, как правило, качественными же элементами, количественные — количественными.

В ономатопее широко действует принцип *гомогенности*, который следует понимать в смысле звукоизобразительной передачи элементов денотата элементами (и, следовательно, звуками речи), принадлежащими к тем же (психо)акустическим типам, что и сами элементы обозначаемого “внешнего” звучания. Наряду с прямой звукоизобразительной передачей элементов денотата мы имеем в целом ряде случаев аппроксимированную передачу: *аппроксимация* в ономатопее вообще играет немалую роль. Аппроксимацию эту не следует, однако, абсолютизировать (как это делал, например, М. Граммон [см. [111, 97]): для подавляющего большинства случаев верным будет утверждение, что мы имеем аппроксимацию лишь на уровне фонем (“внутри” фонотипа), на уровне же фонотипов (“между” фонотипами) наблюдается прямая (неаппроксимированная) передача элементов денотата. “Выбор звуков речи (для звукоподражательного слова — С.В.) является до некоторой степени случайным”; мы можем

теперь уточнить это утверждение О. Есперсена [130, ch. XX, §3], указав, до какой именно степени, в каких рамках выбор звуков речи для ономотопа является таковым: *выбор* этот, как правило, случаен в рамках ("внутри") фонотипа, — для самого же *фонотипа* он отнюдь не случаен.

Рассмотренный материал позволяет прийти к определенным выводам еще по одному вопросу, связанному с вопросом об аппроксимации и о случайности/неслучайности выбора звуков речи для звукоизображения: это — вопрос о применимости к ономотопам и элементам их структуры принципа *идентичности/различия* и принципа *сходства/несходства*. Принцип оппозиций, понимаемый в смысле абсолютной идентичности в противоположность абсолютному различию элементов (*absolute identity versus absolute difference*) много дал (и продолжает давать) для фонологии. Попытки же вынесения этого принципа за пределы фонологии и применения его к изучению лексических единиц — и в частности, звукоподражательных слов — не имели успеха и справедливо подвергались критике (см. [78, 117; ср. 119а, XII]). Но при этом высказывалось мнение (Болинджер: [78, 117]), согласно которому принцип идентичности/различия должен быть заменен — при исследовании морфем и в частности, звукоподражательных морфем — принципом *сходства/несходства* (*similarity/dissimilarity*). Между тем, ни один из этих принципов, взятый в отдельности, не дает необходимой перспективы, и, как это следует из проведенного исследования, необходим *синтез* их, — при этом действует каждый из этих принципов на своем специфическом уровне: принцип идентичности/различия — на более высоком уровне, уровне фонотипов, т.е. типов звуков речи (но не самих этих звуков), принцип *сходства/несходства* — на более низком уровне, уровне самих звуков речи (одного типа).

Для любого ономотопа всегда характерна *фонетическая* (акустическая) *мотивированность*.

В образовании звукоподражательных корней принимает участие подавляющее большинство звуков современного английского языка. Не участвует, по-видимому, лишь звуки /ð /, /ʒ/ и /ə/, почти не участвуют /e/, редко встречаются дифтонги. Правилom практически для всех звуков структуры ономотопа является выполнение ими тех или иных *звукоизобразительных* (как правило, звукоподражательных)

функций. Таким образом, между ономатопом и его денотатом наблюдаются строго определенные *закономерные соответствия*, и ономатоп представляет собою своеобразный ансамбль элементов, манифестирующихся в составе звуков речи, практически каждый из которых изобразительно валентен.

Связь между звуком и значением в звукоподражательном слове выступает ярко и отчетливо. Фонетическая структура ономатопа, его звуковой облик *обусловлены* в конечном счете особенностями (психо)акустической структуры обозначаемого звучания.

Рассмотрение фонетической структуры и звукоизобразительных функций звуков английских ономатопов позволяет сделать определенные выводы, касающиеся их *словообразовательной структуры*. Содержанием звуков ономатопеического корня, их значением являются обозначаемые элементы звучания (сочетания звучаний) (при этом монофункциональные звуки однозначны, полифункциональные — многозначны). Таким образом, в структурно-семантическом плане *корень ономатопа не является неделимым*. Как и любая морфема, корневая морфема звукоподражательного слова представляет собою единицу плана выражения, регулярно воспроизводимую согласно моделям данного языка и непосредственно соотносимую с единицей плана содержания. Однако, в отличие от корневых морфем незвукоизобразительной лексики, корневая морфема звукоподражательного слова не является минимальной единицей. В области звукоизобразительной лексики минимальной единицей плана выражения, регулярно воспроизводимой согласно моделям данного языка и непосредственно соотносимой с единицей плана содержания, является фонотип в структуре корневого ономатопа. В этом смысле фонотип сходен с морфемой незвукоизобразительной лексики. Отличие же его от последней в том, что фонотип есть не материально представленный в слове конкретный звуковой комплекс (звук), а абстракция, обобщенный тип звука. Корневой, непроеводный ономатоп практически имеет, таким образом, сложное словообразовательное строение (словообразовательная природа его — сложная). Образование же ономатопов — частный случай (и случай весьма специфический) моделированного словообразования.

Звукоподражательные слова в английском отнюдь не представляют собою хаотического, случайного скопления лексических единиц; напротив, они связаны устойчивыми, закономерными отношениями и образуют внутреннее организованную совокупность лексических единиц. Мы вправе, таким образом, говорить о *системе онома톱ов* в английском языке.

Образование (корневых) онома톱ов определяется *двумя факторами* — внеязыковым (“универсальным”, не зависящим от каждого данного языка) и языковым (манифестирующимся различным образом в зависимости от конкретного языка). В работе, помимо собственно языкового, собственно английского материала, широко использовались также *экстралингвистические* данные (*психо*)*акустики* и *лингвистический* материал других языков, особенно тех, которые обычно считаются неродственными (около 700 примеров из более 70 языков различных семей). Первое, как это представляется, давало проводимому анализу необходимую объективную основу; второе же давало перспективу, позволяло на более широком фоне, более рельефно высветлить собственно английский звукоизобразительный материал.

Выработка фоносемантической классификации английских онома톱ов, изучение их типов и структуры — необходимый шаг на пути к познанию законов английской звукоизобразительности, к разработке таксономии и созданию типологии звукоизобразительных систем языков мира, к построению общей теории звукоизобразительности.

¹При обсуждении английских онома톱ов учитывались данные по всем звукоподражательным по своему происхождению словам, в том числе и по тем, изначальная звукоподражательность которых оказалась затемненной в ходе последующего семантического развития. Без учета данных по структуре онома톱ов, возникших в более ранние периоды развития языка (диахронический план), предсказуемость структуры онома톱ов в современном языке (синхронный план) была бы весьма неполной.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

I. Научная литература

1. Алексеев С.П. Шум. — М.-Л., 1948.
2. Амосова Н.Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. — М., 1956.
3. Ананьев Б.Г. Психология чувственного познания. — М., 1960.
4. Ананьев Б.Г. Теория ощущений. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1961.
5. Античные теории языка и стиля / Под общ. ред. О.М. Фрейденберг. — М.-Л., 1936.
6. Артемов В.А. Экспериментальная фонетика. — М., 1956.
7. Артемов В.А. О взаимоотношении акустики и фонетики // Z. Phonet. — 1958. — XI. — 292—296.
8. Ахманова О.С. Фонология, морфонология, морфология. — М.: Изд-во МГУ, 1966.
9. Ашмарин Н.И. Основы чувашской мимологии. — Казань, 1918.
10. Ашмарин Н.И. Подражание в языках Среднего Поволжья // Известия Азерб. ГУ. Обществ. науки. — 1925. — ТТ. 2-3; 4-5.
11. Ашмарин Н.И. О морфологических категориях подражаний в чувашском языке. — Казань, 1928.
12. Баиндурашвили А.Г. Экспериментальные данные о психологической природе наименования и проблема языкового знака // Семинар по психолингвистике: Тезисы докладов и сообщений. — М., 1966.
13. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка (русс. перевод). — М., 1955.
14. Богданов В.В. Синтез звуко сочетаний при помощи стационарных по спектру отрезков // Вопросы

- радиоэлектроники. Сер. XI. Техника проводной связи. — 1960. — Вып.3.
15. Бруннер К. История английского языка (русс. перевод). — Т. I—II. — М., 1955.
 16. Бубрих Д.В. К проблеме изобразительной речи // УЗ Карело-Финского ГУ. Т. 3. Вып. 1., 1948. Ист. и филол. науки. — Петрозаводск, 1949.
 17. Варшавский Л.А., Литвак И.М. Исследование формантного состава и некоторых других физических характеристик звуков русской речи // Проблемы физиологической акустики. III. — Л., 1955.
 18. Волохов А.А., Гершуни Г.В. О рефракторности слухового прибора // Физиологический журнал СССР. XVIII. — 1935. — № 4.
 19. Вудвортс Р. Экспериментальная психология (русский перевод). — М., 1950.
 20. Воронин С.В. Английские онематопы. (Типы и строение): Дис. ... канд. наук. Т. I—II. — Л., 1969.
 21. —"— О звукоизображениях кавитации // Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Вып. 2. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1969. — С. 170-175.
 - 21a. —"— Диграф wh- в английских онематопах // Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Вып. 2. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1969. — С. 176-179.
 22. —"— Звукоизображения шелкающих и дентальных артикуляций и некоторые акустические онематопы // Исследования по английской филологии: Сб. IV. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. — С. 42-52.
 23. —"— Об одном случае звукового символизма. (Английские обозначения сжимания, сдавливания) // Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Вып. 3. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. — С. 152-156.
 24. Газов-Гинзберг А.М. Роль звукоизобразительных истоков в образовании семитского запаса корней: Автореф. дис. ... канд. наук. — Л., 1963.
 25. Газов-Гинзберг А.М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? (Свидетельство прасемитского запаса корней). — М., 1965.
 26. Газов-Гинзберг А.М. Символизм "уменьшенного" (-iai-) и "малого" ("растущего") (-iau-) в семитских языках

- //Тезисы докладов IV годичной научной сессии ЛО ИНА. — Л., 1968.
27. Газов-Гинзберг А.М. Символика краткости-долготы в основах семитских спрягаемых форм // IV сессия по древнему Востоку: Тезисы докладов. — М., 1968.
 28. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. — М., 1958.
 29. Гезениус В. Еврейская грамматика (русс. перевод). — СПб., 1874.
 30. Гиппенрейтер Ю.Б. О восприятии высоты звука: Автореф. дис. ... канд. наук. — М., 1960.
 31. Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику (русс. перевод). — М., 1959.
 32. Головин Б.Н. Введение в языкознание. — М., 1966.
 33. Жинкин Н.И. Механизмы речи. — М., 1958.
 34. Зиндер Л.Р. Об одном опыте содружества фонетиков с инженерами связи // ВЯ. — 1957. — № 5.
 35. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1960.
 36. Зисман Г.А., Тодес О.М. Курс общей физики. Т. 1. — М., 1958.
 37. Карагодина И.Л., Осипов Г.Л., Шишкин И.А. Городские и жилищно-коммунальные шумы и борьба с ними. — М., 1964.
 38. Корнфельд М. Упругость и прочность жидкостей. — М.- Л., 1951.
 39. Кузнец М.Д., Скребнев Ю.М. Стилистика английского языка / Под ред. Н.Н. Амосовой. — Л., 1960.
 40. Курс физики / Под ред. акад. Н.Д. Папалекси. Т. I. — М.- Л., 1948.
 41. Лейбниц В. Новые опыты о человеческом разуме (русс. перевод). — М., 1936.
 42. Леонтьев А.А. Психолингвистика. — Л., 1967.
 43. Ликлайдер Дж. Основные корреляты слухового стимула (русс. перевод) // Экспериментальная психология / Под ред. С.С. Стивенса. — М., 1963. — Т. II.
 44. Лурия А.Р. Курс общей психологии. Лекция № 11 (20). — М., 1964.
 45. Лэмб Г. Динамическая теория слуха (русс. перевод). — М., 1960.
 46. Методы исследования шумов / Под ред. С.Н. Ржевкина. — М. — Л., 1933.

47. Милевский Т. Предпосылки типологического языкознания // Исследования по структурной типологии: Сб. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 3—31.
48. Михельсон В.А. Физика. Изд-10-е. Т. 1. — М.-Л., 1939.
49. Николаева Т.М., Успенский Б.А. Языкознание и паралингвистика // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. — М., 1966.
50. Павлов В.М. К разработке психолингвистической теории знака // Семинар по психолингвистике: Тезисы докладов и сообщений. — М., 1966.
51. Павлов В.М. О взаимосвязи языкознания и смежных наук в исследовании проблемы языкового знака // Материалы конференции “Язык как знаковая система особого рода”. — М., 1967.
52. Пак Г.А. Изобразительные слова в корейском языке: Автореф. дис. ... канд. наук. — Л., 1958.
53. Ржевкин С.Н. Измерение громкости // АН СССР. Отд. техн. наук. Труды акустической комиссии. Сб. I. Акустические измерения. — М.-Л., 1939.
54. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Изд.2-е. — М., 1946.
55. Сапожков И.А. Речевой сигнал в кибернетике и связи. — М., 1963.
56. Скучик Е. Основы акустики. Т. I—II. (русс. перевод). — М., 1958-1959.
57. Смирницкий А.И. Древнеанглийский язык. — М., 1955.
58. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. — М., 1956.
59. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики (русс. перевод). — М., 1933.
60. Спиркин А.Г. Происхождение языка и его роль в формировании мышления. // Мышление и язык. — М., 1957.
61. Фант Г. Акустическая теория речеобразования (русс. перевод). Ч. II. — М., 1955.
62. Чистович Л.А. Временные характеристики слуха: Дис. ... д-ра наук. — Л., 1958.
63. Шагдаров Л.П. Изобразительные слова в современном бурятском языке. — Улан-Удэ, 1962.
64. Якобсон Р. Итоги девятого конгресса лингвистов // Новое в лингвистике. — Вып. IV. — М., 1965.

65. Abegg E. Die Sprachen der Naturvolker als Ausdrucksformen des primitiven Bewußtseins. // Stud. Philosophica XX. 1960, 1—17.
66. Armstrong E. A Study of Bird Song. — L., 1963.
67. Arnold I. The English Word. — Moscow - Leningrad, 1966.
68. Aronstein Ph. Englische Stilistik. — Leipzig, 1924.
69. Bain A. The Senses and the Intellect. 4th ed. — L., 1894.
70. Békésy, G. von. Über akustische Rauigkeit. // Zs. tech. Phys. XVI, 1935, 276 ff.
71. Benfey Th. Geschichte der Sprachwissenschaft. — München, 1869.
72. Bentley M., Varon E. An Accessory Study of "Phonetic Symbolism". // Amer. J. Psy. XIV, 1933, 76-86.
73. Bernstein B., Hall D., Trent H. On the Dynamics of a Bull Whip. // J. Acoust. Soc. Amer. XXX, 1958, 1112 ff.
74. Biese Y. Neuenglisch *tick-tack* und Verwandtes. // Neuphilolog. Mitteilungen, XL, 1939, 146-205.
75. Black A., Horowitz A. Phonetic Symbolism in Natural Languages. // Journ. of Abnorm. and Social Psychol. vol. 50, 1955, 388-393.
76. Bloomfield L. Language. — L., 1935.
77. Bloomfield M. Final Root-Forming Morphemes. — Amer. Speech XXVIII, 1953, 158-164.
78. Bolinger D. Rime, Assonance, and Morpheme Analysis. // Word VI, 1950, 117-136.
79. Bolinger D. The Uniqueness of the Word. // Lingua XII, 1963, 113-136.
80. Boring E., Langfeld H., Weld H. Psychology. — N.Y.-L., 1935.
81. Borror D. The Analysis of Animal Sounds. // Animal Sounds and Communication. s/1, 1960.
- 81a. Brown R. (Review of H. Wissemann's Untersuchungen zur Onomatopoiie.) // Language XXXI, 1955, 84-91.
82. Brown R. Words and Things. — Glencoe, 1959.
83. Brown R., Nuttall R. Method in Phonetic Symbolism Experiments. // Journ. of Abnorm. and Social Psychol. LIX, 1959, 441-445.
84. Bruni F. L'origine del linguaggio. — Roma, 1958.
85. Buhler K. Sprachtheorie. — Jena, 1934.

86. Bunak V. Present State of the Problem of the Origin of Speech and the Early Stages of its Evolution. // *Cahiers d'hist. mondiale*. V, 1959, 310-324.
87. Buysens E. Le structuralisme et l'arbitraire du signe. // *Studii si cercetari lingvistice*, XI, 1960, 403-416.
88. Catford J. Phonation Types: The Classification of Some Laryngeal Components of Speech Production. // *In Honour of Daniel Jones*. — L., 1964.
89. Charleston B. Studies on the Emotional and Affective Means of Expression in Modern English. // *Schweizer Anglistische Arbeiten*. № 46. — Bern, 1960.
90. Chastaing M. Le symbolisme de voyelles. (Significations des *i*). // *Journ. psy. norm. et patholog.* LV, 1958, 403-423, 461-481.
91. Chastaing M. Des sons et des couleurs. // *Vie et langage*, 112, 1961.
92. Chastaing M. La brillance des voyelles. // *Archivum Linguisticum*. XIV, 1962, 1-13.
- 92a. Collias N. An Ecological and Functional Classification of Animal Sounds. // *Animal Sounds and Communication*, s/l, 1960.
93. Cooper F. et al. Acoustic Characteristics of Some English Consonants. // *J. Acoust. Soc. Amer.* XXIV, 1952, 597-617.
94. Cravens J. Experimentelle Untersuchungen zur sprachlichen Wiedergabe von Sinneseindrücken. (Diss). — Wien, 1956.
95. Debrunner A. Lautsymbolik in alter und neuester Zeit. // *Germ. - Rom. Monatsschrift* XIV, 1926, 321-338.
96. Delbouille P. Poésie et sonorités. // *Bibliothèque Faculté Philos. et Lettres l'Univ. Liege*. CLXIII. — Paris, 1961.
97. Deutschbein M. Neuenglische Stilistik. — Leipzig, 1932.
- 97a. Dobson E. English Pronunciation. 1500-1700. vol. I-II. Oxford, 1957.
98. Dumas G. Nouveau traité de psychologie. t. II. — Paris, 1932.
99. Entwistle W. Aspects of Language. — L., 1953.
100. Fano G. Saggio sulle origini del linguaggio. — Torino, 1962.
101. Fant G. On the Predictability of Formant Levels and Spectrum Envelopes from Formant Frequencies. // *For Roman Jakobson*. — The Hague, 1956.

102. Firth J.R. Papers in Linguistics 1934-1951. — L., 1957.
103. Fischer-Jorgensen E. What Can New Techniques of Accoustic Phonetics Contribute to Linguistics? // Proceedings of the VIII Int. Congr. of Linguists. — Oslo, 1958.
104. Fletcher H. Speech and Hearing. — L., 1929.
105. Foundations of Psychology. (Eds.: E. Boring et al.). — N.Y., 1948.
106. Frohlich A. Zusammenhang zwischen Lautform und Bedeutung bei englischen Wörtern. // Die neueren Sprachen XXXIII, 1925, 27-42; 127-141.
- 106a. Fry D. Auditory Stimuli in Speech. // For Roman Jakobson. The Hague, 1956, 169-173.
107. Fry D., Denes P. The Role of Acoustics in Phonetic Studies. // Technical Aspects of Sound. (Eds.: E. Richardson, E. Meyer.) vol. III. — Amsterdam-N.Y., 1962.
108. Geldard F. The Human Senses. — N.Y. -L., 1953.
109. Gold B. Note on Buzz-Hiss Detection. // J.Acoust. Soc. Amer. XXXVI, 1964, 1659-1661.
110. Gonda J. Some Remarks on Onomatopoeia, Sound-Symbolism and Word-Formation à propos of the Theories of C.N. Maxwell. // Tijdschr. v. indische taal-, -land- en volkenkunde. LXXX, 1940, 133-210.
111. Grammont M. Onomatopées et mots expressifs. // Publ. spec. de la soc. pour l'étude des langues rom. Trentieme anniv. 15 public. Iptie. — Montpellier, 1901.
112. Grammont M. La psychologie et la phonétique. III. La phonétique impressive. // Journ. psy. norm. et patholog. XXVII, 1930, 544-613.
113. Grammont M. Traité de phonétique. — Paris, 1933.
114. Grandgent C. Old and New. (Sundry Papers). — L., 1920.
115. Graur A. Sur le symbolisme phonétique. // Recueil d'études romanes. — Bucarest, 1959.
116. Graur A. Studii de lingvistica generala. (Varianta noua). — București, 1960.
117. Groom B. A Short History of English Words. — L., 1934.
118. Harris Z. Methods in Structural Linguistics. — Univ. of Chicago Press, 1951.
119. Havers W. Zur Entstehung eines sogenannten sakralen u-Elementes in den indogermanischen Sprachen. (Ein Versuch über Lautbedeutsamkeit in indogerm. Frühzeit). // Anzeiger

- d. Österreich. Akad. d. Wiss., Philos. // Hist. Klasse. LXXXIV, 1947, № 20.
- 119a. Herdan G. Quantitative Linguistics. — L., 1964.
 120. Herder J. Abhandlung über den Ursprung der Sprache. — Berlin, 1772.
 121. Hilmer H. Schallnachahmung. Wortschöpfung und Bedeutungswandel. — Halle, 1914.
 122. Hockett Ch. A Course in Modern Linguistics. — N.Y., 1958.
 123. Householder F. On the Problem of Sound and Meaning, an English Phonestheme. // Word II, 1946, 83-84.
 124. Hubschmid J. Expressive Wörter und vorromanische Etymologien. // Actes du Congrès Int. de Linguistique et Philol. Rom. t. I. — Paris, 1965.
 125. Humboldt, W. von . Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues. — Berlin, 1836.
 126. Jordan I. An Introduction to Romance Linguistics. — L., 1937.
 127. Jassem W. The Acoustics of Consonants. // IV Internat. Congr. of Phonet. Sciences. Summaries. — Helsinki, 1961.
 128. Jassem W. Spectrographic Study of Polish Speech Sounds. // In Honour of Daniel Jones. — L., 1964.
 129. Jespersen O. Symbolic Value of the Vowel i. // Linguistica. // Copenhagen, 1933.
 130. Jespersen O. Language. (Its Nature, Development and Origin). — L., 1949.
 131. Jespersen O. A Modern English Grammar on Historical Principles. pt. VI. — L. // Copenhagen, 1954.
 132. Jóhannesson A. Origin of Language. — Reykjavík, 1949.
 133. Jóhannesson A. Some Remarks on the Origin of the n-sound. — Reykjavík, 1954.
 - 133a. Jones A. Sound. — N.Y., 1937.
 134. Jones D. The Pronunciation of English. 3rd ed. — Cambridge, 1955.
 135. Joos M. Acoustic Phonetics. // Supp. to Language. Lang. Monograph № 23. XXIV, 1948, № 2, Supp.
 136. Kainz F. Psychologie der Sprache. 2. Aufl. Bde. I-III. — Stuttgart, 1954.
 137. Kirchner G. Silbenverdoppelung ohne Vokaländerung. — Anglia LXV, 1941, 328—340.
 138. Koenig W., Dunn H., Lacy L. The Sound Spectrograph. — J. Acoust. Soc. Amer. XVIII, 1946, 19-49.

139. Kořínek J.M. Studie z oblasti onomatopoeje. — Facult. Philos. Univ. Carol., Práce, XXXVI. — Praha, 1934.
140. Kořínek J.M. Zur lautlichen Struktur der interjektionalen Sprachgebilde. // *Slavia* XV, 1937, 43-52.
141. Korínek J.M. Beziehungen zwischen Laut und Wortbedeutung. // *Proceedings, III International Congress of Phonetic Sciences*. — Ghent, 1939.
142. Koziol H. Handbuch der englischen Wortbildungslehre. — Heidelberg, 1937.
143. Koziol H. Schalldeutungen und Schalldeutungswörter. // *Orbis* VI, 1957, 185-191.
- 143a. Ladefoged P. *Elements of Acoustic Phonetics*. — Edinburgh-L., 1962.
144. Lafon J.-C. *Message et phonétique*. — Paris, 1961.
145. Lehmann R. Le sémantisme des mots expressifs en Suisse Romande. // *Romanica Helvetica*, XXXIV. — Berne, 1949.
146. Lewis M. *Infant Speech*. — L., 1936.
147. Liberman A. Some Results of Research on Speech Perception, — *Psycholinguistics*. (Ed.: S. Saporta). — N.Y., 1961.
- 147a. Liberman A. et al. Some English Plosives. // *Amer. J. Psy.* LXV, 1952, 497-516.
148. Lloyd L. *Music and Sound*. — L., 1937.
149. Machek V. Studie o tvorení výrazu expresivních. // Facult. Philos. Univ. Carol., Práce, XXVII. — Praha, 1930.
150. McLachlan N. *Noise*. — L., 1935.
151. Malkiel Y. Etymology and General Linguistics. — *Word* 1962, 198—219.
152. Malmberg B. *Structural Linguistics and Human Communication*. — Berlin, 1963.
153. Maltzmann I., Morrissett L., Brooks L. An Investigation of Phonetic Symbolism. - *Journ. of Abnorm. and Social Psychol.* LIII, 1956, 249-251.
154. Marchand H. L'étude des onomatopées. // *Dialogues* I, 1949, 124-134.
155. Marchand H. Phonetic Symbolism in English Word-Formation. // *Indogerm. Forschungen*. LXIV, 1959. Hf.2, 3.
156. Marchand H. *The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation*. — Wiesbaden, 1960.
157. Marchand H. Motivation by Linguistic Form. // *Studia Neophilologica* XXIV, 1957, 54-66.

158. Marouzeau J. *Precis de stylistique française*. 3 ed. — Paris, 1950.
159. Mathes R., Miller R. Phase Effects in Monaural Perception. // *J. Acoust. Soc. Amer.* XIX, 1947, 780-797.
160. Matras J.-J. *Le son*. — Paris, 1961.
161. Meyer-Lübke W. *Einführung in das Studium der Romanischen Sprachwissenschaft*. — Heidelberg, 1901.
- 161a. Michel L. Etude du son "s" en latin et en roman. // *Publ. Fac. Lettres Univ.* — Montpellier, VII, 1954.
162. Miller G., Taylor W. The Perception of Repeated Bursts of Noise. — *J. Acoust. Soc. Amer.* XX, 1948, 171-182.
163. Miron M. A Cross-Linguistic Investigation of Phonetic Symbolism. // *Journ. of Abnorm. and Social Psychol.* LXII, 1962, 623-630.
- 163a. Moles A. *Physique et technique du bruit*. — Paris, 1952.
164. Müller H. *Experimentelle Beiträge zur Analyse des Verhältnisses von Laut und Sinn*. — Potsdam, 1935.
165. Müller H. *Die Reim- und Ablautkomposita des Englischen*. (Diss.) — Strassburg, 1909.
166. Newman S. Further Experiments in Phonetic Symbolism. // *Amer. J. Psy.* XLV, 1933, 53—75.
167. Nida E. A System for the Description of Semantic Elements. // *Word* VII, 1951, 1-14.
168. Oehl W. *Das Lallwort in der Sprachschöpfung*. — Freiburg, 1933.
169. Ohwaki Y., Sato K. An Experimental Study on the Psychological Relationships Between Visual and Auditory Stimuli. // *Tohoku Psychologica Folia*, 1954.
170. Orr J. On Some Sound Values in English. // *Britt. J. Psy.* XXXV Sept. 1944, pt1.
- 170a. Padgham C. *Optics and Sound*. — L., 1955.
171. Paget R. *Human Speech*. — L., 1930.
172. Partridge E. *The World of Words*. 3rd ed. — L., 1949.
173. Paul H. *Der Ursprung der Sprache*. // *Beilage zur Allgemeinen Zeitung (München)*. Jg. 1907 Nos 13, 14.
174. Pike K. *Intonation of American English*. — Ann Arbor, 1945.
175. Plomp R., Levelt W. Tonal Consonance and Critical Band width. // *J. Acoust. Soc. Amer.* XXXVIII, 1965, 548—60.
176. Potter R., Kopp G., Green H. *Visible Speech*. — N.Y., 1947.
- 176a. Potter R. *Speech. — Technical Aspects of Sound. v. I*. — Amsterdam — N.Y., 1953.

177. Randall R. An Introduction to Acoustics. — Cambridge (Mass.), 1951.
178. Rauhut F. Probleme der Onomatopoeie. // Volkstum u. Kultur der Romanen I, 1928, 113-139.
179. Reinius J. Onomatopoetische Bezeichnungen für menschliche Wesen, besonders im Deutschen und Englischen. // Studier i modern sprakvetenskap utgivna av nyfilolog. sällskapet. I. Stockholm. IV. — Uppsala, 1903.
180. Reiss S. Language and Psychology. — N.Y., 1959.
181. Revész G. Ursprung und Vorgeschichte der Sprache. — Bern, 1946.
182. Riesel E. Abriss der deutschen Stilistik. — Moskau, 1954.
183. Rohrer H. Einführung in die Psychologie. 3 Aufl. — Wien, 1948.
184. Rosetti A. Asupra valorii expresive a sunetelor vorbite. // Studii și cercetări lingvistice XVI, 1965, 577-578.
185. Rubinyi M. Das Problem der Lautnachahmung. // Germ. — Rom. Monatsschrift V, 1913, 497-512.
186. Sapir E. A Study in Phonetic Symbolism. // J. Experim. Psy. XII 1929, 225-239.
187. Scheminzy F. Die Welt des Schalles. 2. Aufl. — Salzburg, 1945.
188. Schneider W. Über die Lautbedeutsamkeit. // Zs. f. deutsche Philologie. LXIII, 1938, 138-179.
189. Schouten J. On the Perception of Sound and Speech. // IV Int. Congr. on Acoustics. Congr. Report II. — Copenhagen, 1962.
190. Sieberer A. Vom Gefühlswert der Wörter. // Die Sprache III 1954, 4-22; III 1955, 110-119.
- 190a. Sievers E. Altenglische Grammatik. 2. Aufl. — Halle, 1951.
191. Sivertsen E. Cockney Phonology. — Bergen, 1960.
192. Smith L.P. Words and Idioms. 2nd. ed. — L., 1925.
193. Smith L.P. The English Language. — L., 1950.
194. Smithers G. Some English Ideophones. // Archivum Linguisticum VI, 1954, 73-111.
195. Spang-Hansen H. Recent Theories on the Nature of the Language Sign. // Travaux du Cercle Ling. de Copenhague. IX, 1954.
196. Spitzbardt H. Lebendiges Englisch. — Halle, 1962.

197. Stankiewicz E. Problemes of Emotive Language. — Approaches to Semiotics. — (Eds.: Th. Sebeok et al.) *Janua Linguarum. Ser. maior*, XV. The Hague, 1964.
198. Steinthal H. *Der Ursprung der Sprache*. 2. Aufl. — Berlin, 1858.
199. Stephens R., Bate A. *Wave Motion and Sound*. — L., 1950.
200. Stern C., Stern W. *Die Kindersprache*. — Leipzig, 1907.
- 200a. Stevens S., Davis H. *Hearing. Its Psychology and Physiology*. — N.Y., 1938.
201. Stewart G., Lindsay R. *Acoustics*. — K., 1931.
202. Stumpf C. *Tonpsychologie*. 2. Bd. — Leipzig, 1890.
203. Stumpf C. *Consonanz und Dissonanz. // Beitrage zur Akustik und Musikwissenschaft*. I. Hf. — Leipzig, 1898.
204. Stumpf C. *Die Sprachlaute. (Experimentell-Phonetische Untersuchungen)*. — Berlin, 1926.
205. *Style in Language*. (Ed.: Th. Sebeok). — N.Y., 1960.
206. Sweet H. *History of Language*. — L., 1900.
207. Taylor I.K. *Phonetic Symbolism Re-examined. // Psycholog. Bull.* LX, 1963, 200-209.
208. Taylor I.K., Taylor M. *Another Look on Phonetic Symbolism. // Psycholog. Bull.* LXII, 1965, 413-427.
209. Tesmer H. *Experimentelle euphonische Untersuchungen einzelner Vokale und Silben in der deutschen Sprache. (Inaug. // Diss.)*. - Halle, 1933.
210. Thorndike E. *On Orr's Hypotheses Concerning the Front and Back Vowels. // Brit. J. Psy., Gen. Sect.* XXXVI Sept., 1945, pt. I.
211. Thorpe W. *Bird-Song. (The Biology of Vocal Communication and Expression in Birds.)*. — Cambridge, 1961.
212. Thun N. *Reduplicative Words in English*. — Uppsala, 1963.
213. Titchener E. *A Text-Book of Psychology*. — N.Y., 1928.
214. Trendelenburg F. *Klänge und Gerausche*. — Berlin, 1935.
215. Trendelenburg F. *Einführung in die Akustik*. 2. Aufl. — Berlin, 1950.
216. Tsuru Sh., Fries H. *A Problem in Meaning. // Journ. Gen. Psy.* VIII, 1933, 281-284.
217. Ullmann S. *Semantics*. — N.Y., 1962.
218. Van Ginneken J. *Principes de linguistique psychologique*. — Amsterdam, 1907.
219. Wandruszka M. *Der Streit um die Deutung der Sprachlaute. — Festgabe Ernst Gamillscheg*. — Tübingen, 1952.

220. Wandruszka M. Ausdruckswerte der Sprachlaute. — Germ. - Rom. Monatsschrift XXXV, 1954, 231-240.
221. Wansdronk C. On the Mechanism of Hearing. (Thesis.). Univ. of Leyden, 1961.
222. Wartburg W. von. Einführung in Problematik und Methodik der Sprachwissenschaft. 2. Aufl. — Tübingen, 1962.
223. Wedgwood H. On Words Descriptive of Guttural Action and the Metaphors Connected with Them. // Transactions of the Philolog. Soc. — L., 1857.
224. Weiss J. Phonetic Symbolism Re-examined. // Psycholog. Bull. LXI, 1964, 454-458.
225. Werner H. A Psychological Analysis of Expressive Language. // On Expressive Language. Papers Presented at the Clark Univ. Conference on Expressive Language Behavior. Clark U.P. — Worcester, Mass, 1955.
226. Wever E. Theory of Hearing. — N.Y. - L., 1949.
227. Whitney W.D. Language and the Study of Language. — L., 1867.
228. Whorf B.L. Language: Plan and Conception of Arrangement. // Language, Thought, and Reality. Selected Writings of B.L. Whorf (Ed.: J. Carrol). M.I.T. — London, 1956.
229. Wilkinson R. Onomatopoeia in Malay. // J. of the Malayan Branch of the Royal Asiat. Soc. XIV, 1936, pt. 3, 72-88.
230. Wissemann H. Untersuchungen zur Onomatopoeie. (I. Teil. Die Sprachpsychologischen Versuche). — Heidelberg, 1954.
231. Wood A. A Textbook of Sound. — L., 1932 (3rd ed. rev., 1955).
232. Wundt W. Volkenpsychologie. Die Sprache. Bde. I—II. 4. Aufl. — Stuttgart-Leipzig, 1922-1924.
233. Zeichen und System der Sprache. (Veröffentlichung des Internationalen Symposions in Erfurt.). 2. Bd. — Berlin, 1962.
234. Zima J. Expresivita slova v současné cestine. // Rozpravy Českoslovenké Akad. ved. Rada společenských ved. Roc. 71 Ses. 16. — Praha, 1961.

II. Справочная литература

235. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. — М. — Л., 1958.
236. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М., 1966.
237. Большая Советская Энциклопедия. Изд. 2-е.
238. Вахек Й. Лингвистический словарь пражской школы. — М., 1964.
239. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. Т. I—II. — М., 1959.
240. Трахтеров А.Л. Английская фонетическая терминология. — М., 1962.
241. Физический энциклопедический словарь. Т. I—V. — М., 1960—1966.
242. Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии. — М., 1964.
243. The English Dialect Dictionary. (Ed.: J. Wright.). vols. I—VI. — Oxford U.P., 1923.
244. Meyer-Lübke W. Romanisches etymologisches Wörterbuch.
245. The Oxford English Dictionary. vols. I—XII; Supplement. — Oxford, 1933.
246. Walde A. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. (Herausgeber: J. Pokorny.). Bde. I—III. — Berlin - Leipzig, 1926-1930.
247. Webster's New International Dictionary of the English Language. 2nd ed. — Springfield, 1958.
248. Webster's Third New International Dictionary. vols. I—II. — L. - Springfield, 1961.
249. Wedgwood H. A Dictionary of English Etymology. 2nd ed. — L., 1872.
250. Wentworth H. and S.B. Flexner. Dictionary of American Slang. — L., 1960.

ДОПОЛНЕНИЯ К ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

I. Научная литература

- Абаев В.И. Как можно улучшить этимологические словари // Этимология, 1984. — М., 1986.
- Баргко Н.В. Английские звукоизобразительные RL-глаголы: Фоносемантический анализ: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб, 2002
- Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. — М., 1977.
- Братусь И.Б. Акустические ономотопы в индонезийском языке: Автореф. дис. ... канд. наук. — Л., 1976.
- Бродович О.И., Воронин С.В. Об одной черте диалектной лексики // Вестн. Ленингр. ун-та. — 1985. — Вып.2. — № 9.
- Вельди Э.А. Англо-эстонские параллели в ономотопее: Автореф. дис. ... канд. наук. — Тарту, 1988.
- Вербицкая Л.А. Русская орфоэпия. — Л., 1976.
- Винарская Е.Н. Выразительные средства текста (на материале русской поэзии). — М., 1989.
- Воронин С.В. К обоснованию объективной классификации ономотопов // Материалы научн. конф. ленинградск. аспирантов-филологов. Ленингр. ун-т, ноябрь 1966 г. — Л., 1967.
- ” — Некоторые замечания о звуке /г/ в английских ономотопах. // Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Вып. 1. — Л., 1967.
- ” — Основы фоносемантики: Автореф. дис. ... д-ра наук. — Л., 1980.
- ” — Основы фоносемантики: Монография. — Л., 1982.
- ” — Основы универсальной классификации ономотопов // Фонетика — 83: Материалы к X Международн. конгрессу фонетич. наук. — М., 1983.

- ”— Звукоподражание // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. — М., 1990.
- ”— О методе фоносемантического анализа // Лингвометодич. аспекты семантики и текста. — Курск, 1990.
- ”— Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании. — Л., 1990.
- ”— Языковая способность человека: еще один компонент // XI Всероссийский симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: Тезисы докладов. — М., 1994.
- ”— На пути к проблеме “фоносемантика и лексикография” // Теоретические и практические аспекты лексикографии. — Иваново, 1997.
- ”— Фоносемантика и этимология // Диахроническая германистика. — СПб., 1997.
- ”— (ред.) Фоносемантические исследования. — Пенза, 1990.
- Воронин С.В., Братусь И.Б. Типология континуантов в индонезийском и английском языках // Тез. дискуссии “Типология как раздел языкознания”. — М., 1976.
- Воронин С.В., Долинина И.Б. Фоносемантика и грамматика // Проблемы фоносемантики: Тез. выступлений на совещании. — М., 1989.
- Галунов В.И. Структура множества речевых образов: Автореф. дис. ... канд. наук. — Л., 1967.
- Глухарева Е.А. Звукоподражательные глаголы с диссонантным денотатом (семантические особенности) // Глагол в германских языках. — Тула, 1976.
- Горелов И.Н. Ономотопея и словообразование // Вопросы романо-германской филологии. — Вып. 4. — Челябинск, 1973.
- ”— Проблема функционального базиса речи: Автореф. дис. ... д-ра наук. — М., 1977.
- ”— Вопросы теории речевой деятельности (Психолингвистические основы искусственного интеллекта). — Таллинн, 1987.
- Гурджиева Е.А. Элементарный звуковой символизм: Автореф. дис. ... канд. наук. — М., 1973.

- Диаките Джибрил. Идеофоническая лексика в системе частей речи на материале языка бамана: Автореф. дис. ... канд. наук. — М., 1989.
- Ермакова Н.М. Ономатопея: англо-русские параллели в переводе: Автореф. дис. ... канд. наук. — СПб, 1993.
- Журавлев А.П. Фонетическое значение. — Л., 1974.
- ”— Звук и смысл. — М., 1981.
- ”— Диалог с компьютером. — М., 1987.
- Журинский А.Н. Звуковой символизм в языке: некоторые подходы и принципы описания (в применении к идеофонам в языке эве) // Проблемы африканского языкознания. — М., 1972.
- Журковский Б.В. Идеофоны: сопоставительный анализ. — М., 1968.
- ”— Рецензия на книгу: С.В.Воронин. Основы фоносемантики (Л., 1982) Вопросы языкознания. — 1985. — № 6.
- Земцовский И.И. Рецензия на книгу: С.В.Воронин. Основы фоносемантики (Л., 1982) // Советская музыка. — 1988. — № 5.
- Зиндер Л.Р. Общая фонетика. Изд. 2-е. — М., 1979.
- Казакевич О.А. Односложные звукоподражательные идеофоны зулу // Исследования по структурной и прикладной лингвистике. — М., 1975.
- ”— Машинный фонд селькупского языка: создание и использование в конкретных лингвистических исследованиях: Автореф. дис. ... канд. наук. — М., 1989.
- Канкия Н.Д. Примарная мотивированность слова (На материале английского и грузинского языков): Автореф. дис. ... канд. наук. — Л., 1988.
- Климова С.В. Глаголы “неясного происхождения” в Сокращенном Оксфордском словаре (Элементы этимологической фоносемантики): Автореф. дис. ... канд. наук. — Л., 1986.
- Корнилов Г.Е. Имитативы в чувашском языке / Ред. Н.А.Баскаков. — Чебоксары, 1984.
- Костомаров В.Г., Круглов Ю.Г., Нелюбин Л.Л., Парастаев А.Ф., Толстой Н.И., Щербак А.М. Итоги и проблемы подготовки научных и научно-педагогических кадров по

- языкознанию в 1981—1985 гг. // Вопросы языкознания. — 1986. — № 5.
- Кулешова О.Д. Фоносемантическая структура текста: Автореф. дис. ... канд. наук. — М., 1985.
- Лапкина Л.З. Английские и башкирские акустические ономотопы (Опыт типологического исследования): Автореф. дис. ... канд. наук. — Л., 1979.
- Лебле Л.О. Стилистический анализ значимости буквенной формы в поэме Эдгара По “Колокола” // Проблемы мотивированности языкового знака. — Калининград, 1976.
- Левицкий В.В. Семантика и фонетика. — Черновцы, 1973.
- ”— Звуковой символизм в лингвистике и психолингвистике // Филологические науки. — 1975. — № 4.
- ”— Звуковой символизм. — Черновицы, 1998.
- Левицкий В.В., Кушнерик В.И., Комарницкая Л.А., Есенова Г.С., Овшиева Н.Л. Фоносемантическая общность языков // Семантическая общность национальных языковых систем / Ред. З.Д.Попова. — Воронеж, 1986.
- Леонтьев А.А. Психолингвистика. — Л., 1967.
- Лонг Сеам. Очерки по лексикологии кхмерского языка. — М., 1975.
- Любимова Н.А., Пинежанинова Н.П., Сомова Е.Г. Звуковая метафора в поэтическом тексте. — СПб., 1996.
- Ляхнович Т.Л. Принципы построения морфемно-грамматического словаря русских глаголов: Автореф. дис. ... канд. наук. — М., 1990.
- Маковский М.М. Лингвистическая комбинаторика. — М., 1988.
- Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. — М., 1978.
- Михалев А.Б. Теория фоносемантического поля. — Краснодар, 1995.
- Пелевина Н.Ф. О семантизации звуковой стороны художественного текста // Вопросы семантики / Отв. ред. А.П.Журавлев. — Вып. 2. — Л., 1976.
- Петухова Е.В. Морфологическое и конверсионное словообразование от звукоподражательных основ в

- английском языке. Автореф. дис. ... канд. наук. — СПб., 2002.
- Портнов А.Н. Язык, мышление, сознание (Психолингвистические аспекты) — Иваново, 1988.
- Разумовская В.А. Экспрессивная глагольная номинация в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. наук. — Л., 1985.
- Серебренников Б.А. Номинация и проблемы выбора // Языковая номинация. Общие вопросы / Отв. ред. Б.А.Серебренников, А.А.Уфимцева. — М., 1977.
- Скаличка В. Исследование венгерских звукоподражательных выражений //Пражский лингвистический кружок / Ред. Н.А.Кондрашов. — М., 1967.
- Солнцев В.Н. Язык как системно-структурное образование. — М., 1977.
- Сорокин Ю.А. (ред.) Проблемы фоносемантики: Тезисы выступлений на совещании. — М., 1989.
- Храковский В.С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций / Отв. ред. В.С.Храковский. — Л., 1989.
- Хусаинов К.Ш. Звукоизобразительность в казахском языке. — Алма-Ата, 1988.
- Черепанова И.Ю. Текст как фактор изменения установки личности (Лингвистические аспекты суггестии): Автореф. дис. ... канд. наук. — Пермь, 1992.
- Черниговская Т.В. Рецензия на книгу: С.В.Воронин. Основы фоносемантики (Л., 1982) // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. — 1985. — № 5.
- Шамина Е.А. Дистрибуция лабиальных в фонетическом и фоносемантическом отношении: Автореф. дис. ... канд. наук. — Л., 1989.
- Шахнарович А.М. Психолингвистические проблемы овладения общением в онтогенезе // Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. — М., 1979.
- Шляхова С.С. Типы и функции ономапонов в русской речи: Автореф. дис. ... канд. наук. — Л., 1991.

- Штерн А.С. Объективные критерии выявления эффекта звуковой символики // Материалы семинара по проблемам мотивированности языкового знака. — Л., 1969.
- Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Наречия. Служебные части речи. Изобразительные слова). — Л., 1987.
- Allott R. The Motor Theory of Language Origin. — Lewes (Sussex), 1989.
- Bichakjan, B.H. Language in the Darwinian Perspective. — Frankfurt am Main, Berlin, etc. Peter Lang, 2002.
- Brandon R., Hornstein N. From icons to symbols: Some speculations on the origins of language // Biology and Philosophy, 1986. № 1.
- Chernigovskaya T.V. Cerebral asymmetry — a neuropsychological parallel to semiogenesis // Acta Colloquii. Bochum Publications in Evolutionary Cultural Semiotics. — Bochum, 1995. Vol.27.
- Diego V.G.de. Etimologias naturales // Revista de dialectologia y tradiciones populares. 1964. Vol.XX, № 1,2; 1965. Vol.XXI, № 1,2.
- Dogana F. Suono e senso. — Firenze, 1983.
- Epstein R. Iconicity and the evolution of language // Tenth Meeting of the Language Origins Society. Abstracts. — Berkeley, 1994.
- Fant G. Speech Sounds and Features. — Cambridge, Mass., 1973.
- Fónagy I. Die Metaphern in der Phonetik. The Hague, 1963.
- ”— Contribution to the physei-thesei debate // Omagiu lui A.Rosetti. — Bucuresti, 1962.
- Galeyev B. Review of: S.Voronin. Phonosemantic Ideas in Western Linguistics (in Russian) // Languages of Design, 1993. Vol.1, № 3.
- Jakobson R., Waugh L. The Sound Shape of Language. — Bloomington, 1979.
- Koch W.A. Language in the Upper Pleistocene. — Bochum, 1991.
- Ladefoged P. A Course in Phonetics. 2nd ed. — N.Y., 1982.
- Ohala J.J. The acoustic origin of the smile // Journal of the Acoust. Society of America, 1980. Vol.68, № 1.
- ”— An ethological perspective on common cross-language utilization of F ° of voice // Phonetica. 1984. Vol.41, № 1.

- Peterfalvi J.-M. Recherches expérimentales sur le symbolisme phonétique. — Paris, 1970.
- Rolfé L. Phonesthemes as primary word forms // Ninth Meeting of the Language Origins Society. — Oranienbaum, 1993.
- Samarin V. Perspective on African idgophones // African Studies. 1965. Vol.XXIV.
- Shevoroshkin V. Genetic relatedness of languages // Acta Colloquii. Bochum Publications in Evolutionary Cultural Semiotics. — Bochum, 1995. Vol.27.
- Slobin D. Antonymic phonetic symbolism in natural languages // Journal of Personality and Social Psychology. 1968. Vol.10, № 3.
- Voronin S. Fundamentals for a universal classification of onomatopes // Tenth International Congress of Phonetic Sciences, Utrecht, 1983. Abstracts. Dordrecht, 1983.
- ”— The phonemotype: A new linguistic notion (Implications for typological phonosemantics) // Proceedings, Eleventh International Congress of Phonetic Sciences. Tallinn, 1987. Vol.4.
- ”— The sound/sense riddle: Evidence from Germanic languages // Paradigmatic and Syntagmatic Investigations in Germanic languages. Abstracts of the Conference. — Vilnius, 1989.
- ”— Phonosemantics and translation // Translation and Meaning. Part 2. Proceedings of the Lodz Session of the 1990 Maastricht - Lodz Duo Colloquium. — Maastricht, 1992.
- ”— Approaching the Iconic Theory of Language Origin // Ninth Meeting of the Language Origins Society. Abstracts. — Oranienbaum, 1993.
- ”— The Universal Classification of Onomatopes twenty-five years on // Tenth Meeting of the Language Origins Society. Abstracts. — Berkeley, 1994.
- ”— Towards phonosemantics in foreign language teaching // SPELTA Newsletter, St.Petersburg English Language Teachers Association, 1996, No.8.
- ”— Etymological phonosemantics and glossogonic research // Twelfth Meeting of the Language Origins Society. Abstracts. University of Maryland Baltimore County, 1996.
- ”— Thesei theory and Saussure’s arbitrariness // Thirteenth Meeting of the Language Origins Society. Abstracts. — Pilsen, 1997.

- ”— In defence of the pan-physeistic theory of language origins // XVIème Congres International des Linguistes (Paris). Language Origins Research: State of the Art as of 1997. Convolute of Abstracts for a Workshop organized and chaired by Gyula Décsy. — Bloomington, 1997.
- ”— Approaching the Iconic Theory of Language Origin: Pertinent Laws and Tendencies from Phonosemantics // Bochum Publications in Evolutionary Cultural Semiotics. — Bochum, 1998.
- ”— The linguistic sign: both non-arbitrary and arbitrary (A rethink of Saussure's Principle One). Fourteenth Meeting of the Language Origins Society. Abstracts. Tallahassee, 1998.
- ”— Towards a Phonosemantic Typology of RL-Multiplicatives (A Case Study of Iconicity in Grammar)., // 40 лет Петербургской типологической школе. Под ред. В. Храковского и С. Дмитренко. — СПб., 2004.
- Werner H. Kaplan B. Symbol Formation. — N.Y., 1963.
- Wescott R.W. Sound and Sense: Linguistic Essays on Phonosemic Subjects. Lake Bluff, Illinois, 1980.
- ”— Holestheses, or phonestheses twice over // General Linguistics. 1987. Vol 27. № 2.
- ”— Getting It Together: Linking the Humanities to One Another and to the Sciences. — Chattanooga, TN: Univ. of Tennessee, 1990.

II. Справочная литература

1. Левицкий В.В. Сравнительно-этимологический словарь германских языков. — Черновцы, 1994.
2. Левицкий В.В. Этимологический словарь германских языков. В трёх томах. — Черновцы, 2000.
3. Diego V.G. de. Diccionario de voces naturales. — Madrid, 1968.
4. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Worterbuch. — Bern - Munchen, 1949 — 1959.

ПРИЛОЖЕНИЕ

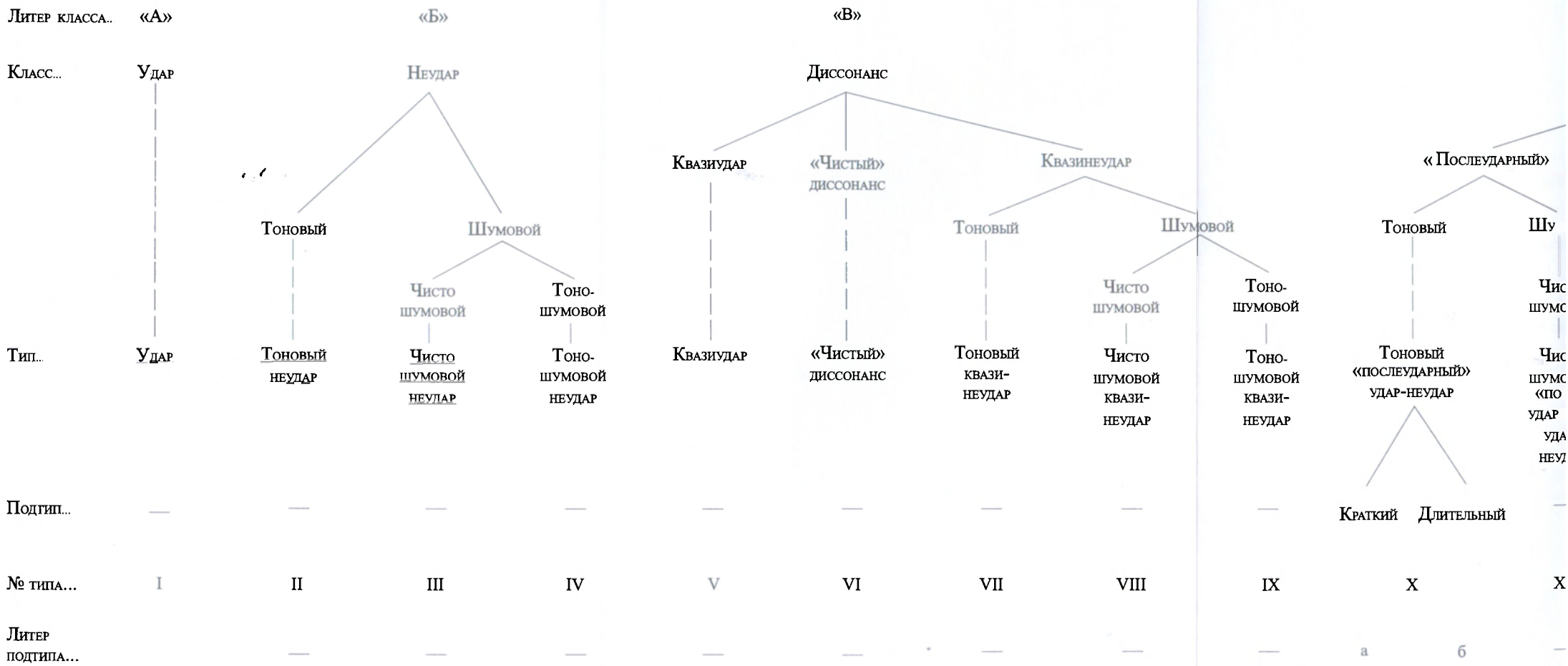
I. Символы

Символ	Значение символа
CONS	Согласный
PLOS	Взрывной
AFFR	Аффриката
FRIC	Фрикативный
^(s)	Прогетический ^(s) (как правило, перед PLOS-; так: ^(s) PLOS-)
R	/r/ в вибрантной либо невибрантной разновидности ¹
SON	Сонорный
NAS	Носовой (назальный)
LAB	Губной (лабиальный)
DENT	Зубной (дентальный) ²
LAT	Латеральный /l/
^	Знак глухости согласного (напр., FRIC^ — глухой фрикативный)
✓	Знак звонкости согласного (напр., FRIC — звонкий фрикативный)
VOC	Гласный
˘	Знак краткости гласного (VOC — краткий гласный)
ˉ	Знак долготы гласного (VOC — долгий гласный)
(); []	Скобки: в модели ониматопов обозначают необязательность стоящих внутри элементов

¹ К невибрантной разновидности /r/ относятся /r/ одноударное и шелевое.

² Термин “зубной (дентальный)” обобщает группу артикуляций, происходящих в районе верхних зубов: собственно зубной фрикативный /θ/ и альвеолярные взрывные /t/, /d/.

Звучания и сочетания звучаний: психоакустическая классификация

Примечания:
1. Из многочисленных типов (сукцессивных) сочетаний звучаний в таблице даются лишь те, которые находят отражение в звукоподражательной (под)системе английского языка.
2. Одной чертой подчеркнуты типы звучаний, простые как психоакустически, так и акустически.

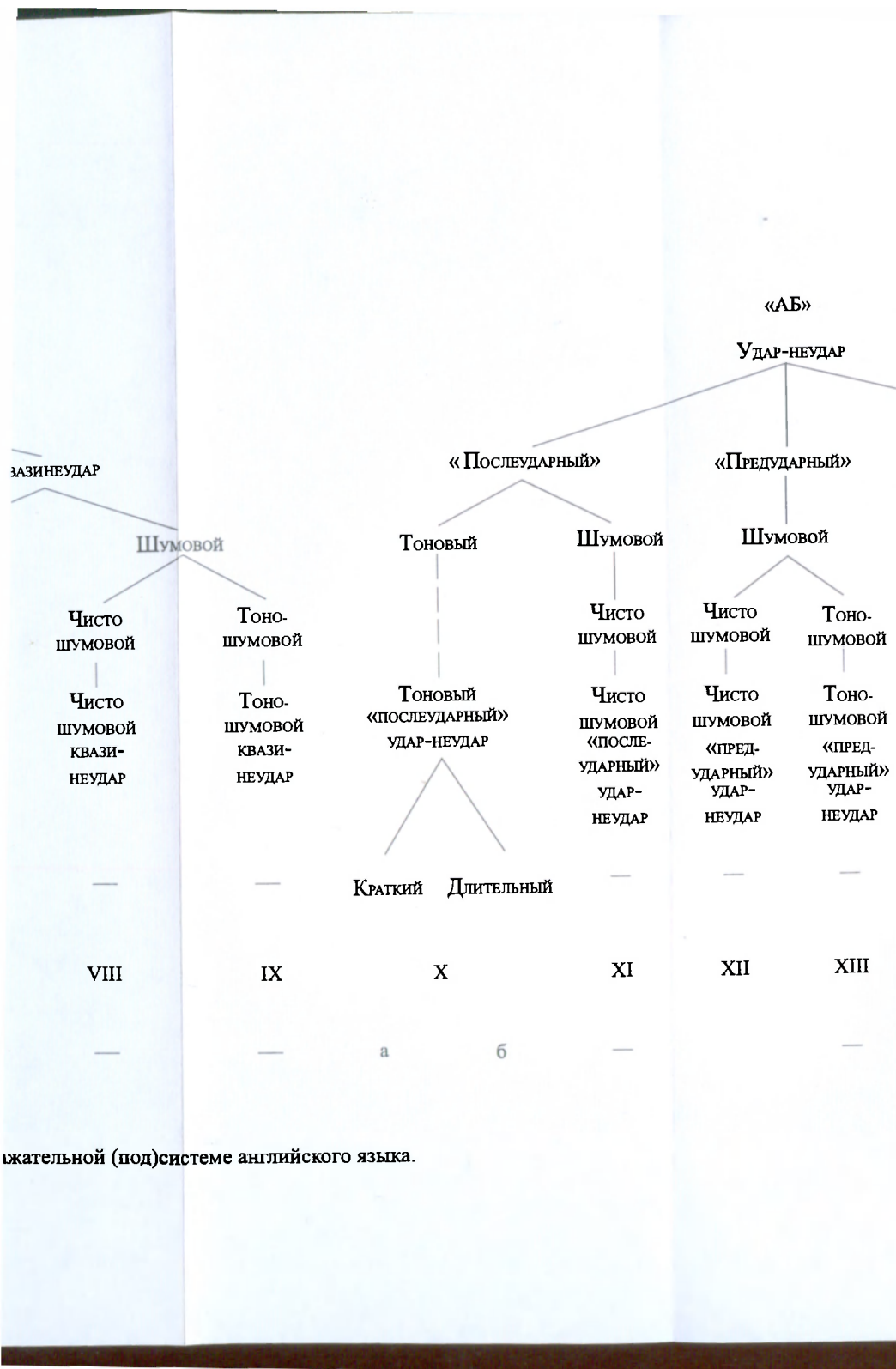
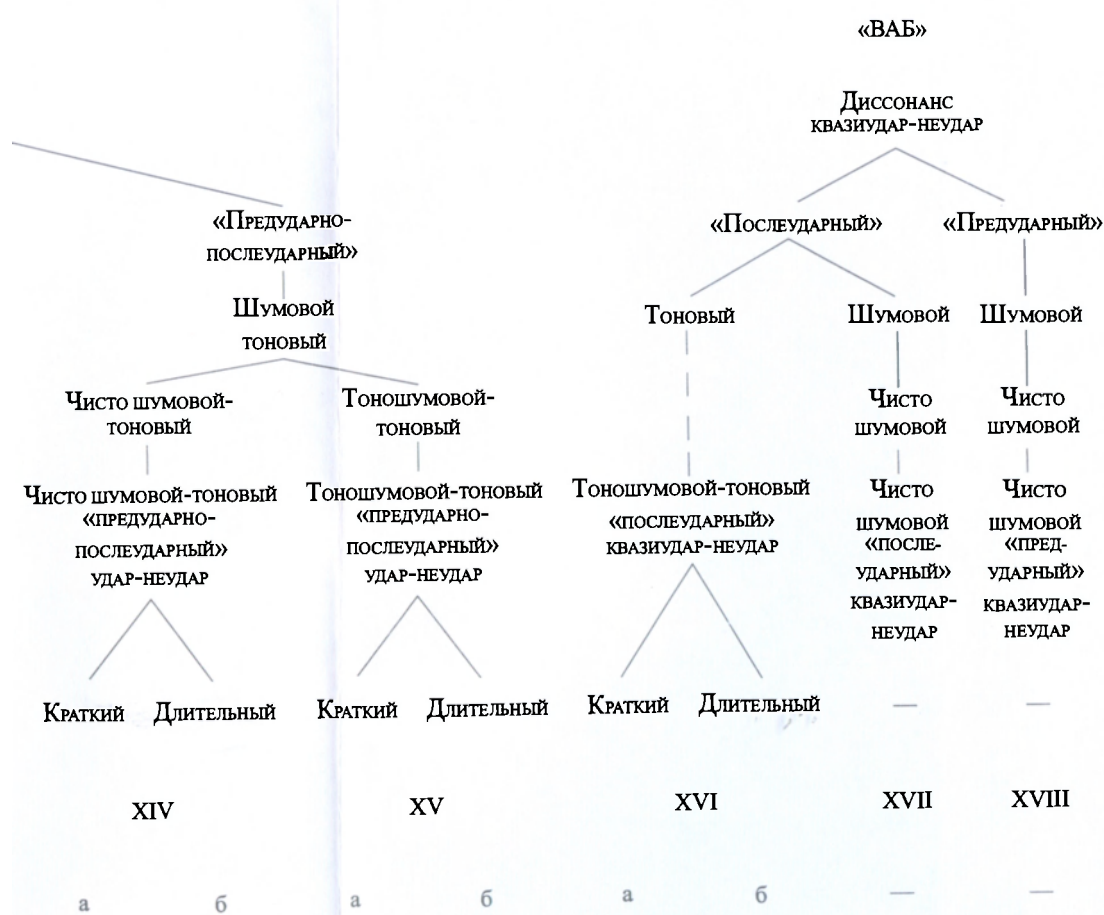

Таблица 1

АНГЛИЙСКИЕ ОНОМАТОМЫ: ФОНОСЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

ЛИТЕР КЛАССА...	«А»		«Б»							
КЛАСС...	ИНСТАНТ		КОНТИНУАНТ							
ТИП...	ИНСТАНТ		ТОНОВЫЙ	ШУМОВОЙ					КВАЗИИНСТАНТ	
				ЧИСТО ШУМОВОЙ	ТОНО- ШУМОВОЙ					
			ТОНОВЫЙ КОНТИ- НУАНТ	ЧИСТО ШУМОВОЙ КОНТИ- НУАНТ	ТОНО- ШУМОВОЙ КОНТИ- НУАНТ					
ПОДТИП...	—		—	—	—					—
ТИП №...	I	II	III		IV				V	
ЛИТЕР ПОДТИПА	—	—	—		—					
МОДЕЛЬ №	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
ПРИМЕР	tap	hoot	hiss	buzz	bum	hum	boom	zoom	crack	jerk

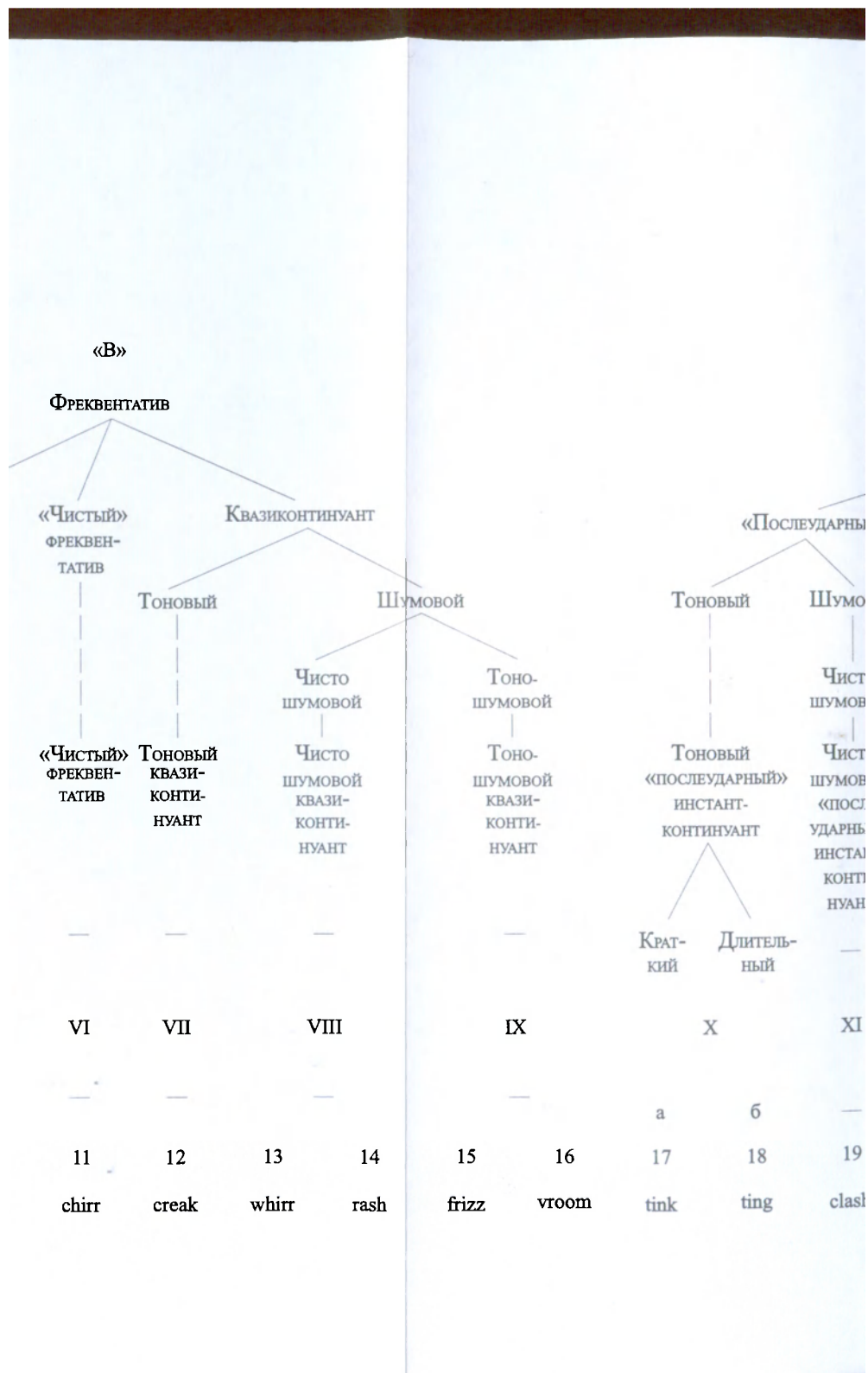
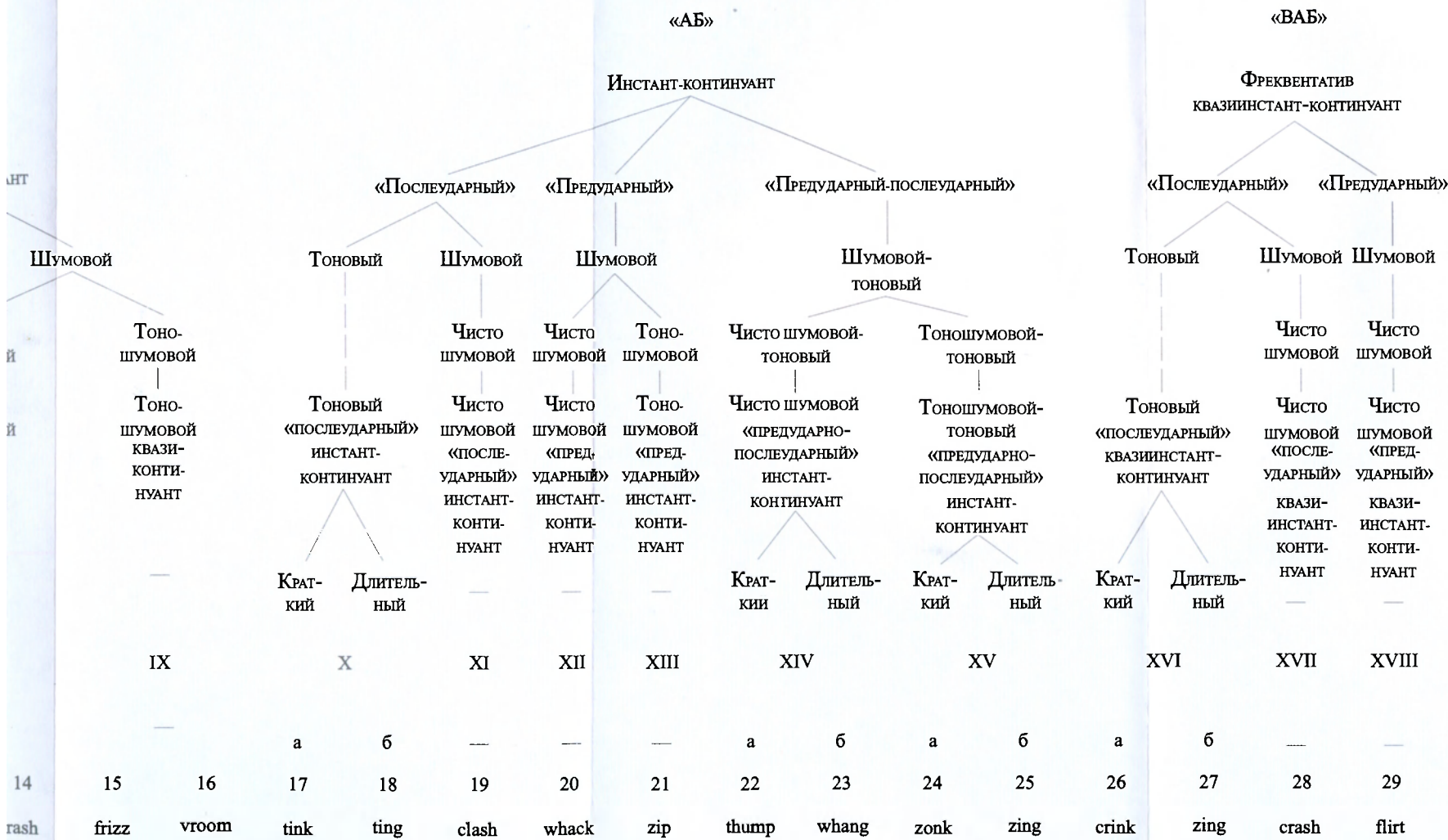

ТАБЛИЦА 2

Примечание: Относительно
Модели 30 см. Воронин [20, §24]

**II. Сокращения
(Научная и справочная литература)**

БСЭ	Большая Советская энциклопедия. Изд. 2-е
Газов-Гинзберг А.М. Язык...	А.М.Газов-Гинзберг. Был ли язык изобразителен в своих истоках? — М., 1965
Преображенский	А.Г.Преображенский. Этимологический словарь русского языка. Т. I—II. — М., 1959
ФЭС	Физический энциклопедический словарь. Т. I—V. — М., 1960—1966.
DAS	H.Wentworth, S.B.Flexner. Dictionary of American Slang. — L., 1960
EDD	The English Dialect Dictionary. (Ed.: J.Wright). Vols. I—VI. — Oxford U.P., 1923.
Marchand. Categories	H.Marchand. The Categories and Types of Present-Day English Word Formation. — Wiesbaden, 1960
Meyer-Lubke	W.Meyer-Luke. Romanisches etymologisches Worterbuch. — Heidelberg, 1911
OED	The Oxford English Dictionary. Vols.I—XII; Supplement. — Oxford, 1933
Web 2	Webster's New International Dictionary of the English Language. 2nd ed. — Springfield, 1958
Web 3	Webster's Third New International Dictionary. Vols.I—II. — L.— Springfield, 1961
Walde/Pokorny	A.Walde. Vergleichendes Worterbuch der indogermanischen Sprachen. (Herausgeber: J.Pokorny). Bde.I—III. — Berlin-Leipzig, 1926-1930
Wedgwood, Dictionary	H.Wedgwood. A Dictionary of English Etymology. 2nd ed. — L., 1872

Stanislav V. VORONIN

**ENGLISH ONOMATOPE:
A PHONSEMANTIC CLASSIFICATION**

Summary

This book was due to appear some twenty-five years ago. It did not. Not under soviet rule. Mainstream linguistics doggedly persisted in baulking the rise of phonosemantic heresy.

Updated, the book appears now — thanks to St.Petersburg's Institute of Foreign Languages.

In the gamut of challenging problems that may be qualified as *terra incognita* in the domain of the primary-motivated linguistic sign, the types and root structure of onomatopoeic words occupy a prominent position. "Stringent scholars" (to quote Y. Malkiel: Word, 1962, №2, pp. 198—219) "have tended to shirk, side-track, or postpone" the discussion of onomatopoeia (together with sound symbolism and expressivism), on account of it being "fraught with the greatest number of intrinsic difficulties (sometimes called 'intangibles'), increased by a heavy accumulation of haziness on the part of generations of analysts". To postpone indefinitely the discussion of vital issues — however controversial — would surely be unwise. Hence this book, a contribution to the theory of the motivated sign and to linguistic taxonomy.

The general layout is as follows: Preface, Introductory; Chapter I — A Classification of Sound; Chapter II — A Phonosemantic Classification of English Onomatopes; Chapter III — The 'Onomatope/Referent' Correlation; Conclusions.

English onomatopes (i.e. words designating 'external' sounds like *tick*, *toot*, *buzz*, *creak*, *bang*) are shown to constitute 5 classes: 3 classes (Instantants, Continuants, and Frequentatives)

designating, respectively, pulse-like sounds, tone or noise of appreciable duration, and vibratory dissonance-like sounds, and 2 classes combining features of the first three. The classes fall into 18 types comprising 30 models or structures, (the latter covering over 90 per cent of the material). The essentially universal (psycho) acoustics-based classification (the first attempt ever) has evolved as a generalization of the structural-semantic features of 700 simple-stem onomatopoes (the principal English types being borne out by some 640 sound-imitative words culled from more than 70 languages).

Here are examples of onomatopoes belonging to the 18 types:

- (I) *tap, tick, clap, plop, chop*;
- (II) *hoot, toot, beep, bleep*;
- (III) *hiss, swish, hush* (as in the acoustic term 'hushing noise');
- (IV) *buzz* ('a sibilant sound produced by very fast irregular pulsations; a sibilant hum' — Webster's Third New International Dictionary), *whiz(z)* ('a "singing" or rather "sizzling" noise on the wire' — Oxford English Dictionary);
- (V) *crack, rap, rip, crick, jerk*;
- (VI) *chirr, jar, br-r-r* (a *hapax legomenon* rendering the vibrating sound of a drill or the churring of cicadas);
- (VII) *creak, scroop*;
- (VIII) *whir(r)* 'to hurry along with a rushing or vibratory sound', *flurr* 'to fly with whirring or fluttering wings' (cf. *flurry* 'gust, squall; sudden rush of birds'), *rash* (in: "The strident rash-whish of the sharpening strake on the scythe");
- (IX) *frizz* 'to fry with sputtering sound, cook with sizzling noise';
- (X) *tink* 'the metallic sound with very short resonance emitted e.g. by a cracked bell struck with something light'; *ting* 'sound emitted e.g. by a small bell as the result of a single stroke';
- (XI) *clash* 'the loud sound of collision made by a very heavy blow, the first impact of which is hard, but followed by a confused sound of many lighter impacts' (Oxford English Dictionary: "*clash* suggests an action produced in the same way as

- a *clap* or *clack*, which, instead of abruptly ending like these, results in a mingled mass of smashing or rustling sounds”);
- (XII) *whack, flap, whit* ‘the sound of a bullet whistling through the air and striking something hard’;
 - (XIII) *zip* ‘high-pitched, abruptly terminating buzzing (as of a mosquito) or humming (as of a bullet) sound’;
 - (XIV) *thump* ‘to pound, producing a somewhat dull sound (not as dull as a thud), to thrash with a whip’; *whing* ‘an onomatopoeia expressing a high-pitched ringing sound caused by a swishing movement’;
 - (XV) *zonk* ‘an imitation of whizzing and ringing sound, abruptly terminated’; *zing* ‘to whizz by with a humming noise (as of a bullet)’;
 - (XVI) *crink* ‘a sound in which cricking and chinking blend’; *ring; brrrumm* ‘an imitation of the hollow rapping sound of a drum-beat’;
 - (XVII) *crash* ‘to make a loud confused noise as of many hard bodies dashing and breaking together’;
 - (XVIII) *flirt* ‘to throw with a jerk; rap; flick; to practise coquetry’.

Note that tonal nonpulses comprising (or forming part of) the sound signified by types X, XIV, XV, XVI fall into two subtypes: (a) “short” (i.e. those of shorter duration, e.g. *tink*) and (b) “long” (i.e. those of longer duration, e.g. *ting*). The types differ qualitatively, whereas differences between the subtypes of a given type are only quantitative.

Following are two illustrations (slightly simplified) of models (structures, patterns) — belonging to type I and type X (subtype (b)).

Type I: Instants. These onomatopoes designate pulses (the pulse is an instant sound like a tap or click). Cf. *tap, tick, dod, pip, clap, click, glug, plop, chop*. Listing the initial consonants in the roots of these onomatopoes, we find them to be: /t, d, p, k, g, tʃ/; the root-final consonants are: /p, k, d, g/. The diversity is obvious — but misleading; in this diversity there is an underlying unity (less obvious but nevertheless tangible): what unifies these

consonants (both initial and final) is the fact that they belong to one and the same type, viz. plosives (there also are affricates, but on these see below). Acoustically, plosives are essentially pulses, and it is only natural that they would be used in onomatopoeic designations of a pulse. (As to affricates, the initial element here tends to be of a pulse-like nature; thus affricates, too, are a natural — if somewhat less accurate — rendering of a pulse). Hence plosives (as well as affricates) in onomatopes designating pulses are not purely phonetical, asemantic groupings — they are “semantically loaded”, and charged with the delicate task of conveying meaning; whenever an onomatope designates a pulse, it is primarily the plosives that do the semantic job for the entire onomatope. Plosives in Instants are an example of what I term the *phonotype*. In terms of phonotypes, the general pattern (model 1) emerging for Instants is as follows (PLOS — plosive, AFFR — affricate, VOC — short vowel, SON — sonorant):

PLOS (+SON^{LAB})
 -----+ VOC +PLOS
 AFFR

Type X (subtype (b)): Tonal Postpulse Instants-Continuants. These designate a complex sound — basically the combination of a pulse followed by a resonant tone (e.g. the ringing sound produced by a string or a bell). Cf.: *ting, tang, tong, ping, bang, bing, twang, clang, clam*. The root-initial and root-final consonants in these examples are, respectively: /t, p, b, k/ and /ŋ/, m/. The case for the initials is the same as in the above-mentioned Instants: they belong to the plosives (or affricate) phonotype, and they render the initial pulse. The case for the finals is that they are all sonorants: acoustically, sonorants are predominantly tonal elements; it is therefore only natural that the sonorant phonotype be used in onomatopoeic designations of tone. In terms of phonotypes, the general pattern (model 18) for Tonal Postpulse Instants-Continuants (subtype (b)) is this:

PLOS
 ----- (+ SON) + VOC + SON^{NAS}
 AFFR

Systemic investigation unambiguously points to the existence of an appreciably strict correlation between structural elements

of the onomatopoeic root and those of the sound signified. It is demonstrated that (contrary to the widespread belief) it is not the phoneme (speech sound) as such but the phonotype — the acoustic phonetic type (e.g. plosive, voiceless fricative) that is of primary importance in discussing onomatopoeic root structure. Practically every single phoneme in the root possesses meaning and clear-cut sound-imitative functions (e.g. plosives render pulse-like sounds, as in *tap*, *click*; voiceless fricatives reflect pure noise, as in *hiss*, *swish*). Further evidence is thus produced in favour of J.R.Firth's and L.Bloomfield's revolutionary idea of the structural-semantic divisibility of the onomatopoeic root.

The conclusion is arrived at that onomatopes are no haphazard miscellany of words — they form a patently rigorous system within the framework of the English lexis.

The (psycho)acoustics-based phonosemantic classification succeeds in pinpointing that ever elusive (for many, indeed, non-existent) sound-sense link. Not unlike the periodic system of elements, the proposed taxonomy possesses significant predictory and heuristic potential.

The Preface, written in 1997, includes definitions of the phonotype (introduced by the author in 1969). Here are two examples of their detailed and succinct versions:

Phonotype (acoustic or articulatory): speech sound type containing a phonetic feature type (acoustic or articulatory) homeomorphous with (i.e. similar to) the referent feature type (acoustic or non-acoustic) serving as basis for phonoiconic (onomatopoeic or sound-symbolic) nomination;

Phonotype: speech sound type containing a phonetic feature type homeomorphous with the motif type.

The Preface also includes a first formulation of the basic *Iconic Sign Structure Law* (for simple-stem formations): "The iconic sign is a function of the motif type". A possible formulation for the onomatopoeic phonoiconic sign — i.e. the onomatope — would be "The structure of the onomatope is a function of the acoustic motif type's structure".

It is hoped that this book would stimulate further probes eventuating in a comprehensive theory of English onomatopoeia and the non-arbitrary linguistic sign.

Научное издание

С.В. Воронин

АНГЛИЙСКИЕ ОНОМАТОПЫ

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

Под редакцией профессора О.И. Бродович

Компьютерная верстка — Л.В. Марковнина

Станислав Васильевич ВОРОНИН
1935 — 2001

Доктор филологических наук (общее языкознание), профессор кафедры английской филологии Санкт-Петербургского университета, в 1993 — 2001 также профессор Института иностранных языков (Санкт-Петербург). Основатель фоносемантики как самостоятельной языковедческой науки (рассматривающей связь звука и значения в слове) и петербургской фоносемантической школы. Автор изобразительной (иконической) теории происхождения языка (языкового знака). Им сформулирован семиотический принцип двоякой произвольной/произвольной природы языкового знака (в противоположность «принципу произвольности» Фердинанда де Соссюра), а также некоторые основные законы образования и эволюции знака. Публикации: более 170 работ. Был членом Общества по изучению происхождения языка (Неймеген, Нидерланды). Монография «Основы фоносемантики» удостоена почетной грамоты Министерства высшего образования за высокий научный уровень и актуальность тематики.

Stanislav V. VORONIN
1935 — 2001

Doct.Phil. (General Linguistics). Professor (Department of English Philology, St.Petersburg University, in 1993 — 2001 also at the Institute of Foreign Languages, St.Petersburg). Founder of phonosemantics as a linguistic science *sui generis* (which deals with the sound-sense link in the word) and of the St.Petersburg school of phonosemantics. Author of the iconic theory of language origin. He formulated the duo semiotic principle of the nonarbitrary-cum-arbitrary nature of the linguistic sign (challenging Ferdinand de Saussure's solo principle of the *signe arbitraire*), as well as some basic laws of sign formation and evolution. Publications: over 170. He was a member of the Language Origins Society (Nijmegen, The Netherlands). Honours: Education Ministry's Scholarly Excellence Award for the monograph *Foundations of Phonosemantics*.